Социалистическая законность

9

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ

СЕНТЯБРЬ

ОГИЗ * 1936
ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
«СОВЕТСКОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО»

СОДЕРЖАНИЕ № 9

	Стр.
Приговор суда—приговор советского народа	1
Речь Государственного обвинителя Прокурора Союза ССР тов. А. Я. Вышинского на процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра	6
Л. Шейнин — Из зала суда	23
Винокуров — Проект Конституции Союза ССР и судорганы	24
Рейхель — Состояние гражданских дел в судах	27
55-й Пленум Верховного Суда Союза	32
Я. Бранденбургский — Новое в семейном праве	34
С. Пригов — В защиту стахановцев	40
С. Потапов — О судебной фотографии	45
2-е Всесоюзное прокурорское совещание (прения по докладу Зам. Прокурора Союза ССР тов. Г. К. Рогинского)	48
Больше бдительности	56
Тартаковский — О допросах	60
А. Либерман — О судебном надзоре	62
М. Хватовкер — Своевременно	65
Жгутов — К вопросу возбуждения уголовного преследования	65
Памяти тов. Гребнева	67
Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза	67
Надзорная практика Верховного суда СССР	74
По Союзным республикам	77
Право, процесс и судоустройство в капиталистических странах	88
В Институте уголовной политики	92
Библиография	94
Официальный отдел	97
Сводка важнейших постановлений правительства Союза ССР	102

Социалистическая законность
ОРГАН ПРОКУРАТУРЫ СССР

СЕНТЯБРЬ 1936 г. 9

Редакция:
Москва, М. Дмитровка, д. 15

Приговор суда — приговор советского народа

Судебный процесс по делу объединенного троцкистско-зиновьевского террористического центра закончен. Приговор вынесен. Приговор приведен в исполнение.

Этот невиданный в истории советской юстиции процесс подвел последние итоги подлейшей борьбы против Советского государства и ВКП(б), против руководителей во главе с великим Сталиным, против дела социализма — дела международного пролетариата, борьбы, поднятой и непрерывно ведущейся самыми лютыми и отъявленными врагами социализма.

Этот процесс явился яркой иллюстрацией всего того ожесточения и непримиримой злобы последних обломков эксплоататорских, враждебных пролетарскому государству элементов, которые в своих нападениях на Советское государство не знают никаких пределов, не брезгают никакими средствами, не стесняются в выборе самых позорных и наглых способов борьбы.

Еще три года тому назад, подводя итоги первой пятилетки, товарищ Сталин на объединенном пленуме ЦК и ЦКК ВКП(б) 7 января 1933 года говорил: «Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эсэров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов».

Этот процесс, однако, не только показал всю беспредельную злобу врагов советов, врагов социализма, он показал, какие действительно невиданные по своей остроте формы принимает эта борьба. Процесс со всей очевидностью показал, что враг рассуждает так, как говорит французская пословица, «à la guerre comme à la guerre» (на войне как на войне). Этот процесс показал, что поднявшие против советской власти знамя гражданской войны умеют, независимо от всего различия их «политических» и «идеологических» оттенков, создавать блок жесточайшего сопротивления делу социализма.

Этот процесс показал, что нет пределов подлости врага, цинично попирающего самые элементарные требования и принципы самой элементарной морали и самых элементарных законов человеческого общежития, издевающегося над элементарным чувством чести и частности, павшего до самой последней степени, растленного собственной безнравственностью, не знающего ничего святого и священного.

Этот процесс вместе с тем показал и доказал, что от так называемых «оппозиций» и «фракций» внутри нашей партии идет прямая дорога в лагерь подлинной контрреволюции, к белогвардейщине, к фашизму. Этот позорный путь проделали под руководством Л. Троцкого Зиновьев, Каменев и другие преступни-

ки, занимавшие на процессе объединенного центра скамью подсудимых; преступники, организовавшие чудовищный заговор против нашего вождя, против руководителей ВКП(б) и Советского государства.

Не случайно, что во главе этого заговора стоял Л. Троцкий и что роль застрельщиков в организации террористических покушений против наших вождей и против великого учителя народов СССР и всего международного пролетариата товарища Сталина играли именно он и троцкисты. В известном письме в редакцию журнала «Пролетарская революция» (1931 г.) товарищ Сталин говорил, что именно троцкизм дал контрреволюционной буржуазии духовное, тактическое и организационное оружие.

«Кто дал, — писал Сталин по поводу антипартийной и полутроцкистской статьи Слуцкого «Большевики о германской социал-демократии в период ее предвоенного кризиса», — контрреволюционной буржуазии духовное оружие против большевизма в виде тезиса о невозможности построения социализма в нашей стране, в виде тезиса о неизбежности перерождения большевиков и т. п.? Это оружие дал ей троцкизм. Нельзя считать случайностью тот факт, что все антисоветские группировки в СССР в своих попытках обосновать неизбежность борьбы с советской властью ссылались на известный тезис троцкизма о невозможности построения социализма в нашей стране, о неизбежности перерождения советской власти, о вероятности возврата к капитализму.

Кто дал контрреволюционной буржуазии в СССР тактическое оружие в виде попыток открытых выступлений против советской власти? Это оружие дали ей троцкисты, пытавшиеся устроить антисоветские демонстрации в Москве и Ленинграде 7 ноября 1927 г. Это факт, что антисоветские выступления троцкистов подняли дух у буржуазии и развязали вредительскую работу буржуазных специалистов.

Кто дал контрреволюционной буржуазии организационное оружие в виде попыток устройства подпольных антисоветских организаций? Это оружие дали ей троцкисты, организовавшие свою собственную антибольшевистскую нелегальную группу. Это факт, что подпольная антисоветская работа троцкистов облегчила организационное оформление антисоветских группировок в СССР.

Троцкизм есть передовой отряд контрреволюционной буржуазии» (Сталин, «Вопросы ленинизма», стр. 476).

Являясь руководителем передового отряда контрреволюционной буржуазии, троцкизм возглавил террористический заговор и дал своим единомышленникам, как это с очевидностью выяснилось на только-что закончившемся процессе, прямую директиву о переходе к террору, рассчитывая именно этим способом добиться осуществления захвата власти. Этот переход на позицию терроризма троцкистско-зиновьевского отребья был подготовлен всем политическим прошлым и троцкистов и зиновьевцев. Вся дореволюционная политическая деятельность Троцкого тесно связана с ожесточенной борьбой его против Ленина и большевиков, против большевистской партии, против основ большевизма.

Еще в 1909 г. Ленин клеймил Троцкого проходимцем. В 1911 году о Троцком и троцкизме Ленин писал:

«Люди подобные Троцкому с его надутыми фразами о РСДРП и с его раболепством перед ликвидаторами, не имеющими ничего общего с РСДРП, являются ныне «болезнью времени»... на деле это проповедники капитуляции перед ликвидаторами — строителями столыпинской рабочей партии» (Ленин, т. XV, стр. 197).

Ленин писал, что «г.г. Троцкие обманывают рабочих, прикрывают зло, делают невозможным разоблачение его и излечение от него. Всякий, кто поддерживает группку Троцкого, поддерживает политику лжи и обмана рабочих...» (Ленин, т. XV, стр. 218).

Ленин в 1911 году характеризовал Троцкого, как «бедного героя фразы», который «обманывал рабочих самым беспринципным, бессовестным образом!!!» (Ленин, т. XV, стр. 230 и 238).

В 1912 году Троцкий сколачивает так называемый августовский блок — союз всех антибольшевистских сил, блок, построенный на «беспринципности, лицемерии и пустой фразе» (Ленин).

В 1914 году, в период массовых политических и экономических стачек и перерастания этих стачек в вооруженные демонстрации, в период первых июльских баррикад в Петербурге, Ленин, подводя итоги десятилетней борьбы большевизма с троцкизмом, специально

предупреждает пролетариат против Троцкого, прославившегося уже в это время как «тушинский перелет».

Ленин тогда писал о Троцком:

«Такие типы характерны как обломки вчерашних исторических образований и формаций, когда массовое рабочее движение в России еще спало» (том 17, стр. 394).

Но вот наступают дни войны. Троцкий — в первых рядах каутскианцев. Троцкий в плену оппортунизма и социал-шовинизма.

Автор «перманентной революции», убежденный и закоренелый враг ленинизма, десятки лет непримиримо боровшийся против Ленина и большевиков, сделавший борьбу с ленинизмом своей профессией, Троцкий примкнул в 1917 г. к Октябрьской революции, захваченный потоком революционных событий. Он примкнул к Октябрьской революции отравленный ядом неверия в победу социализма, в возможность построения социализма в нашей стране.

В 1932 году, как и до того, как и во все последующие годы, вплоть до последнего времени, в своем подпольном листке «Бюллетень оппозиции» Троцкий продолжает утверждать, что «сегодня, как и 15 лет тому назад, утопична и реакционна программа построения социалистического общества в одной стране».

Фальсифицируя историю, Троцкий в своих «исторических» «Уроках Октября» пытался развенчать Ленина как вождя партии пролетарской революции и, беззастенчиво саморекламируясь, изобразить себя чуть ли не единственным и подлинным организатором Октябрьской революции.

В своей речи на пленуме фракции ВЦСПС 19 ноября 1924 года товарищ Сталин, разоблачая антикоммунистическую сущность троцкизма, говорил:

«В чем состоит опасность нового троцкизма? В том, что троцкизм по своему внутреннему содержанию имеет шансы стать центром и сборным пунктом непролетарских элементов, стремящихся к ослаблению, к разложению диктатуры пролетариата».

С тех пор прошло 12 лет. За эти годы Троцкий и троцкизм, оставаясь верными своему внутреннему содержанию, стали действительным, подлинным центром и сборным пунктом не только всех, кто стремится ослабить пролетарскую диктатуру, но и центром аккумуляции всех антисоветских, контрреволюционных сил, ведущих борьбу против советского государства и советской власти.

Вся история борьбы против партии всяких групп и группочек связана в конечном итоге с именами Троцкого, Зиновьева и Каменева. Основное в этой борьбе заключалось в отрицании возможности построения в СССР социализма силами рабочего класса и крестьянства нашей страны.

Ленин учил, что сама неравномерность экономического и политического развития общества, являющаяся безусловным законом капитализма, обусловливает возможность победы социализма первоначально в немногих и даже в одной стране, что победивший пролетариат в этой стране, экспроприировав капиталистов и организовав у себя социалистическое производство, станет несокрушимой базой мирового социализма, знаменем борьбы за социализм всех трудящихся, опорой и источником побед мирового коммунистического движения.

На VI съезде партии товарищ Сталин предсказал, что именно Россия явится страной, пролагающей путь к социализму, что нужно откинуть отжившее представление о том, что только Европа может указать нам этот путь.

Это предсказание великих учителей международного социализма—Ленина и Сталина—полностью сбылось. Вопреки всяким заклинаниям и восклицаниям контрреволюционных Иудушек, героев троцкистско-зиновьевского подполья, вопреки контрреволюционному утверждению Троцкого, что «революционная Россия не может устоять против консервативной Европы, что российский пролетариат, «предоставленный своим собственным силам... будет неизбежно раздавлен контрреволюцией»,—российский пролетариат под руководством нашей великой коммунистической партии во главе с Лениным и Сталиным, не только устоял перед лицом консервативной Европы, не только не оказался раздавленным буржуазной контрреволюцией но раздавил эту контрреволюцию, ликвидировал старые эксплоататорские классы и самый отвратительный из них — последний из эксплоататорских классов—кулачество, построил новое социалистическое общество, обеспечил великими победами социализма дальнейшее, еще более блестящее, его развитие,

превратил Союз ССР в непобедимую крепость социализма, в могучий оплот международного коммунистического движения.

Троцкизм всегда боролся отравленным оружием, отравленным ядом клеветы, фальсификации и обмана. Не случайно поэтому излюбленным методом троцкистско-зиновьевской борьбы является двурушничество, доведенное этими людьми до виртуозности. В конец изолгавшиеся, эти люди двурушничество превратили в систему, в основной метод своих отношений с партией и советской властью, перещеголяв в этом отношении самых искушенных и испытанных в этом деле иезуитов и провокаторов.

Настоящий процесс показал, до каких геркулесовых столбов эти господа дошли в деле двурушничества, коварства и вероломства; но эта высшая школа маскировки и исключительного искусства лицемерия явилась в руках троцкистов и зиновьевцев лишь итогом длительно накапливавшегося опыта, результатом глубоко укоренившегося среди троцкистов и зиновьевцев метода борьбы, логика которой требовала применения все новых и все более изощренных способов обмана.

Это особенно нужно отнести к тому времени, когда, воспользовавшись гигантскими трудностями перехода к осуществлению первой пятилетки, враги Советского государства предприняли энергичную атаку по всему фронту социалистического строительства, не останавливаясь перед самой безудержной клеветой на дело социализма, на руководителей ВКП(б) и Советского государства.

Именно в это время троцкизм объединил все разгромленные партией оппозиционные группки и выступил как сила, организующая все антисоветские элементы, как основная сила организации подлинной контрреволюции.

1926—1927 годы явились годами откровенного перехода троцкистско-зиновьевской оппозиции на путь прямой контрреволюции, на путь прямых контрреволюционных преступлений. Обвиняя советское правительство и партию в «усиленном нажиме на мускулы рабочего», в покровительстве антипролетарским тенденциям, в росте и укреплении капиталистических элементов, в перерождении, термидорианстве, сведении на-нет пролетарской демократии и т. д. и т. п., эти господа открыто занимались контрреволюционной агитацией, т. е. прямыми контрреволюционными преступлениями.

Не случайно, что первыми оруженосцами Троцкого явились Каменев и Зиновьев со всей бакаевско-евдокимовской челядью, целиком оказавшейся в лагере контрреволюции.

Что собой представляли в политическом смысле к моменту Великой октябрьской пролетарской революции будущие подручные Троцкого — Каменев и Зиновьев? Известно позорное поведение Каменева во время процесса над членами большевистской фракции IV государственной думы в 1915 году. Известно, что Февральская революция 1917 года вдохновила Каменева на посылку приветственной телеграммы Михаилу Романову. Известно, наконец, что Каменев и Зиновьев в дни Октября запятнали себя изменническим выступлением в буржуазной печати против решения ЦК об организации восстания и что Ленин предлагал их обоих исключить из партии «за полный состав штрейкбрехерства», что Ленин говорил об этом выступлении Зиновьева и Каменева как о «безмерной подлости, настоящем изменничестве».

Зиновьев и Каменев встретили Октябрь как штрейкбрехеры, и уже одно это обстоятельство объясняет естественность и закономерность последующего прочного сближения Зиновьева и Каменева с Троцким и организации троцкистско-зиновьевского блока, скатившегося спустя некоторое время окончательно в болото белогвардейщины. Перейдя окончательно в лагерь троцкистов, Зиновьев и Каменев полностью усвоили науку о методах своего политического поведения.

Пройдя эту троцкистскую школу двурушничества, коварства и вероломства, Зиновьев и Каменев применяли все ее искусство и мастерство в борьбе против руководителей ВКП(б) и Советского государства, особенно в последние годы. И обвинительное заключение и судебное следствие с исключительной яркостью показали, до какой предельной низости и подлости дошли эти мастера двурушничества, лицемерия и вероломства. Достаточно напомнить об их покаянных письмах и статьях в нашей печати, относящиеся как раз к тому периоду вре-

мени, когда террористическая подпольная деятельность этих господ достигла своего апогея. Достаточно напомнить их лживые речи на судебном процессе 15—16 января 1935 г., их попытки заставить нас им поверить, поверить в то, что они говорят правду, что они способны говорить правду. Одним из ярких примеров предательства и коварства этих господ явился разоблаченный на судебном процессе подсудимыми Рейнгольдом и Пикелем план истребления своих собственных сообщников, исполнителей террористических их актов.

Подсудимый Рейнгольд показал буквально следующее: «Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити подготовлявшегося ими государственного заговора. Поэтому они считали важнейшей задачей уничтожение каких бы то ни было следов совершенных преступлений. С этой целью предполагалось Бакаева назначить председателем ОГПУ. На него возлагалась задача физического уничтожения как непосредственных исполнителей террористических актов над Сталиным и Кировым, так и тех работников ОГПУ, которые могли бы держать в своих руках нити совершенных преступлений».

Это, хотя и косвенно, подтвердили, в сущности говоря, и Каменев и Зиновьев, признавшие, что действительно в их план входило в случае успеха назначение Бакаева председателем ОГПУ именно для того, чтобы Бакаев использовал свое положение и путем, как выразился на суде Зиновьев, злоупотреблений и преступлений скрыл следы организации и осуществления террористических актов, устранив возможность разоблачения их историей.

По трупам эти молодцы собирались пробраться к власти, не щадя на своем пути никого, даже своих собственных сообщников. Даже среди банд закоренелых уголовных преступников действуют более «нравственные» правила поведения.

Отчаявшись в какой бы то ни было поддержке со стороны трудящихся масс в своей борьбе против руководителей нашего правительства и ЦК ВКП(б), потеряв всякую опору в массах, поставив своей программой реставрацию капитализма, эти люди не останавливались перед организацией убийств руководителей партии и правительства и перед проповедью пораженчества Союза ССР в войне с империалистами.

Предатели социализма, в своей среде они откровенно работали за возврат к капитализму, за ликвидацию совхозов, за роспуск колхозов, за свертывание социалистической индустриализации. Предатели социализма, они все свои усилия направляли на дезорганизацию социалистического строительства, всячески стараясь задержать и ослабить его успехи, сблокировавшись с фашистской охранкой (Гестапо), объединившись в контрреволюционной террористической борьбе против Союза ССР со шпионами, провокаторами и диверсантами.

Троцкий и Седов благословляли в Берлине союз Ольберга с агентом германской охранки Тукалевским. Зиновьев и Каменев благословляли и подводили теоретическую базу под союз троцкистов и зиновьевцев с фашистами и охранниками. Зиновьев говорил Моисею Лурье, рассказавшему ему о связи троцкистов с фашистами: «Что же вас здесь смущает? Вы же историк, Моисей Ильич, вы знаете дело Лассаля с Бисмарком, когда Лассаль хотел использовать Бисмарка в интересах революции».

Валентин Ольберг, этот штатный агент германской полиции и одновременно личный друг сына Л. Троцкого—Седова и его доверенное лицо, по фальшивому паспорту гражданина республики Гондурас перебрасывается в Союз ССР для того, чтобы организовать, при содействии другого агента германской полиции Пауля Ольберга и группы горьковских террористов, покушение на товарища Сталина в день народного праздника 1 мая 1936 года.

«Врач-хирург» Натан Лурье перебрасывается из Берлина в Москву и связывается здесь с представителем начальника охранных фашистских отрядов Гимлера (ныне начальника Гестапо) Францем Вайцем. Вместе с ним, а после его отъезда из СССР вместе и под руководством «профессора истории» Моисея Лурье, этот бандит продолжает свою преступную «деятельность», готовя покушение одновременно и на т. Ворошилова и на т. Жданова в Ленинграде.

Целая куча террористов перебрасывается Троцким из-за кордона, чтобы попробовать убить самое дорогое и священное, что есть в нашей стране для каждого честного трудящегося человека

нашей великой родины. Эти негодяи организовали и осуществили два года тому назад злодейское убийство в Ленинграде великого сына рабочего класса, пламенного трибуна пролетарской революции, любимейшего товарища и соратника Сталина—Сергея Мироновича Кирова. Эти предатели и бандиты готовили еще убийства, готовили покушение на жизнь тт. Сталина, Ворошилова, Жданова, Орджоникидзе, Кагановича, Косиора и Постышева.

С именем любимого, бесконечно близкого и дорогого каждому трудящемуся товарища Сталина, с именами его славных сподвижников — тт. Молотова, Кагановича, Ворошилова, Калинина, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева, Ежова — связано все лучшее, что есть в жизни миллионов рабочих и крестьян, что завоевано трудящимся народом нашей страны навечно.

Троцкистско-зиновьевская банда подняла и вела предательскую борьбу против наших руководителей. Эта банда до конца разоблачена. Убийцы пойманы с поличным. Это они при помощи ленинградской группы зиновьевцев Николаева — Котолынова организовали и осуществили убийство товарища Кирова. Это они организовали ряд террористических групп в Москве, Ленинграде, Киеве и других городах для того, чтобы обезглавить Советское государство и пролетарскую революцию. Это они сомкнулись с фашистскими охранниками — с Ольбергами и Тукалевскими. Это они, под прикрытием лживых и подлых клятв в верности Советскому государству и нашей партии втайне оттачивали ножи, чтобы вонзить их в самое сердце нашего народа.

Осуждены к расстрелу приговором Военной коллегии Верховного суда Союза ССР шестнадцать бандитов во главе со своим «центром» в лице Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева, Смирнова, Мрачковского и Тер-Ваганяна. Враг пойман с поличным. Враг изобличен. Враг уничтожен.

Выше бдительность! Выше зоркость в борьбе с врагами! Железной стеной станем на защиту наших вождей, нашей партии, нашего государства. Живой стеной десятков миллионов рабочих и крестьян и трудящейся интеллигенции защитим жизнь и здоровье нашего великого руководителя, нашего великого и любимого Сталина и его славных сподвижников от подлых посягательств и коварных замыслов жестокого врага.

Да здравствует великая партия Ленина — Сталина!

Да здравствует великий, мудрый, любимый вождь, друг, товарищ и учитель Иосиф Виссарионович Сталин!

Обвинительная речь

На процессе троцкистско-зиновьевского террористического центра государственного обвинителя, прокурора СССР А. Я. ВЫШИНСКОГО, произнесенная в судебном заседании Военной Коллегии Верховного Суда СССР 22 августа 1936 г.

Товарищи судьи, товарищи члены Военной Коллегии Верховного Суда Союза!

Три дня со всей тщательностью и вниманием вы исследовали представленные государственным обвинением улики и доказательства, направленные против сидящих здесь на скамье подсудимых людей, обвиняемых в совершении тягчайших государственных преступлений. Со всей возможной тщательностью вы подвергли исследованию и судебной проверке каждое из этих доказательств, каждый факт, каждое событие, каждый шаг обвиняемых, в течение многих лет нанизывавших одно преступление на другое в своей борьбе против советского государства, против советской власти и нашей партии, против всего нашего советского народа.

Ужасна и чудовищна цепь этих преступлений, направленных против нашей социалистической родины, преступлений, каждое из которых достойно самого сурового осуждения и самой суровой кары. Ужасна и чудовищна вина этих преступников и убийц, поднявших руку против руководителей нашей партии, против товарищей Сталина, Ворошилова, Жданова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора и Постышева, против наших руководителей, руководителей советского государства. Чудовищны преступления этой банды людей, не только подготовивших террористические акты, но и убивших одного из лучших сынов рабочего класса, одного из преданнейших делу социализма, одного из любимейших учеников великого Сталина, пламенного трибуна пролетарской революции, незабываемого Сергея Мироновича Кирова.

Но как бы ни были чудовищны эти преступления и как бы ни были мы все глубоко взволнованы и возмущены этими кошмарными и ужасными преступлениями, — вы, товарищи судьи, как это и подобает советскому суду и советскому правосудию, с глубоким спокойствием взвешивали и оценивали проходившие перед вашими глазами факты, связанные с

преступной деятельностью этих людей, имена которых давно уже покрыты всенародным презрением и всенародным позором.

Мы подошли сейчас к концу нашего судебного процесса. Мы подводим его последние итоги. Мы делаем последние выводы, готовясь, может быть, через несколько часов выслушать ваш приговор — приговор суда советской страны, требующей и ожидающей от вас справедливого, непреклонного и неумолимо сурового решения участи этих людей, этих презренных убийц, этих подлых и наглых врагов советской земли, советского народа.

Мы строим новое социалистическое общество, новое советское государство в тяжелых условиях классовой борьбы, в условиях жестокого сопротивления последних остатков разгромленных и пущенных нами ко дну эксплоататорских классов.

Каждый шаг нашего продвижения вперед связан с ожесточенным сопротивлением врагов, поднимающих против нас все силы старого мира, всю мразь, всю накипь старого общества, мобилизующих и бросающих на борьбу с нами самые преступные, самые отъявленные, самые отпетые и разложившиеся бесчестные элементы.

Ленин учил, что «ни одно глубокое и могучее народное движение в истории не обходилось без грязной пены» [1], без того, чтобы буржуазия и мелкобуржуазная стихия не боролись против советской власти, действуя не только приемами Савинковых, Гоцов, Гегечкори, Корниловых, заговорами и восстаниями, потоками лжи и клеветы, но и используя все и всякие элементы разложения, пускаясь на всякие и всевозможные грязные и позорные преступления.

Товарищ Сталин предупреждал, что:

«Надо иметь в виду, что рост мощи советского государства будет усиливать сопротивление последних остатков умирающих классов. Именно потому, что они умирают и доживают последние дни, они будут переходить от одних форм наскоков к другим, более резким формам наскоков, апеллируя к отсталым слоям населения и мобилизуя их против Советской власти. Нет такой пакости и клеветы, которую бы эти бывшие люди не возвели на Советскую власть и вокруг которых не попытались бы мобилизовать отсталые элементы. На этой почве могут ожить и зашевелиться разбитые группы старых контрреволюционных партий эс-эров, меньшевиков, буржуазных националистов центра и окраин, могут ожить и зашевелиться осколки контрреволюционных оппозиционных элементов из троцкистов и правых уклонистов. Это, конечно, не страшно. Но все это надо иметь в виду, если мы хотим покончить с этими элементами быстро и без особых жертв» [2].

Три года тому назад товарищ Сталин не только предсказал неизбежность сопротивления делу социализма враждебных ему элементов, но предсказал возможность оживления троцкистских контрреволюционных групп. Этот процесс полностью и отчетливо доказал всю гениальность этого предсказания.

---

[1] Ленин, Очередные задачи советской власти, т. XXII, стр. 457.

[2] Сталин, Вопросы ленинизма, стр. 510, изд. 10-е.

Этот процесс, «герои» которого связали свою судьбу с фашистами, с агентами полицейских охранок, «герои» которого потеряли всякую разборчивость в средствах и дошли до геркулесовых столбов двурушничества и обмана, возвели вероломство и предательство в систему, в закон своей борьбы против советского государства; этот процесс вскрыл до конца и еще раз доказал, как велика и безмерна злоба и ненависть наших врагов к великому делу социализма; этот процесс показал, как ничтожны эти враги, мечущиеся и кидающиеся от одного преступления к другому. Презренная, ничтожная, бессильная кучка предателей и убийц — она думала остановить своими грязными преступлениями биение могучего сердца нашего великого народа! Презренная, ничтожная кучка авантюристов пыталась грязными ногами вытоптать лучшие благоухающие цветы в нашем социалистическом саду.

Эти взбесившиеся псы капитализма пытались разорвать на части самых лучших из лучших людей нашей советской земли. Они убили одного из самых дорогих для нас людей революции, замечательного и чудесного человека, светлого и радостного, как всегда была светлой и радостной на его устах улыбка, как светла и радостна наша новая жизнь. Они убили нашего Кирова, они ранили нас совсем близко к самому сердцу. Они думали внести в наши ряды смятение и замешательство...

На предательский выстрел 1 декабря 1934 года вся страна ответила убийцам единодушным проклятием. Вся страна — миллионы и десятки миллионов людей всколыхнулись и еще раз доказали свою сплоченность и единство, свою преданность великому знамени партии Ленина — Сталина. Железной несокрушимой стеной стала страна Советов на защиту своих вождей, своих руководителей, за каждый волос которых преступные безумцы ответят перед нами своей головой. В этой безграничной любви миллионных масс трудящихся к нашей партии, ее Центральному Комитету, к нашему Сталину и его славным сподвижникам, в этой безмерной любви народа — вся сила защиты и охраны наших вождей, руководителей страны и партии от предателей, убийц и бандитов!

Цветет, радостно растет наша великая родина. Богато колосятся золотом хлебов бесчисленные колхозы, полной грудью дышат тысячи новых социалистических стахановских фабрик и заводов. Дружно и чудесно работают на благо своей родины железные дороги, по бесконечно сверкающим стальным лентам которых из конца в конец мчатся кривоносовские поезда и маршруты. Несокрушимо, как гранит, стоит на страже родных границ окруженная любовью народа Красная Армия. Дороги и близки родные нам и всем, кто преисполнен сыновней любовью к своей матери-родине, — имена замечательных большевиков, неутомимых и талантливейших строителей нашего государства — Серго Орджоникидзе, Клима Ворошилова, Лазаря Моисеевича Кагановича, руководителей украинских большевиков — Косиора и Постышева, руководителя ленинградских большевиков — Жданова. С непревзойденной великой любовью произносится трудящимися во всем мире имя великого учителя и вождя народов СССР — Иосифа Виссарионовича Сталина!

Под руководством советского правительства и нашей партии во главе со Сталиным окон-

чательно и бесповоротно победил в нашей стране социализм. Под руководством нашей партии пролетариат нашей страны отобрал орудия и средства производства у капиталистов, уничтожил капиталистическую систему, опирающуюся на частную собственность, на эксплоатацию, на нищету и рабство.

Под руководством нашей партии и советского правительства народы СССР осуществили великую индустриализацию нашей страны, удесятерив средства ее производства и умножив ее национальные богатства, создав тем самым условия для счастливой и радостной жизни всех трудящихся советской социалистической страны. Победа социализма есть прежде всего победа нашей родной большевистской партии, ее ленинско-сталинской генеральной линии, ее ленинско-сталинского руководства, ее Центрального Комитета во главе с великим Сталиным.

На основе этих побед создан нерушимый союз всех трудящихся для дальнейшего укрепления и развития социализма, создан и закреплен союз и дружба всех народов СССР для строительства социализма, для обороны против наших врагов, против врагов социализма. Эти победы решительно изменили весь облик нашей страны, поднятой на невиданную высоту хозяйственного и культурного развития.

Эти победы принесли рабочему классу СССР гигантское улучшение его материального благополучия. Уже много лет тому назад уничтожена безработица, введен семичасовой рабочий день, против которого сидящие здесь на скамье подсудимых «герои» всегда упорно и предательски боролись. Невиданных успехов, недостижимых ни в какой капиталистической стране, добилась наша страна в области развития и расцвета новой, подлинно человеческой, социалистической культуры.

Эти победы принесли всей стране, каждому рабочему и колхознику, служащему и интеллигенту зажиточную и светлую жизнь. В этих победах — залог единства всего советского народа с нашим правительством, с нашей партией и с ее Центральным Комитетом. И разве не лучшим доказательством этого несокрушимого, подлинного единства и сплочения народных масс вокруг великого Сталина, вокруг нашего ЦК, вокруг нашего советского правительства являются мыслимые только в нашей стране широкие массовые народные совещания передовиков фабрик, заводов, транспорта, хлопковых и свекловичных полей, животноводства, комбайнеров и трактористов, стахановцев и кривоносовцев с руководителями партии и правительства! Это проявление подлинного советского, истинного демократизма! И разве не служат ярким доказательством этого единства и те могучие волны народного гнева против гнусных убийц, которые перекатываются сейчас из конца в конец нашей страны!

Троцкистско-зиновьевский центр — банда презренных террористов

В течение предыдущих дней судебного процесса эти господа пытались принять «благородный» вид. Они, по крайней мере, их главари, не без рисовки говорили о своем террористическом заговоре; они искали и ждали политической квалификации своих преступлений, — они говорили о политической борьбе, о каких-то политических соглашениях с какими-то якобы политическими партиями. И хотя они признали, что в действительности никакой политической платформы у них не было, что они даже не испытывали нужды в создании какой-либо платформы, так как, по их собственному признанию, их платформу можно написать в один присест, в какие-нибудь два часа, — они все же пытались разыгрывать из себя неподдельных политиков. Они всячески стараются изобразить дело так, будто они стоят на каких-то, пусть замызганных и затрепанных, но все же политических позициях. Эти попытки — лживое прикрытие их политической пустоты и безыдейности. И когда они говорили об интересах рабочего класса, об интересах народа, когда они будут говорить об этом в своих защитительных речах и в последних словах подсудимых, — они будут лгать, как лгали до сих пор, как лгут сейчас, ибо они пошли против единственно народной политики — против политики нашей страны, против нашей советской политики. Лгуны и шуты, ничтожные пигмеи, моськи и шавки, взъярившиеся на слона, — вот что представляет собою эта компания!

Но они умеют пользоваться оружием, и это опасно для общества. Это обстоятельство требует особых и самых серьезных мер против них. Посадить их на цепь недостаточно. Против них должны быть приняты более решительные и радикальные меры борьбы. Не политики, а банда убийц и уголовных преступников, воров, пытавшихся расхищать государственное достояние, — вот что представляет собой эта компания.

Эти господа признавали, что у них не было никакой программы, однако кое-какая «программа» у них была. Была у них программа и внутренней политики и внешней политики. Внутренняя политика определялась в их программе одним словом — «убить». Они предпочитают, правда, говорить не об убийствах, а о терроре. Но надо называть вещи своими именами. Эти господа избрали убийство средством борьбы за власть. Цинично и откровенно они должны были сами признать здесь это.

Как увязывали эти господа их марксизм в кавычках с проповедью террора и террористической деятельностью? — Никак! А ведь эти люди себя когда-то считали марксистами! Вероятно, обвиняемый Зиновьев и сейчас еще считает себя марксистом. Он говорил здесь, что марксизм не может быть увязан с террором, но марксизм может объяснить, как они пришли к террору.

О том, как увязывается у них марксизм с проповедью террора и террористической деятельностью, я спрашивал здесь на процессе обвиняемого Рейнгольда. Он сказал: «У Каменева в 1932 году, в присутствии ряда членов объединенного троцкистско-зиновьевского центра, Зиновьев обосновал необходимость применения террора тем, что хотя террор и не совместим с марксизмом, но в данный момент эти соображения надо отбросить. Других методов борьбы с руководством партии и правительства в данное время нет. Сталин объединяет всю силу и твердость партийного руководства, поэтому в первую голову надо убрать Сталина». Вот вам ответ, откровенно-циничный, наглый, но совершенно логичный. Вот вам и вся новая зиновьевская «философия эпохи».

Рейнгольд говорит: «Каменев развивал ту же теорию, говоря, что прежние методы борьбы — завоевание масс, верхушечные комбинации с правыми, ставка на хозяйственные трудности — провалились. Поэтому единственный метод борьбы — это террор, террористические действия против Сталина и его ближайших соратников — Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Косиора, Постышева, Жданова».

Это откровенно и нагло, но в то же время логично с точки зрения логики классовой борьбы, с точки зрения логики нашего врага, борющегося против страны социализма.

Без масс, против масс, но за власть, власть во что бы то ни стало, жажда личной власти,— вот вся идеология этой компании, сидящей на скамье подсудимых.

Вся циничная беспринципность этих людей откровенно была показана здесь Каменевым. В своем объяснении на суде он говорил о том, как и на какой базе был организован этот террористический заговор, как он назвал его.

«Я пришел, — говорил Каменев, — к убеждению, что политика партии, политика ее руководства победила в том единственном смысле, в котором возможна политическая победа социализма, что эта политика признана трудящимися массами».

Это заявление замечательно и по своей беспринципности и по наглому цинизму: именно потому, что политика партии победила, они вели борьбу против ее руководителей.

«Ставка наша, — говорил Каменев, — на возможность раскола в партии также оказалась бита. Оставалось два пути: либо честно и полностью ликвидировать борьбу против партии, либо продолжать ее, но уже без всякого расчета на какую бы то ни было массовую поддержку, без политической платформы, без знамени, то есть путем индивидуального террора. Мы выбрали второй путь».

Подсудимый Каменев должен был быть более последовательным: если первый путь он назвал путем честного отказа от борьбы, второй путь надо было охарактеризовать, как путь бесчестной борьбы бесчестными средствами.

Он признал: «мы выбрали этот второй путь, мы руководствовались при этом бесконечным озлоблением против руководства партии и страны и жаждой власти, к которой мы некогда были близки и от которой мы были отброшены ходом исторического развития».

Подсудимый Зиновьев говорит: к концу 1932 года стало очевидным, что наши надежды не оправдались... фактом было то, что генеральная линия партии побеждает. Здесь, — говорит Зиновьев, — со всей наглядностью сказалась полная беспринципность и безыдейность, которые привели нас к голой и беспринципной борьбе за власть» (т. XII, лист дела 34).

Можно ли после этого разговаривать с этими людьми на каком бы то ни было политическом языке? Разве мы не вправе говорить с этими людьми только одним языком, языком Уголовного Кодекса, и рассматривать их как уголовных преступников, как отпетых и закоренелых убийц?

Такова их «программа» в области, если можно так выразиться, внутренней политики. Раньше они хотя бы из стыдливости мотивировали свою борьбу против руководства советской власти и партии недостатками, недочетами, затруднениями. Теперь они уже сняли с себя эту маску. Они признают теперь, что убедились в победе социализма в нашей стране. К террору, к убийствам они пришли вследствие безнадежности своего положения, от сознания своей изолированности от власти, от рабочего класса. К террору они пришли благодаря полнейшему отсутствию благоприятных для них перспектив в борьбе за власть другими средствами, другими способами.

Каменев признал, что организация террора была единственным средством, с помощью которого они надеялись притти к власти, и что именно на базе этой террористической борьбы велись, и в конце концов успешно завершились, переговоры об объединении между троцкистами и зиновьевцами. Террор — вот настоящая база объединения троцкистов и зиновьевцев.

В этом не все они хотят признаться.

Товарищи судьи, вынося свой приговор в совещательной комнате, вы внимательно, — я в этом не сомневаюсь, — еще раз ознакомитесь не только со всеми материалами судебного следствия, но и с протоколами предварительного следствия; вы убедитесь, с каким животным страхом подсудимые старались уйти именно от признания террора, как основы их преступной деятельности.

Вот почему так вертится здесь Смирнов. Он признает, что был членом центра, признает, что этот центр усвоил террористическую линию борьбы, признает, что сам получал от Троцкого директивы об этой террористической борьбе. Но в то же время всеми силами и средствами он старается доказать, что лично он, Смирнов, террора не принял, не был с этим согласен, и даже договорился до того, будто он даже вышел из троцкистско-зиновьевского террористического центра или блока.

Я буду еще особо говорить о каждом из подсудимых, и в том числе о Смирнове, и постараюсь со всей полнотой, тщательностью и объективностью разобрать доказательства, которые уличают их в совершении тягчайших государственных преступлений. Сейчас я хочу лишь еще раз подчеркнуть, что сами обвиняемые — не политические младенцы, а прожженные игроки в политической борьбе, — они прекрасно понимают, какой ответственности они подвергаются за то, что не только «теоретически» признали этот террор, — в этого было бы достаточно, чтобы их головы положить на плаху, — но и за то, что эту «теоретическую» программу они переложили на язык террористической практики, на язык практических преступных действий.

Троцкий, Зиновьев, Каменев—заклятые враги Советского Союза

Террор лежал в основе всей их деятельности, он был базой троцкистско-зиновьевского объединения. Здесь совершенно согласно об этом показывали люди, непосредственно друг с другом не связанные в их подпольной работе. Это признали здесь не только Зиновьев и Каменев, Смирнов и Тер-Ваганян, Рейнгольд и Пикель, но об этом здесь говорили точно так же и Берман-Юрин, и Фриц Давид, и Валентин Ольберг — этот оригинальный гражданин республики Гондурас, штатный агент Троцкого и одновременно германской тайной полиции — Гестапо.

Все эти лица под тяжестью предъявленных им улик не смогли дальше запираться и должны были признать, что главным и даже единственным объединявшим их преступную деятельность средством борьбы против советской власти и партии был террор, были убийства.

«На этом, — говорил Рейнгольд, — настаивали и сходились и троцкисты и все участники блока». Именно насильственное устранение руководства ВКП(б) и советского правительства являлось основной задачей этого троцкистско-зиновьевского блока, который по справедливости можно назвать, как я это и сделал в обвинительном заключении, обществом политических убийц.

Эти террористические настроения, положенные в основу организации троцкистско-зиновьевского блока в 1932—1936 гг., быть может наиболее отчетливо и характерно выразил обвиняемый Мрачковский, заявивший как на предварительном следствии, так и здесь на суде:

«Надежды на крах политики партии надо считать обреченными. До сих пор применявшиеся средства борьбы не дали положительных результатов. Остался единственный путь борьбы — это путь насильственного устранения руководителей партии и правительства».

Мрачковский говорил: главная задача состоит в том, чтобы убрать Сталина и других руководителей партии и правительства.

Вся звериная злоба и ненависть этих людей были направлены против руководителей нашей партии, против Политбюро Центрального Комитета — против товарища Сталина, против славных его соратников.

На них, во главе с товарищем Сталиным, легла основная тяжесть борьбы с зиновьевско-троцкистской подпольной организацией. Под их руководством, под руководством товарища Сталина — гениального проводника и хранителя ленинских заветов — была разгромлена контрреволюционная троцкистская организация. В ожесточенных боях с троцкистской контрреволюцией под их руководством была окончательно разбита наголову троцкистская контрреволюция.

В боях с этой троцкистской контрреволюцией товарищ Сталин разработал и неуклонно проводил в жизнь ленинское учение о построении социализма в нашей стране, вооружив этим учением миллионные массы рабочих и колхозников.

Вот почему троцкисты и зиновьевцы, как и другие самые оголтелые контрреволюционные элементы, все свои силы, ненависть и злобу против социализма сосредоточили на руководителях нашей партии. Вот почему в марте 1932 года в припадке контрреволюционного бешенства Троцкий разразился открытым письмом с призывом «убрать Сталина» (письмо это было изъято из потайной стенки гольцмановского чемодана и приобщено к делу в качестве вещественного доказательства).

Этот подлый призыв с еще большей откровенностью Троцкий обратил к ряду своих заграничных учеников, завербованных им в качестве убийц для переброски в СССР, с целью организации террористических актов и покушений против руководителей нашего советского государства и нашей партии. Об этом здесь подробно рассказывал подсудимый Фриц Давид. Он сообщил, как в ноябре 1932 года он беседовал с Троцким и как во время этой беседы Троцкий сказал буквально следующее: «Сейчас нет другого выхода, как только насильственное устранение Сталина и его сторонников. Террор против Сталина — вот революционная задача. Кто революционер—у того не дрогнет рука» (т. VIII, л. д. 62). С этой целью Троцкий занялся подбором экзальтированных людей, внушая им, чтобы они осуществили этот контрреволюционный акт, как какую-то «историческую миссию».

Берман-Юрин показывал здесь, что Троцкий систематически и неоднократно говорил: «до тех пор, пока Сталин не будет насильственно убран — нет никакой возможности изменить политику партии; в борьбе против Сталина нельзя останавливаться перед крайними мерами — Сталин должен быть физически уничтожен».

Фриц Давид и Берман-Юрин вели с Троцким разговоры об убийстве Сталина. Они приняли от Троцкого задание и сделали целый ряд практических шагов, чтобы это задание осуществить. Разве этого мало, чтобы они были достойны самого сурового наказания, предусмотренного нашим законом,—расстрела?

Фриц Давид, Берман-Юрин, Рейнгольд, Ольберг В., сам Смирнов И. Н. разоблачили, в сущности говоря, роль Троцкого в этом деле до конца. Даже Смирнов, упорно запиравшийся в том, что принимал какое-либо участие в террористической деятельности троцкистско-зиновьевского центра, не мог не признать, что установка на индивидуальный террор в отношении руководителей советского государства и ВКП(б) была им поручена в 1931 году лично от сына Троцкого — Седова, что эта установка о терроре была подтверждена Троцким в 1932 году в директиве, привезенной из-за границы Гавеном и переданной им Смирнову. Смирнов пытался смягчить остроту своего собственного положения ссылкой на то, что полученные им от Седова директивы о терроре были якобы личной установкой Седова. Но это пустое объяснение. Ведь всем совершенно очевидно, что Седов никакого авторитета для Смирнова не представлял. Тер-Ваганян и Мрачковский подтвердили здесь это, заявив, что, если бы они думали, что установки о терроре исходят от Седова, они наплевали бы на них с шестого, двенадцатого или с еще более высокого этажа.

Обвиняемый Тер-Ваганян, один из главных организаторов объединенного центра, подтвердил, что, будучи за границей, Смирнов действительно получил от Троцкого директиву о переходе к террору. Тер-Ваганян только завуалировал свое показание, заменив упоминание о терроре словами: «острая борьба с руководителями ВКП(б)». Позже и он, однако, должен был расшифровать это и подтвердить, что речь шла о директиве, содержанием которой был террор и только террор.

Вы слышали, наконец, показания свидетельницы Сафоновой, очная ставка с которой, вероятно, крепко запомнилась всем, кто присутствовал здесь на суде. На этой ставке Сафонова, дело о которой выделено в особое производство, ввиду продолжающегося следствия, полностью подтвердила, что Смирнов получил от Троцкого директиву об индивидуальном терроре в 1931 году через Седова, а впоследствии через Гавена.

На основании этих данных можно считать совершенно установленным, что именно дирек-

тива Троцкого о терроре послужила основанием для развертывания террористической деятельности объединенного центра. Директива об организации объединенного центра и о переходе к террору, данная Троцким, была принята троцкистским подпольем. Зиновьев и Каменев, как руководители зиновьевской части блока, сами пришли к той же мысли и тоже приняли директиву Троцкого как основу действий объединенного центра и подполья.

Эти подлинные, закоренелые враги не могли спокойно смотреть на растущее благополучие нашего народа, нашей страны, вышедшей на широкую дорогу социализма.

СССР побеждает, СССР строит социализм, в СССР торжествует социализм. Тем сильнее их ненависть против ЦК, против товарища Сталина и правительства, которым страна обязана этой победой, которыми страна гордится.

В мрачном подполье Троцкий, Зиновьев и Каменев бросают подлый призыв: убрать, убить! Начинает работать подпольная машина, оттачиваются ножи, заряжаются револьверы, снаряжаются бомбы, пишутся и фабрикуются фальшивые документы, завязываются тайные связи с германской политической полицией, расставляются посты, тренируются в стрельбе, наконец, стреляют и убивают.

Вот в чем главное! Контрреволюционеры не только мечтают о терроре, не только строят планы террористического заговора или террористического покушения, не только подготовляются к этим злодейским преступлениям, но осуществляют их, стреляют и убивают!

Главное в этом процессе — в том, что они претворили свою контрреволюционную мысль в контрреволюционное дело, свою контрреволюционную теорию в контрреволюционную террористическую практику: они не только говорят о стрельбе, но они стреляют, стреляют и убивают!

В этом — главное. Они убили тов. Кирова, они готовились убить товарищей Сталина, Ворошилова, Кагановича, Орджоникидзе, Жданова, Косиора, Постышева. Вот за что мы судим этих людей, этих организаторов тайных убийств, этих патентованных убийц.

И вот почему мы требуем судить их строго, как велит нам наш советский закон, судить их, как требует наша социалистическая совесть.

Убийства — вот вся «программа» внутренней политики этих людей.

А внешняя политика?

Тут поднимаются загробные тени, здесь оживают старые «тезисы Клемансо», здесь снова видны троцкистские уши.

Личное письмо Троцкого, полученное Дрейцером, состояло из трех коротких пунктов: 1) убрать Сталина и Ворошилова, 2) развернуть работу по организации ячеек в армии, 3) в случае войны использовать всякие неудачи и возможное замешательство для захвата руководства.

Это — откровенная ставка на поражение.

Это — тот же старый тезис Клемансо, но в новом издании под редакцией объединенного центра троцкистско-зиновьевского террористического блока.

Фриц Давид показал на следствии и подтвердил здесь на суде (это полностью соответствует и ряду исторических документов, и показаниям других обвиняемых, и самому существу задачи, стоящей перед Троцким, Зиновьевым, Каменевым), что в одной из своих бесед с ним Троцкий спросил: «Как вы думаете, в случае войны Советского Союза с японцами исчезнет ли это недовольство?» (Он говорил о недовольстве, которое, по его мнению, существовало у нас в стране). «Нет, наоборот, — говорил Троцкий, — в этих условиях враждебные режиму силы будут пытаться соединиться воедино, и в этом случае наша задача будет заключаться в том, чтобы объединить и возглавить эти недовольные массы, вооружить их и повести против господствующих бюрократов» (т. VIII, л. д. 61).

Это же Троцкий повторил в письме 1932 г. (очевидно, это у него идея-фикс) и в беседе с Берман-Юриным.

«В связи с международным положением того периода, — показывает Берман-Юрин, — Троцкий указал мне, что особо важной является задача разложения наших военных сил, так как в случае войны с Советским Союзом огромные массы будут призваны в армию». Троцкий и троцкисты вместе с зиновьевцами и рассчитывали легко обработать эти массы. «Троцкий дословно сказал мне, — добавляет Берман-Юрин, — мы будем защищать Советский Союз в том случае, если будет свергнуто сталинское руководство» (т. IV, л. д. 100).

Такова программа их внешней политики!

Может быть, все это — выдумка? Может быть, Фриц Давид и Берман-Юрин пустились здесь в фантастические измышления? Может быть, это все — вымысел, выдумка, безответственная болтовня подсудимых, которые пытаются возможно больше сказать против других, чтобы облегчить свою собственную судьбу? Нет! Это не выдумка, не фантазия! Это истина! Кто не знает того, что Троцкий вместе с сидящими на скамье подсудимых Каменевым и Зиновьевым несколько лет тому назад провозглашали «тезис Клемансо», что они говорили о необходимости в случае войны подождать, пока враг подойдет на расстояние 80 км от Москвы, чтобы поднять оружие против советского правительства, чтобы свергнуть его. Ведь это исторический факт. От него никуда не уйти. Именно поэтому приходится признать, что показания Берман-Юрина и Фриц Давида в этой части соответствуют действительности.

Такова была программа «внешней политики» этих людей. За одну такую «программу» наш советский народ повесит изменников на первых же воротах! И поделом!

Двурушничество, обман и провокация — основной метод троцкистов-зиновьевцев

Обратимся теперь к методам, которыми действовали эти люди.

Это, может быть, одна из самых позорных страниц их позорной преступной деятельности.

В соответствии с «принципиальной» линией троцкистско-зиновьевского подпольного блока на захват власти любыми средствами участники этого блока широко практиковали двурушничество в качестве основного метода своего отношения к партии и правительству. Это двурушничество они превратили в систему, которой могли бы позавидовать любые

Азефы и Малиновские всех охранок, со всеми их шпионами, провокаторами и диверсантами.

Рейнгольд показал, что в 1933—1934 г. Зиновьев с глазу на глаз говорил ему — теперь Зиновьев подтвердил это перед всем миром на процессе, — что «главная практическая задача, которая стоит перед их подпольем, заключается в том, чтобы построить террористическую работу так конспиративно, чтобы никоим образом не скомпрометировать себя».

Может быть, это преувеличение? Конечно, нет. То, что говорил Рейнгольд, соответствует логике вещей.

«На следствии главное, — поучал своих соучастников Зиновьев, — отрицать какую бы то ни было связь с организацией, аргументируя несовместимостью террора со взглядами большевиков-марксистов» (т. XXVII, л. д. 112).

Троцкий в свою очередь тоже рекомендовал, в случае совершения террористического акта, отмежевываться от троцкистской организации и занять позицию, аналогичную той, которая была занята в свое время эсеровским ЦК по отношению к госпоже Каплан, стрелявшей в Владимира Ильича. Мы знаем, что это значит. Мы помним, что после того, как Каплан выпустила свою предательскую пулю в Ленина, ЦК эсеров выпустил листовку, в которой категорически заявлял о своей непричастности к этому террористическому акту. Троцкий, Зиновьев, Каменев усвоили ту же тактику.

Зиновьев говорил: «Мы перешли на путь тщательно продуманного и глубоко законспирированного заговора, мы считали себя марксистами и, помня формулу «восстание есть искусство», переделали ее по-своему, заявляя, что «заговор против партии, против Сталина есть искусство».

Вот сидят на скамье подсудимых мастера этого «искусства». Не скажу, чтобы мастера были высокой пробы. Низкопробные мастера! Но они все же сумели осуществить свое низкое дело. В чем же состояло их «искусство»? В этом плане на первом месте стояла маскировка всеми средствами их истинного преступного лица.

Это, может быть, один из самых ярких примеров в истории, когда действительно слово маскировка приобретает подлинное значение: эти люди надели на свои лица маски, изображали себя раскаявшимися грешниками, порвавшими с прошлым, отказавшимися от своих старых заблуждений и ошибок, переросших в преступления.

Характерно, что именно в тот период, когда объединенный троцкистско-зиновьевский центр наиболее активизировал свою деятельность, когда эта террористическая деятельность достигла наибольшего своего развития и, нарастая, продвигалась к своему завершению подлым выстрелом в тов. Кирова, — именно в этот период Зиновьев обращается в Центральный Комитет партии с покаянным письмом. В этом письме, датированном 8 мая 1933 года, т. е. в самый разгар подготовки террористических актов, Зиновьев не только отрекается от всех своих прежних ошибок, но и лицемерно клянется в преданности социализму и партии.

В те самые дни, когда он готовил предательский удар в самое сердце партии, готовя террористический акт против товарища Сталина, этот преступник, потерявший, как и все сидящие здесь, последний человеческий облик, заканчивал свое письмо следующими словами: «Я прошу вас верить, что я говорю правду и только правду. Я прошу вас вернуть меня в ряды партии и дать мне возможность работать для общего дела. Я даю слово революционера, что буду самым преданным членом партии и сделаю все то, что возможно, чтобы хоть отчасти загладить свою вину перед партией и ее ЦК». Мы знаем теперь, чего стоят эти слова, мы знаем, что Зиновьев сделал все, что возможно, чтобы повредить партии и делу строительства социализма в нашей стране, делу всего международного коммунистического движения.

16 июня 1933 года он помещает в «Правде» статью «Две партии». В центральном органе нашей партии он публикует статью, в которой старается всячески доказать преданность партии, громит оппортунизм и поет аллилуйю победам, одержанным партией.

Это было 8 мая и 16 июня, то есть летом 1933 года. А тем же летом того же 1933 года, как это теперь точно установлено, на совещании троцкистско-зиновьевского центра Зиновьев поручает Бакаеву приступить к практическому осуществлению террора.

Зиновьев обиделся здесь на Смирнова, когда он упрекнул его в том, что он говорит неправду. Сам Смирнов не сказал здесь ни одного слова правды, а упрекает Зиновьева во лжи. Зиновьев обиделся и заявил, что разница между ними в том, что он «решил твердо и до конца в эту последнюю минуту сказать всю правду, между тем как Смирнов принял, как видно, другое решение».

Я позволю себе, товарищи судьи, предупредить вас против этого утверждения Зиновьева. Не верьте ему, что он действительно говорит здесь всю правду до конца.

Зиновьев и Каменев на ленинградском процессе 15—16 января разыграли очень не плохо одну из сцен своей коварной, вероломной маскировки. В своих объяснениях (на судебном заседании от 15—16 января 1935 года) Каменев хотел произвести впечатление окончательно и искренне разоружившегося врага, выкладывающего все, что у него есть на душе против правительства и партии. Он тогда припомнил какой-то эпизод, когда Зиновьев что-то утаил из разговоров с Троцким. С пафосом и «неподдельным» возмущением Каменев упрекал Зиновьева в том, что, скрывая этот факт, он не говорит всей правды.

А в то же время и сам Каменев, и сам Зиновьев пытались обмануть нас, обмануть суд и всю страну, доказывая, что они никакого отношения не имеют к убийству Сергея Мироновича Кирова. Так же, как сейчас, буквально теми словами, что и вчера, Зиновьев и Каменев тогда клялись в том, что они говорят всю правду. Можно сказать, что процесс 15—16 января 1935 года для Каменева и Зиновьева был своего рода репетицией нынешнего процесса, которого они, может быть, не ожидали, но от которого они, как от судьбы, не ушли.

Я еще вернусь к этим «замечательным» показаниям, данным на суде в Ленинграде, сейчас я говорю об этом только для того, чтобы предупредить вас, — а через вас, через суд, и всю страну, — не только против Каменева и Зиновьева, но и против всех других двурушников, изменников и предателей, к сожалению, имеющихся еще в наших рядах, говорящих о

своих раскаяниях, отмежевывающихся, маскирующихся для того, чтобы лучше организовать удар в спину нашей партии, нашей страны, нашему великому делу.

Ни малейшего доверия этим патентованным и прожженным обманщикам!

Они и сами понимают, что не заслуживают его. Я спросил Зиновьева при его допросе: «А сейчас вы всю правду говорите?» — «Сейчас я говорю всю правду до конца», ответил Зиновьев.

Но где же доказательства этого, как им можно верить, когда они превзошли все представления о вероломстве, коварстве, обмане, измене, предательстве?

Зиновьев довел это коварство до того, что после убийства Сергея Мироновича Кирова послал в «Правду» некролог. Единственное, что он сказал здесь по этому поводу: «Этот некролог не был напечатан, насколько я помню». И все.

Вот этот некролог, он у меня в руках. Он датирован Зиновьевым, если я не ошибаюсь, то ли 4, то ли 7 декабря, вероятнее всего 4 декабря.

Этот некролог, посвященный тов. Кирову, вы, Зиновьев, назвали: «Человек-маяк». Как же вы начали свой некролог, который вы предназначали для печати и который, следовательно, должен был стать достоянием всей нашей общественности?

«Это можно наблюдать в течение всех 17 лет нашей революции, в каждый момент, когда враг изловчался нанести тот или другой удар большевикам... Так бывало, когда врагу удавалось наносить чувствительный удар на полях гражданской войны, так бывало...» и т. д. и и т. д.

И дальше Зиновьев писал: «Горе партии есть горе всего народа, всех народов СССР. Траур партии есть траур всей великой страны... Весь народ ощутил горечь утраты».

Это верно, что горечь утраты и возмущение предательским выстрелом охватило всю страну. Это чувство действительно испытывает вся страна от мала до велика.

Но вас-то это в какой мере касается?

Злодейское убийство Сергея Мироновича Кирова всколыхнуло поистине всю партию, весь Советский Союз». «Потеря этого любимого и родного человека всеми ощутилась, как потеря своего, близкого, безгранично дорогого...».

Вот что писали вы, подсудимый Зиновьев, в этой страшной и позорной статье! Почему потеряла партия близкого, бесконечно дорогого С. М. Кирова, обвиняемый Зиновьев? Потому потеряла партия этого близкого нам человека, что вы, обвиняемый Зиновьев, убили Кирова, вы убили его своими собственными руками, на которых у вас краснеет кировская кровь!..

«Любимый сын партии», — писали вы. Какое наглое кощунство!

«Сын рабочего класса — вот кем был этот человек-маяк», «наш дорогой, глубокий, крепкий... ему нельзя было не верить, его нельзя было не любить и им нельзя было не гордиться».

Вот как писал Зиновьев, переходя всякие границы цинизма!

Вот этот человек. Его любил, гордился им и убил его! Злодей, убийца оплакивает свою жертву! Где и когда еще происходило что-либо подобное!

Что можно сказать и какие слова можно подобрать, чтобы исчерпать всю низость и мерзость этого факта: кощунство! вероломство! двурушничество! коварство!

Вы, именно вы, Зиновьев, своей кощунственной рукой погасили этот маяк, и вы же стали публично и притворно рвать на себе волосы для того, чтобы обмануть людей.

Кого вы убили? — Вы убили великолепного большевика, пламенного трибуна, опасного для вас человека, беззаветно боровшегося за ленинские заветы и вместе с тем против вас. Вы убили этого человека секундным выстрелом подлейшей руки Николаева, а через два-три дня вы же посылаете статью в «Правду» и пишете о «погасшем маяке». Где же найти слова, чтобы дать оценку этим подлейшим выходкам — в своем лексиконе я не в состоянии найти этих слов!

Перейдем к Каменеву — второму столпу так называемой зиновьевской группы, к этому притворщику «в ослиной шкуре», о которой он сам говорил на XVII съезде партии.

Я прошу суд обратить внимание на статьи Каменева, опубликованные в 1933 г. Эти статьи Каменев писал почти одновременно с Зиновьевым по взаимному согласию. Каменев публикует в «Правде» статью, где он так же, как Зиновьев, отказывается от своих заблуждений, клеймит свои ошибки, где он говорит, что «важнейшей фигурой оппозиции стал человек, десятки лет боровшийся с Лениным» и т. д. и т. п. «Ясно, — писал в этой статье Каменев 25 мая 1933 года, — что сопротивление политике, возглавляемой товарищем Сталиным, исходило из тех же предпосылок, которые заставляли членов партии в октябре 1917 г. выступить противниками политики Ленина». Плача и стеная, Каменев старается доказать свой разрыв со старыми друзьями и заканчивает статью призывом отбросить всякое сопротивление, мешающее делу строительства социализма.

Это было в мае 1933 года. А летом 1933 года, после возвращения Каменева и Зиновьева из ссылки, на квартире Зиновьева состоялось совещание троцкистско-зиновьевского центра для организации террористических актов против руководителей партии и советской власти.

Спрошенный здесь об этом Каменев был очень краток. Между нами произошел диалог, который я позволю себе напомнить. Я спрашивал:

«Как оценить ваши статьи и заявления, которые вы писали в 1933 году и в которых выражали преданность партии? Обман?

Каменев: Нет, хуже обмана.

Вышинский: Вероломство?

Каменев: Хуже!

Вышинский: Хуже обмана; хуже вероломства — найдите это слово. Измена?

Каменев: Вы его нашли!»

Дальше он говорил, что делал это не только по соглашению с Зиновьевым, что эти его поступки имели место во исполнение заранее выработанного плана захвата власти, который сочетался с необходимостью завоевания доверия.

Маленькая подробность, которая имеет некоторое значение для определения морального, если угодно идеологического, уровня обвиняемого Каменева, для характеристики интересов, которыми он жил в то время, для характеристики его некоторых исходных нравственных позиций.

Я позволю себе сослаться на одну книжку Макиавелли (том 1-й). Она издана в 1934 г. издательством «Академия», которым руководил тогда Каменев, с предисловием Каменева. Очень интересная книга. Она была написана в XVI веке. Автор написал эту книгу для князя, поучая его науке управления государством в соответствии с его княжескими интересами. Макиавелли писал: «Вы должны знать, что бороться можно двояко: один род борьбы — это законы, другой — сила; первый свойственен человеку, второй — зверю.

Так как, однако, первого очень часто недостаточно—приходится обращаться ко второму. Князю необходимо владеть природой как зверя, так и человека».

Каменеву это очень понравилось, и он написал в кратком предисловии к этой книге несколько следующих интереснейших слов: «Мастер политического афоризма и блестящий диалектик...» (Это Макиавелли, по Каменеву, диалектик! Этот прожженный плут оказывается диалектиком!) ...«Мастер политического афоризма...» Хорош афоризм! Макиавелли писал: действовать при помощи закона — это свойственно людям, при помощи силы — это свойственно зверю; следуй этой звериной политике, и ты, — говорит Макиавелли, — достигнешь своих целей. И это подсудимый Каменев называет «мастерством политического афоризма».

Послушаем, что пишет Каменев дальше: «...диалектик, почерпнувший из своих наблюдений твердое убеждение в относительности всех понятий, критериев добра и зла, дозволенного и недозволенного, законного и преступного...» По Каменеву, это, очевидно, и есть диалектика: смешать преступное с непреступным, законное с незаконным, добро со злом— в этом новое «марксистское» объяснение диалектики на примере Макиавелли.

«Макиавелли, — писал Каменев в 1934 г., — сделал из своего трактата поразительный по остроте и выразительности каталог правил, которыми должен руководиться современный ему правитель, чтобы завоевать власть, удержать ее и победоносно противостоять всем покушениям на него». Хорош у вас, Каменев, был учитель, но вы (в этом надо вам отдать должное) превзошли своего учителя.

Дальше вы пишете в этом предисловии: «Это — далеко еще не социология власти, но зато из-за этой рецептуры великолепно выступают зоологические черты борьбы за власть в обществе рабовладельцев, основанном на господстве богатого меньшинства над трудящимся большинством».

Это — так. Но вы хотели эти методы борьбы и принципы борьбы, достойные рабовладельцев, перенести в наше общество, применить против нашего общества, против социализма. «Так, — пишете вы, — этот секретарь флорентинских банкиров и их посол при папском дворе — вольно или невольно — создал снаряд громадной взрывчатой силы, который в течение веков беспокоил умы господствующих...» Вы, Каменев, перенесли эти правила Макиавелли и развили их до величайшей беспринципности и безнравственности, модернизировали и усовершенствовали их.

Я вас не прошу, товарищи судьи, рассматривать эту книгу в качестве одного из вещественных доказательств по данному делу. Я вовсе не оперирую этой книгой для того, чтобы доказывать виновность подсудимых в тех преступлениях, в которых они обвиняются. Я просто счел необходимым отдать этому обстоятельству несколько минут внимания для того, чтобы показать тот идейный источник, которым питались в это время Каменевы и Зиновьевы, пытающиеся еще и сейчас на процессе сохранить благородный вид марксистов, умеющих мыслить и рассуждать в соответствии с принципами марксизма.

Бросьте эту шутовскую комедию. Откройте наконец и до конца свои настоящие лица. Здесь о книге Макиавелли Каменев говорит, как о снаряде огромной взрывчатой силы. Очевидно, Каменев и Зиновьев хотели воспользоваться этим снарядом, чтобы взорвать и наше социалистическое отечество. Просчитались. И хотя Макиавелли перед ними щенок и деревенщина, но все же он был их духовным наставником. Вы из «макиавеллизма» и азефовщины сделали для себя источник вашей деятельности и ваших преступлений. Теперь это разоблачено самими Зиновьевым и Каменевым: убийства, коварство, вероломство и маскировка были одним из основных, решающих методов их преступной деятельности.

Зиновьев и Каменев откровенно, хотя и цинично, признали вчера, что именно это входило в план их деятельности. Об этом говорил здесь Рейнгольд, об этом говорили здесь и другие подсудимые, и думаю, что характеристика этих методов достаточно исчерпана представленными мною материалами. Подводя итоги этой части своей речи, я могу сказать, что троцкистско-зиновьевский центр был организован на террористической основе и имел свою программу, правда, очень примитивную и простую, выражавшуюся в немногих словах, для составления которой не нужно было затрачивать даже и тех двух часов, о которых говорили здесь с презрением сами подсудимые. Их программа внутренней политики исчерпывалась убийством, их программа внешней политики — поражением СССР в войне, их метод — вероломством, коварством, изменой.

Контрреволюционная террористическая деятельность троцкистов-зиновьевцев полностью доказана

Я перехожу ко второй части своей обвинительной речи, к практической деятельности так называемого объединенного центра и к характеристике роли в этом преступном заговоре против советской власти каждого из подсудимых.

Не подлежит никакому сомнению, что объединение зиновьевских и троцкистских контрреволюционных групп, состоявшееся осенью 1932 года, возникло и окрепло на почве и на основе взаимного признания террора в качестве единственного и решающего средства борьбы за власть, — борьбы, которая тогда была основной и главной задачей и троцкистов и зиновьевцев.

Организация была. Подпольная, контрреволюционная террористическая группа была. Существовала и действовала. Как бы Смирнов ни пытался здесь оспаривать это, ему оспорить это не удастся. Слишком сильны факты, слишком много данных для того, чтобы мы, обвинение, имели полное основание утверждать, что такая подпольная, контрреволюционная

троцкистско-зиновьевская группа была; что эта террористическая организация была создана; что она именно была создана, как террористическая; что она развернула свою деятельность именно как террористическую деятельность; что она подготовляла террористические покушения и что одно из этих покушений, к нашему величайшему несчастью и ужасу,—злодейское убийство 1 декабря 1934 года Сергея Мироновича Кирова — она и осуществила. Это самое ужасное из всех преступлений, которое удалось осуществить этой организации.

В январе 1935 года мы судили «Московский центр» в связи с состоявшимся незадолго, за две недели до этого, судебным процессом над так называемым «Ленинградским центром», по которому были осуждены и расстреляны Николаев Л., Котолынов, Румянцев, Сосицкий и ряд других. Мы тогда еще не знали всех подлинных и действительных авторов, подстрекателей и участников этого чудовищного злодеяния. Мы тогда стояли на верном пути. Следствие, руководимое НКВД, шло по правильному и верному пути разоблачения настоящих организаторов этого преступления, хотя состояние добытых доказательств лишало нас возможности предъявить тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву прямое обвинение в организации этого убийства, в руководстве этим убийством, в осуществлении этого убийства.

В приговоре по делу так называемого «Московского центра», в котором главную роль играли Каменев, Зиновьев, Евдокимов и некоторые другие, об их роли было сказано лишь то, что они разжигали лишь террористические настроения своих сообщников, что они создавали объективную почву, на которой должно было неизбежно вырасти и в действительности выросло это преступление.

Будучи абсолютно объективными, следствие и обвинительная власть не предъявили тогда Каменеву, Зиновьеву, Евдокимову и Бакаеву обвинения в прямом подстрекательстве, прямой организации этого убийства. В обвинительном заключении было сказано, что следствием не установлено этого прямого их участия. Однако, все данные, бывшие в руках следственных органов, позволяли говорить о том, что эти лица — Каменев, Зиновьев, Бакаев и Евдокимов — были тесно связаны с этим преступлением и, как они сами тогда выражались, должны были нести полную моральную и политическую ответственность за него.

В соответствии с этим по делу «Московского центра» и был вынесен сравнительно мягкий приговор в отношении Каменева, Зиновьева, Евдокимова и Бакаева — только лишение свободы.

Каменев, Зиновьев, Евдокимов и Бакаев сделали все, что только можно было, для того, чтобы извратить действительное положение вещей, скрыть подлинных организаторов и соучастников этого преступления. Они пытались изобразить дело так, что руки своей они к этому грязному и подлому делу не приложили. При этом, говоря высоким стилем, они заявляли, что контрреволюция избрала их орудием своей преступной деятельности. Не они избрали контрреволюцию орудием своей борьбы, а контрреволюция избрала их своим орудием...

И Зиновьев, и Каменев, и Бакаев, и Евдокимов пытались всячески уверить и доказать, что, кроме моральной и политической ответственности, они никакой другой ответственности за это злодейское убийство нести не могут, но эту ответственность они якобы полностью и честно готовы нести и признают правильность и обоснованность предъявления им обвинений в этих пределах.

На суде 15—16 января 1935 г. Зиновьев говорил: «На скамье подсудимых сидит нас много, больше 15 человек, с различными биографиями. Среди нас много таких, которые в рабочем движении участвовали немалое количество лет. Многое они делали по доверию ко мне, и я за это, конечно, должен себя казнить... Свою задачу в этой стадии я вижу в том, чтобы до конца, чистосердечно и искренне перед судом рабочего класса раскаяться в том, что я понимал, как ошибку и преступление, и рассказать это так, чтобы это кончилось раз и навсегда с данной группой...»

Я уже говорил о том, что это заявление Зиновьева было игрой, маневром, тактическим приемом.

Так обычно поступают уголовные преступники. Обвиняемый в убийстве с грабежом признается только в грабеже. Обвиняемый в грабеже признается только в краже. Обвиняемый в краже признается только в хранении краденого. Это — обычные уловки уголовных преступников: перед лицом более тяжелых преступлений признаваться в более легких преступлениях. Это—способ замести действительные следы в расчете на доверчивость людей, которые позволяют еще себе во многих случаях, даже в уголовных делах, относиться с доверием к уголовным преступникам.

Эту позицию занял и Зиновьев. Аналогичную позицию заняли — и это не будут они отрицать — Каменев, Евдокимов и Бакаев. Пойманные в 1935 г. почти с поличным, эти люди признавали себя ответственными за меньшее преступление для того, чтобы избежать ответственности, настоящей ответственности за большее преступление.

Зиновьев говорил о «чистосердечном, искреннем» признании, но этого в действительности не было. Они в действительности делали все для того, чтобы не выдать в руки советского правосудия своих соучастников, чтобы оставить какие-то резервы, чтобы резервы эти можно было в нужную минуту пустить в ход и направить против нашей партии, против руководителей нашей страны.

Этим объясняется вся позиция Зиновьева, Каменева, Евдокимова и Бакаева на Ленинградском процессе 15—16 января 1935 года. «Верно, — говорил Зиновьев, — что нас судят по объективным чертам». Он говорил, что многих людей, сидевших в то время с ним вместе на скамье подсудимых, он не знал. Зиновьев не знал, оказывается, ни Евдокимова, ни Гертика, ни Каменева, ни Сахова... Зиновьев говорил, что субъективно они были «преданы» рабочему классу.

Тогда Зиновьев даже позволил себе утверждать, что и он и они, 15 его соучастников, были субъективно якобы преданы рабочему классу и не хотели становиться на путь контрреволюции, а объективно получалось у них наоборот. Почему получилось обратное? Я бы хотел, чтобы обвиняемый Зиновьев в своей защитительной речи сказал, как получилось, что субъективно он был предан рабочему классу, а объективно вышло наоборот. Не мо-

жет быть этого и так не бывает. Если объективно действительно получилось так, то это потому лишь, что ваша, обвиняемый Зиновьев, субъективная преданность революции была фальшивой и гнилой. О чем вы думали, когда вы говорили эти речи? Я прошу вас сказать и об этом в своей защитительной речи.

Вы вооружились против советского государства не только злобой, но и огнестрельным оружием. Вы практически осуществляли свои преступные замыслы. Вы сами говорили о двурушничестве, но говорили в то же время об этом так, чтобы скрыть, что и в этот момент вы продолжаете политику двурушничества.

Вы говорили: «Я привык чувствовать себя руководителем, для меня играл лично громадную роль именно этот момент». Вы говорили:

«Я привык чувствовать себя руководителем и, само собой разумеется, я должен был все знать. Если я удален от руководства — это или несправедливость, или недоразумение, или на несколько месяцев. Это не есть оправдание, но я высказываю все то, о чем действительно думаю, и этим самым я вынимаю из себя последнюю занозу тех преступлений, которые здесь разворачиваются».

«Последнюю занозу» Зиновьев вынул на Ленинградском процессе... Нет, он не вынул, он оставил эту занозу и не одну, а несколько в теле нашей социалистической страны для того, чтобы продолжать готовить и совершать тягчайшие преступления.

Вы говорили:

«...я не мыслил иначе: как же это я без кружка своих, без того, чтобы знать все, без того, чтобы быть в гуще политики и т. д.?»

Вот мысль, которая мучила вас, — что без вас нельзя... Ваше положение в прошлом определялось вашими делами, как и сейчас ваше положение определяется вашими делами. Подходя к вопросу, был ли центр, вы говорите: конечно, он был до 1929 года. Вы пытаетесь утверждать, что в последующие годы центра не было, что, в сущности говоря, с 1929 года он не действовал. Это обман. Старый зиновьевский центр превратился в центр объединенного троцкистско-зиновьевского блока. Он реформировался, несколько окреп, ибо произошла консолидация нескольких группировок. С 1932 года он начинает более широко развертывать свою деятельность. В 1933 году он проявляет особенную активность, он подготовляет ряд террористических актов и в 1934 году осуществляет один из них.

Зиновьев говорил, что «это не есть центр, который был в 1926—1927 гг.», и что с этим центром он не имел никакой связи. Как тогда ставил вопрос Зиновьев о связи с ленинградским центром? Он говорил, «что была группа, которая состояла из Котолынова, Мандельштама, Мясникова и др.». Крупную роль играл Котольнов, о чем Зиновьев якобы узнал из обвинительного акта об убийстве Кирова.

Зиновьев хотел уверить, что одного из организаторов этой ленинградской террористической группы он узнал лишь из обвинительного заключения.

Так ли это было в действительности? Не так. Зиновьев посылал Бакаева в Ленинград, чтобы связаться с группой Николаева — Котолынова, чтобы Бакаев проверил, как Николаев, Котолынов, Мандельштам и другие готовили преступление.

Здесь опять-таки обман, ложь, опять-таки маскировка!

«Мы искали с ним сближения». Зиновьев уже в 1935 г. должен был, при всей своей маскировке, признать, что он искал сближения с Котолыновым и Николаевым и нашел это сближение. Теперь это установлено с абсолютной точностью.

Зиновьев рассказывает, что в 1932 г. он виделся в Левиным, расстрелянным в 1935 г. по делу об убийстве тов. Кирова, и добавляет: «организационных разговоров у нас не было. Да в этом и не было особой нужды: меня понимали с полуслова, я для него был авторитетом, и он для меня тоже был авторитетом; я знал, что этот человек из группы безвожденцев будет делать так, как мы скажем». Здесь еще содержится ряд полунамеков, полупризнаний, на основе которых впоследствии только собрав полностью ряд изобличающих Зиновьева улик, можно было обеспечить и полное признание Зиновьевым своего участия в этом преступлении. Теперь Зиновьев уже не скрывает того обстоятельства, которое Бакаев вчера усиленно хотел здесь ослабить.

Еще в январе 1935 г. по делу «Московского центра» Зиновьев признал, что Владимир Левин особенно близок был с Бакаевым. А вот вчера Бакаев пытался ослабить эту близость, ослабить ее ссылкою на то, что он ездил к Левину в Ленинград не для конспиративных целей террористического порядка, которые как раз, однако, только и возможны при наличии такой близости. Он все время пытался сказать: вычеркните из показаний и из обвинительного заключения слова «для этой цели». Нет, Бакаев, этого мы не вычеркнем, этого вычеркнуть нельзя, ибо вы ездили «для этой цели», как мастер сих дел, террористических дел, и ездили не случайно!

Почему Зиновьев не послал в Ленинград Рейнгольда, Пикеля, не послал даже Евдокимова? Почему для переговоров с ленинградской группой, с группой будущих убийц тов. Кирова, Зиновьев выбрал именно Бакаева? Ответ на этот вопрос я нахожу в объяснениях Зиновьева и отчасти Бакаева на процессе 15—16 января 1935 г. На Бакаева падает выбор Зиновьева, — потому что Бакаев был наиболее близко связан с Левиным, который был представителем зиновьевцев в Ленинграде, который был руководителем ленинградской террористической подпольной организации, что он и сам признал на суде Военной Коллегии в прошлом году. Подтверждение этому мы находим и в показаниях Зиновьева: «знал его особенно близко Бакаев, он был одним из крупных организаторов антипартийной борьбы в Ленинграде...»

Только ли, подсудимый Зиновьев, антипартийной? Антисоветской борьбы, контрреволюционной борьбы, борьбы, которая по самому своему существу носила явно контрреволюционный, противогосударственный, антисоветский характер!

Дальше Зиновьев говорил: «Я ему не давал никаких поручений». Ну это, знаете, такое иезуитство, что дальше итти некуда. Это похоже на то, как один иезуитский монах, когда его спросили: «проходил ли этот человек здесь?» — ответил, показывая пальцем у себя в рукаве: «здесь он не проходил»...

С Левиным вы связи не имели, но вы имели эту связь через Бакаева. Бакаев ездил по вашему поручению. И, следовательно, когда вы говорили: «я ему не давал никаких поручений», вы опять обманывали!

Не один Бакаев выполнял ваши поручения. Все вы — и Каменев, и Зиновьев, весь ваш центр вел переговоры с Левиным, Котолыновым, Николаевым, Румянцевым, Сосицким, Мандельштамом и рядом других членов этой разгромленной, уничтоженной банды ленинградских зиновьевцев. Весь ваш центр проверял, как ленинградская зиновьевская банда готовила это преступление, с нетерпением ожидая, когда будет, наконец, уничтожен этот верный сын нашей партии, руководитель ленинградских большевиков и пламенный трибун Сергей Миронович Киров. И они дождались этого убийства.

Здесь на суде Зиновьев признал, что он форсировал это убийство. Он спешил, он лихорадочно хватался за таких, как Николаев и Котолынов, чтобы поскорее осуществить это убийство. Не последним мотивом здесь было и желание перекрыть троцкистских террористов. Троцкисты нажимали.

Зиновьев признал, что Смирнов тоже торопил. Все они торопились. Троцкисты действовали более решительно и энергично, чем действовали зиновьевцы. Зиновьеву известно было, что из-за границы прибывали троцкистские террористы. И Зиновьев объявил «делом чести» — позорно употреблять здесь это слово — скорее осуществить свой преступный замысел, скорее, чем это смогут осуществить троцкисты! Отсюда лихорадочное нетерпение Зиновьева. Вот почему он каждый день ждал, когда же, наконец, раздастся предательский выстрел в Ленинграде. Вся его деятельность заключалась именно в том, чтобы возможно быстрее, возможно скорее и возможно успешнее осуществить это свое злодеяние!

Так рисуются роль и поведение в этом деле Зиновьева.

Кончая этот эпизод, я хотел бы теперь получить от Зиновьева прямой ответ: берет ли Зиновьев на себя не только моральную, но всю уголовную ответственность и притом полную ответственность за подготовку, организацию и совершение убийства Сергея Мироновича Кирова?

Конечно, Зиновьев скажет «да». Иначе он не может сказать. Он так уже сказал в первый же день процесса, сжатый железной цепью улик и доказательств.

Почти аналогичная позиция была на том же процессе и у Каменева. Аналогичная позиция была и у Бакаева. Каменев говорил, что он не знал о том, что был «Московский центр». Желая разыграть благородного человека, он говорил, что, поскольку этот центр был и это доказано, он за него отвечает...

У Каменева так выходило: не знал, что был центр, но если центр был, значит, знал. Но Каменев знал о существовании центра, действительно знал. Это было доказано. А теперь это подтверждено новыми доказательствами, которые добыты в связи с открытием ряда новых преступных шаек, действовавших в том же направлении. Доказательства эти пролили полный свет на это кошмарное и страшное дело.

И тогда Каменев попытался показать себя политически ослепшим человеком. Он говорил: я ослеп — дожил до пятидесяти лет и не видел этого центра, в котором я сам, оказывается, действовал, в котором участвовал действием и бездействием, словом и молчанием.

Какой-то спиритуализм, спиритуализм и черная магия!

Мы это и тогда понимали, как простую попытку прикрыться какими-то фальшивыми словами и под фальшью этих рассуждений скрыть истину. Теперь это все окончательно разоблачено. Нет, Каменев не ослеп. Каменев очень хорошо видел и знал, что он делал. Он прекрасно видел, что делалось вокруг него, потому что он организовал то, что вокруг него делалось. Каменев не ослеп, потому что он действовал и словом и молчанием. Молчанием—когда он не говорил: «не действуйте», когда он обязан был это сказать, и словом, когда он говорил: «действуйте», когда, может быть, некоторые из младших его помощников колебались и обращались к нему, как к авторитету, как к наставнику.

Каменев заявил:

«Я хочу сказать не в оправдание свое, раньше я этого не помнил, а теперь вспоминаю, что когда-то мне Зиновьев сказал, что у него был Сафаров и предлагал какой-то блок. Я сказал, что не буду принимать никакого участия ни в каком блоке, так как никогда не верил этому человеку. Это Зиновьев может подтвердить. Я не был против разговора. Я разговаривал».

С кем разговаривал?

«С Толмазовым и Шацким». А Толмазов и Шацкий — это активные члены ленинградской зиновьевской банды, убившей тов. Кирова.

Каменев разговаривал с Толмазовым и Шацким, то есть с одними из главных организаторов убийства тов. Кирова. Значит, на эти разговоры Каменев шел, ведя эти разговоры через Бакаева. Но это он пытался скрыть.

Доказывая, что он никакого отношения к террору не может иметь, Каменев встал в позу и заявил:

«Я должен сказать, что я по характеру не трус, но я никогда не ставил ставку на боевую борьбу. Я всегда ждал, что окажется такое положение, когда ЦК вынужден будет договариваться с нами, потеснится и даст нам место... Последние два года не было этих мечтаний, не было просто потому, что я не мечтатель и не фантазер. В нашей среде были фантазеры и авантюристы, но я к этой категории не принадлежу».

Я думаю, что сейчас Каменев несколько иначе будет квалифицировать свое участие в этом деле. Что же Каменев ставил своей задачей: ставил ли он ставку на боевую борьбу или не ставил?

Тогда он говорил — «нет». Теперь, два дня тому назад, он сказал—«да». Тогда он говорил—«нет», потому что он знал, он видел, что у нас нет еще всех нитей этого кошмарного преступления, потому что тогда, по состоянию следственного материала, не были раскрыты до конца все эти нити. Тогда он говорил — «нет». Сейчас, когда все уже вскрыто, он говорит—«да».

Характерный факт! Он свидетельствует, какую большую, решающую роль играли в этой преступной каменевской «работе» личные мотивы. Каменев думал, что должно притти такое время, когда ЦК потеснится и даст ему место. А ежели не потеснится? И не освободит ему

там место? Тогда он, Каменев, примет меры, чтобы место это освободилось.

Вот вся логика и политика Каменева! Логика и политика, которые никак не позволяют согласиться с тем, что он не принадлежит к категории людей, которых он сам назвал авантюристами. Нет. Он принадлежит, очевидно, к этой категории людей, как и к другой категории—к «фантазерам». Фантазии тут не мало. А желания претворить эту фантазию в практику, в жизнь, в живое дело, хотя бы путем авантюр, через блок со шпионами, диверсантами, охранниками, убийцами и путем непосредственных убийств — много, на это Каменев шел, к этому Каменев был готов.

Вот что еще он говорил на ленинградском процессе: «Я говорю перед портретами этих великих строителей социализма...» А надо сказать, что там был и портрет, обрамленный траурной каймою, портрет тов. Кирова. Каменев клялся на суде перед портретом убитого Каменевым Кирова!

«...перед портретами этих великих строителей социализма я преступник, если у меня нехватило сил самому уйти и увести кого можно было...».

Ложь! Опять лицемерие, коварство, вероломство, цинизм!

Троцкистско-зиновьевский центр убил товарища Кирова

Выше я поставил вопрос: была ли организация, был ли троцкистско-зиновьевский террористический центр? Отвечаю: да, он был, он возник в 1932 году. В его составе были Каменев, Зиновьев, Евдокимов, Бакаев, Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский.

Этот центр был, и, что самое важное, он сложился по прямому указанию Троцкого, Зиновьева и Каменева. Он сложился по прямой директиве Троцкого о терроре, как единственном средстве борьбы против руководства советской страны. Он сложился в условиях сугубой и строгой конспирации. Одного представителя этой конспиративной школы Троцкого—Зиновьева—Каменева мы имели возможность вчера наблюдать здесь в лице подсудимого Гольцмана. На скамье подсудимых в лице Смирнова сидит другой конспиратор. Центр был и действовал; он пустил в ход не только методы прямого вероломства, обмана и предательства, но, как теперь это в точности установлено, организовал и установил тайные связи с германскими фашистами, с которыми он спарил германских троцкистов, используя их для борьбы с нашим руководством и используя их связи с германским Гестапо в лице Тукалевских, П. Ольбергов и т. п.

Я считаю абсолютно доказанным личными показаниями буквально всех подсудимых, в том числе в этой части и Смирнова, что этот центр был организован на террористической основе, что центр действовал террористическими методами, не брезгуя самыми грязными и циничными способами борьбы. Я считаю абсолютно доказанным, что этим центром был подготовлен ряд террористических покушений на Украине, в Москве и в Ленинграде. Наконец, этим центром было подготовлено и осуществлено в Ленинграде убийство Сергея Мироновича Кирова.

Убийство Сергея Мироновича Кирова входило, как я уже сказал, в общий план подготовлявшихся заговорщиками убийств руководителей советского государства и ВКП(б). Это было установлено, между прочим, и показаниями Евдокимова. Я прошу суд обратить внимание на показания Евдокимова от 10 августа, где он говорит, что убийство Кирова было осуществлено по прямой директиве объединенного центра троцкистско-зиновьевского блока, где он говорит, что в 1934 г. Зиновьев дал на этот счет прямую директиву. Бакаев это также подтвердил. Решение об организации убийства Кирова было принято Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым и Бакаевым и представителями Троцкого—Мрачковским и Тер-Ваганяном.

Показания Евдокимова, на которые я сейчас ссылаюсь, говорят, что Бакаев, с целью подготовки убийства, был направлен в начале ноября 1934 г., т. е. за несколько дней до совершения Николаевым убийства Кирова в Смольном, в г. Ленинград для проверки подготовленности этого убийства. Бакаев имел личное свидание с Николаевым, приехал в Москву, сообщил об этом Евдокимову, Зиновьеву и Каменеву, которые с удовлетворением отметили успешный ход подготовки этого злодейского преступления и стали ждать этого выстрела. Бакаев предупредил Николаева и его сообщников, что они должны ждать сигнала Зиновьева, что они должны стрелять в Ленинграде одновременно с тем, как раздадутся выстрелы в Москве и Киеве.

Все это судом теперь доказано. Пусть подсудимые посмеют это оспаривать в своих защитительных речах!

После длительного запирательства на предварительном следствии Зиновьев дал ряд показаний, о которых я говорил выше. Характерная деталь. Еще осенью 1932 г. на даче у Зиновьева и Каменева (у них была совместная дача, которую, кстати сказать, Каменев однажды назвал источником своих бедствий) было поручено Бакаеву подготовить террористический акт против товарища Сталина, а Карееву — против тов. Кирова, но потом положение изменилось, так как Карев оказался арестованным, а Каменев и Зиновьев оказались в ссылке.

Наступил 1933 год—год оживления террористических настроений, год возобновления деятельности троцкистско-зиновьевского центра, и вот уже здесь дается поручение Бакаеву и начинается основательная подготовка к убийству тов. Кирова.

Каменев говорит: «Я не знал, как практически шла эта подготовка, потому что практическое руководство по организации этого террористического акта осуществлял не я, а Зиновьев». Обвиняемый Каменев, вам было известно, что Бакаев ездил в Ленинград проверять, как там шла подготовка? Да, было известно. Вам было известно, как Бакаев, проверив и убедившись, что все идет успешно, приехал в Москву и доложил вам о ходе подготовки? Было известно. Как же после этого вы позволяете себе говорить, что вы не принимали практического участия в осуществлении убийства Кирова! Ваша попытка свалить все это на Зиновьева — просто недобросовестна.

Каменев говорит так: «было решено убить», и добавляет — «я к этому решению присоединился». Разве это не практическое осуществление?

Бакаев упорно запирался на предварительном следствии и отрицал свою роль в подготовке убийства Кирова, но его изобличил Карев, который напомнил ряд фактов, и тогда уже, после этого, Бакаев признался. Именно поэтому — ввиду полного сознания Бакаева, я и отказался от допроса Карева на суде.

Убила Сергея Мироновича Кирова рука Николаева, Котолынова, его группа. Но кто еще убил? Я спрашивал Зиновьева: Когда организовался объединенный центр? Зиновьев ответил: Летом 1932 года. — В течение какого времени он действовал? Зиновьев: Фактически до 1934 года...

На этом вопросе я хочу остановиться подробнее. В 1932—1933 гг. Каменев и Зиновьев были в ссылке, а центр действовал. Известно, что в 1934 году не был на свободе и Смирнов, он был арестован 1 января 1933 года, а центр действовал. И Зиновьев подтверждает, что центр действовал. Я делаю вывод, что если действовал центр, то это благодаря хорошо организованной технике связи, которая позволяла даже не находящимся на свободе, как, например, Смирнову принимать участие в руководстве работой этого центра.

Я знаю, что Смирнов будет защищаться тем, что он от центра отошел: «я же ничего не сделал, я же сидел», скажет Смирнов. Наивное утверждение! Смирнов сидел с 1 января 1933 года, но мы знаем, что Смирнов организовал из тюрьмы связь со своими троцкистами, так как был обнаружен шифр, которым Смирнов сносился из тюрьмы со своими товарищами. Это свидетельствует о том, что связь была, и Смирнов этого отрицать не может.

Но и это не решает вопроса, ибо в конце концов для нас важно, что Смирнов, как и Зиновьев и Каменев, ответственен за всю деятельность центра и всей той террористической группы, которая была организована, построена и действовала под его руководством еще в то время, когда они были на свободе. Смирнов, Зиновьев, Каменев — они были организаторами центра; они дали направление деятельности своих террористов, всех этих Пикелей, Дрейцеров и других. Они же в полной мере и должны отвечать за это, независимо от того, находился ли кто-либо из них в это время на свободе или нет. Это элементарно, и на этом подробно, я думаю, можно не останавливаться. Как руководители, они должны отвечать за всю преступную деятельность руководимой ими организации и всех тех групп, которые возникли на вспаханной ими почве.

В чем выражалась деятельность центра? Зиновьев сказал: «Главное заключалось в подготовке террористических актов против руководства партии и правительства». Я спросил: Против кого? Зиновьев ответил: Против руководителей.

Я спросил: То есть против Сталина, Ворошилова и Кагановича? Это ваш центр организовал убийство Кирова? Было ли организовано убийство Сергея Мироновича Кирова вашим центром или какой-нибудь другой организацией?

Зиновьев: Да, нашим центром.

Я спросил: В этом центре были вы, Каменев, Смирнов, Мрачковский, Тер-Ваганян?

Зиновьев: Да.

На мой вопрос: Значит, вы организовали убийство Кирова?

Зиновьев ответил: Да.

За это преступление и должны отвечать Зиновьев и Каменев, и Смирнов, и Мрачковский, и Тер-Ваганян, и все остальные.

Наиболее упорно запирается Смирнов. Он признал себя виновным лишь в том, что был руководителем троцкистского подпольного контрреволюционного центра. Правда, он сказал это в несколько юмористической форме. Обратившись к Тер-Ваганяну, Мрачковскому и Дрейцеру, он им сказал: «Вы хотите вождя? Ну, возьмите меня». Но вы, обвиняемый Смирнов, и были таковым. Смирнов был руководителем троцкистского подполья. Не случайно Зиновьев и Каменев рассматривали его как представителя Троцкого, как заместителя Троцкого, как действительного руководителя всего троцкистского подполья. В этом он, в конце концов, и сам признался.

Я не знаю, что Смирнов скажет в последнем слове. Но полагаю, что на основании имеющихся материалов предварительного следствия и материалов судебного следствия у меня имеются все основания заявить следующее: 1) обвиняемый Смирнов признал, что он был в течение ряда лет действительным руководителем троцкистского подполья; 2) он признал, что был представителем и заместителем Троцкого в СССР; 3) он признал, что в 1931 г. был в Берлине и встретился там с Седовым, и 4) он признал, что Седов сообщил ему о террористических задачах и дал террористические установки.

Правда, Смирнов отрицает, что это была установка Троцкого. Он говорит, что это было «личное мнение» Седова. Однако, приехав в СССР, он это «личное мнение» Седова счел необходимым передать своим товарищам по подполью...

Мы его спросили: где же логика? Если это было личное мнение Седова, да еще такое, с которым Смирнов был не согласен, как он утверждал, зачем ему было это передавать другим членам подполья? Передавать, да еще не говорить, что он не согласен. Все его товарищи по контрреволюционному подполью уличают его, что он не заикнулся о своем несогласии с этой установкой. Что же следует в таком случае считать установленным? Встреча с Седовым в 1931 г. была?—Была. Седов—сын Л. Троцкого — является его ближайшим и первым помощником во всей его политической деятельности?—Является. Во время этой встречи Седов со Смирновым говорил?—Говорил. Это Смирнов признает. Говорили о терроре? — О терроре. И это Смирнов признает. Что же касается того, как понял Смирнов Седова, то для обвинения, в конце концов, это совершенно безразлично. Если Смирнов понял разговор с Седовым не как установку, ему незачем было передавать ее товарищам по своей подпольной группе. Если он этот разговор передал и не сказал о своем несогласии с ним, значит это была «установка», и иначе и быть не могло.

Смирнов говорит, что он не был согласен с этой установкой. Однако, если он не был согласен с нею, он, как достаточно опытный подпольщик, фракционер и контрреволюционер, должен был понимать, что он обязан был порвать с этой группой, уйти от этой группы. Иначе он не был бы политическим деятелем, тем более руководителем подполья. А ведь Смирнов был не просто рядовым членом троцкистской группы. Смирнов — это не

Гольцман. Гольцман — это ухудшенное издание Смирнова, но Смирнов — не Гольцман. Смирнов — это Смирнов. Он — руководитель. Как же руководитель остается участником подпольной группы, не будучи согласен с основной линией этой группы?! А основная линия этой группы — террор. И если он говорит, что в 1931 г. он слова Седова не понял, как установку, а принял их, как его личное мнение, то в 1932 г. он получил уже непосредственную установку от Троцкого через Юрия Гавена. В это время он уже не мог более ссылаться на то, что это было чье-то «личное мнение», ибо если это и была действительно «личная» установка, то установка Троцкого!

От личной установки Седова лежит прямой путь к установке Троцкого. Нет никаких личных установок. Есть троцкистское решение, линия Троцкого на террор! Вы, Смирнов, ее получили в 1931 году и в 1932 г. Получили директиву и от Дрейцера, не лично, но я глубоко убежден, что вы знали о ней, хотя и сидели в политизоляторе.

В 1932 г. вы получили директиву Троцкого от Гавена. Троцкий прямо говорит: террор, убрать Сталина, убить Ворошилова, убить руководителей партии и правительства. Вы, Смирнов, это указание получили. Вы говорите: я получил его, но не принял. Если вы не приняли и если вы в какой-нибудь мере все-таки сохранили в себе понятие политической чести, то вы не могли в 1932 году, выслушав то указание Троцкого, пересланное вам через Гавена, не порвать с троцкистской организацией. Вы это понимаете, поэтому так и говорите — я порвал, я ушел. Но кому вы сказали, что ушли? Никому не сказали. Не знал об этом Мрачковский, не знал об этом Тер-Ваганян, не знала об этом даже Сафонова. Никому вы не сказали! Никто не знал!

Следовательно, мы не имеем никакого права доверять этим вашим утверждениям. Мы можем утверждать, что вы в 1932 году получили от Троцкого директиву о терроре, и вы ее приняли. Вы не были бы Смирновым, если бы оставались в троцкистской группе, не будучи согласны с основной установкой этой группы, не будучи согласны с установкой такого авторитета, каким являлся для вас Троцкий. Мы знаем, что в своей защитительной речи вы будете проклинать Троцкого. Вам никто не поверит потому, что вы на этом суде не сказали и не хотите сказать и двух слов правды о своей работе в террористическом центре. Вы даже вчера хотели скрыть роль Путна. Вы хотели сохранить резерв, который, может быть, не будет окончательно разоблачен. Вы хотели сохранить резерв для Троцкого, для вашего проклятого троцкистского подполья!

Я считаю, что все приведенные мною обстоятельства позволяют установить следующее в отношении Смирнова.

Первое. Смирнов был членом объединенного центра троцкистско-зиновьевской террористической организации. При его участии этот центр был организован. Следовательно, он — один из важнейших организаторов центра.

Второе. Он организовал этот центр на основе директивы Троцкого, полученной им в 1931 году. Он придал этому центру террористический характер и террористическое направление его деятельности.

Третье. В 1932 году Смирнов получил от Троцкого вторую директиву. Это с бесспорностью установлено. Все попытки Смирнова доказать, что, получив эту директиву, он не присоединился к ней, хотя в то же время оставался в рядах троцкистского подполья, шиты белыми нитками.

Товарищи судьи, есть еще одно очень важное обстоятельство. Можно так поставить вопрос: ну, террористическая основа, ну, террористические настроения, разговоры о том, что террор есть единственное средство, — но как обстоит с организацией практических мероприятий, направленных на сколачивание террористических групп, на осуществление террора?

Тер-Ваганян говорил, что шла такая работа по сколачиванию террористических групп, но это была подготовительная работа, которая не выходит за пределы подготовки. Разве в действительности только так обстояло дело?

Конечно, не так. Зиновьевцы пошли за троцкистами и, в частности, за Смирновым, который убежденно и горячо настаивал на скорейшем осуществлении террора, и не вообще на осуществлении террора, а на осуществлении террора против товарищей Сталина, Кирова, Ворошилова и других наших руководителей. Ведь товарищ Сталин и тов. Киров разгромили эту бесчестную оппозицию. Поэтому вполне понятно, что Смирнов, этот последовательный и вполне убежденный, непримиримый троцкист, должен был направлять всю силу своих организационных способностей на то, чтобы подготовить убийство раньше всего руководителей ЦК нашей партии, руководителей нашей страны. Смирнов убеждал Зиновьева: давайте поскорее осуществим террористический акт, давайте поскорее убьем Сталина, Кирова и Ворошилова. А Зиновьев, петушком поспевающий за троцкистами, волнуется, кипятится, как бы не отстать...

Смирнов убеждал Зиновьева с убийством поторопиться. С платформой он не торопится. Он говорит: в один присест можно ее составить. Зачем платформа, когда есть более верное, по их мнению, средство, — убийство! Смирнов наметил и дал в руки своим агентам конкретный план организации террористических актов. Убийство тов. Кирова было совершено в осуществление этого плана, за который Зиновьев, как и Каменев, Смирнов, Мрачковский и Тер-Ваганян должны нести полностью ответственность перед советской страной, перед советским народом, перед советским пролетарским судом.

Маска с обвиняемых сорвана

Я считаю, что вина Зиновьева, Каменева, Евдокимова, Бакаева полностью установлена и что я могу освободить себя от обязанности перечислять многочисленные факты и подвергать анализу материал судебного следствия, изобличающий их в полной мере. Я хочу подчеркнуть лишь, что рядом с Зиновьевым, Каменевым, Евдокимовым, Бакаевым должны стоять Смирнов, Тер-Ваганян и Мрачковский. Они должны стоять с ними плечом к плечу. Они вместе направляли свою преступную деятельность против нашего правительства, вместе убивали тов. Кирова, а поэтому вместе и полностью должны за это и отвечать.

Смирнов прекрасно понимает это, и поэтому он занял позицию отрицания. Сначала он все

отрицал: он отрицал наличие троцкистской организации, он отрицал наличие центра, он отрицал свое участие в центре, он отрицал связь с Троцким, он отрицал какие-либо нелегальные задания, которые он давал даже в 1936 г., а мы знаем, что этот большой конспиратор сумел организовать передачу преступных указаний своим сторонникам, даже будучи изолирован. Он все отрицал — он отрицал наличие троцкистского центра в 1931 г., он отрицал существование такого центра в 1932 г. — он все отрицал. Весь его допрос от 20 мая состоит из одних слов: «я это отрицаю, еще раз отрицаю, отрицаю». Это единственно, что ему оставалось делать.

Обвиняемый Смирнов, вам изменил ваш опыт, вам изменило ваше искусство обманывать. Будучи изобличены показаниями Сафоновой, Мрачковского, Тер-Ваганяна, вы вынуждены были признать, что центр был, что вы были членом центра. Ваше отрицание вам не помогло. Вы отрицали и говорили, что никакой директивы о терроре не получали, но вас в этом изобличил Гавен, и вы это признали, вас изобличил Гольцман, который получил поручение от Троцкого передать вам лично, и только вам, директиву о том, что сейчас необходимо перейти к террору. «Сугубо законспирированный троцкист» Гольцман говорит, что он это поручение получил, но не передал, и вы думаете, что этому можно будет поверить? Нет, этому никто не поверит.

Гольцман занял такую же позицию, что и Смирнов, — «я признаю все, кроме террора»,— потому что он знает, что за террор может свалиться с плеч его голова. В терроре Смирнова изобличил и Гольцман, и Мрачковский, и Сафонова, и Дрейцер.

21 июля вы, Смирнов, дали несколько иные показания, т. е. вы вначале отрицали получение какой-либо директивы об организации террора от Троцкого, а здесь вы это признаете. С отрицанием у вас не вышло.

На очной ставке с Мрачковским вы продолжали отрицать получение директивы от Троцкого и дачу Мрачковскому поручения организовать террористическую группу. Мрачковский вас стыдил, говоря: «что же вы, Иван Никитич, из грязного кровавого дела хотите выйти в белой рубашечке?» Я могу это повторить: «Неужели вы думаете, подсудимый Смирнов, что вы из этого кровавого дела выйдете невредимым?» Вы на слова Мрачковского ответили: «Выдумка и клевета», а потом вы все же кое-что признали.

Ведь вы признали, что блок был организован на базе необходимости террора, и что таким образом вы являлись одним из организаторов террористического центра. Вы получили от Троцкого директиву о терроре. Вы развили на этой основе террористическую преступную деятельность, правда, вам немножко помешал участвовать в осуществлении этой деятельности ваш арест. Но все же вы помогали этому делу всячески, как только могли.

Я хочу напомнить, что очная ставка с Сафоновой на предварительном следствии, в основном воспроизводящая то, что мы имели здесь на суде, очень характерна. Смирнов не решается отрицать доказательств, приводимых Сафоновой, он измышляет каучуковую форму лжи, он знает, что Сафонова клеветать не будет. Сафонова — его бывшая жена, с которой он никаких счетов не имеет, и на личные счеты он сваливать не может. Он говорит: «не помню», «очевидно, такой разговор мог быть». Его спрашивают: был разговор об организации террора? «Не был, а мог быть». Такая же животная трусость им руководит сейчас, когда он, маскируясь, говорит: «мне на это нечего отвечать». Но 13 августа он вынужден был признать, что в 1932 г. этот разговор был, что он, Смирнов, за это несет полную ответственность и сейчас он от этой ответственности уклоняться не собирается.

Я хочу перейти к Тер-Ваганяну. У него вначале тоже была такая позиция отрицания, но 14 августа он дал более правдивые показания. Суммируя его показания и все поведение на суде, можно притти к нескольким твердым выводам: можно считать установленным, что Тер-Ваганян был членом троцкистско-зиновьевского центра, что он принимал деятельное участие в организации этого центра, что он задания центра осуществлял на основе директивы Троцкого, которая была получена через Смирнова и о которой ему было известно от Смирнова. Он пытается утверждать, что фактически ничего не сделал. Но я должен заранее сказать, что если бы он и «не сделал ничего», то и то, что он сделал, достаточно, чтобы предъявить ему ст. ст. 58^8, $19—58^8$ и 58^{11} Уголовного Кодекса РСФСР.

Моисей Лурье и Натан Лурье. Мы здесь слышали показания Натана Лурье о том, как он прибыл сюда и с какими целями, какую он развернул работу по подготовке террористических актов под руководством Моисея Лурье, как он явился по сути преемником той группы, которая до него уже была сколочена здесь Францем Вайцем, фашистским агентом и доверенным лицом Гимлера, начальника фашистской черной охранки, начальника германских охранных отрядов, а впоследствии начальника германского Гестапо.

Вы помните все их показания, и я полагаю, что на этом можно подробно не останавливаться. Полностью, категорично и бесспорно доказана подготовка террористических актов Натаном Лурье и Моисеем Лурье. Они полностью должны нести ответственность за это преступление!

Когда я говорил о тех методах, при помощи которых действовали эти господа, я показал, старался показать, как глубоко и низко было падение этих людей, и моральное и политическое. И, может быть, одно из наиболее ярких и характернейших доказательств безграничного морального падения этих людей, у которых нет даже тех моральных, хотя и в кавычках, устоев и тех правил поведения, которые существуют даже у закоренелых преступников и бандитов, это то, о чем говорил здесь Рейнгольд. Я говорю об их плане уничтожения следов своих злодейских преступлений.

Разве случайно, товарищи судьи, они, рассчитывая на успех своего злодейского плана, намечали председателем ОГПУ никого другого, как Бакаева? Именно Бакаева, который известен, как злобный ненавистник, как человек решительный, как человек настойчивый, упорный, с очень большой волей, с громадным характером и выдержкой, человек, который не способен останавливаться ни перед какими средствами для достижения тех целей, которые он перед собой поставил!

Если некоторые из обвиняемых совершенно

спокойно намечали себе путь к власти через горы трупов лучших людей нашей советской земли, то едва ли Бакаев был здесь не самым решительным и не самым неумолимым исполнителем этого плана! Именно этот человек и предназначался в качестве председателя ОГПУ в случае успеха заговора.

Я не останавливаюсь на смехотворном распределении портфелей между заговорщиками и террористами. Я подчеркиваю только еще раз, что никто другой, а только Бакаев намечался на пост председателя ОГПУ. Зиновьев и Каменев не исключали того, что в распоряжении ОГПУ имеются нити о подготовлявшемся государственном заговоре, и поэтому они считали важнейшей задачей назначить Бакаева председателем ОГПУ. Он должен был перехватить эти нити, а затем уничтожить их, как и самих физических исполнителей их поручений.

Первую часть Каменев и Зиновьев не отрицают, а вторую часть отрицают. Она слишком кошмарна, и Зиновьев сказал, что это из Жюль-Верна. Но разве мы не знаем, что в истории такие примеры бывали? Разве мы не знаем некоторые соседние государства, в которых такие эксперименты были, где участники заговора физически уничтожались рукой организаторов заговора, как это и было с уничтожением Рема и его сподвижников.

Вы сами, подсудимый Зиновьев, говорите, что Бакаев предназначался на пост председателя ОГПУ, чтобы использовать его для уничтожения следов преступлений. Так почему же вы это называете Жюль-Верном? Вы избрали порочный способ защиты.

Это большого значения для дела не имеет, но не в этом вопрос и не в этом суть. Это один из замечательных штрихов, характеризующих людей, которые претендовали на руководство нашей страны. Это говорит о том, какое счастье, что они своевременно были отстранены от участия в этом руководстве!

Зиновьев и Каменев говорят, что это фантазия, арабские сказки, но позвольте: а убийство зиновьевского секретаря Богдана — это что?! Сказка? Зиновьев не мог ничего сказать по этому поводу, но Рейнгольд это разоблачил, а Пикель это подтвердил.

Бакаеву было указано Зиновьевым на Богдана, как на подходящего для террористических актов человека.

Рейнголь говорит, Пикель подтверждает, а Бакаев от этого открещивается и прячется. Но это факт, от которого уйти никто не сможет. Рейнгольдом и Пикелем доказано, что «самоубийство» Богдана было в действительности убийством. Оно выполнено было Бакаевым по поручению объединенного центра! «Ты колеблешься осуществить задание нашего объединенного троцкистско-зиновьевского центра? Мы тебя убьем или сам убей себя». Так говорил Богдану Бакаев, и Богдан не выдержал.

Это было началом плана, разработанного Зиновьевым и Каменевым на случай успеха террористического заговора. Самоубийство Богдана Зиновьев и Каменев постарались изобразить, как гибель «жертвы» нашего советского режима. Но вы же сами довели Богдана до самоубийства, поставив перед ним дилемму: или итти на террористический акт, или покончить с собой.

Если вы, товарищи судьи, поставите этот эпизод в общую связь со всеми методами борьбы, со всеми методами «работы» этой преступной шайки, вы легко поймете всю правдивость показаний Рейнгольда и Пикеля, которые здесь на суде еще и еще раз разоблачили Зиновьева, Каменева и Евдокимова, как авторов ряда тяжких преступлений.

Взбесившихся псов — расстрелять всех до одного

Я, товарищи судьи, кончаю. Подходит последний час — час расплаты этих людей за тяжкие преступления, которые они совершили против нашей великой страны. Последний час расплаты этих людей, поднявших оружие против самого дорогого и любимого, что есть у нас, против любимых вождей нашей партии и нашей родины, против Сталина, Кагановича, Ворошилова, Орджоникидзе, Жданова, Постышева, Косиора и других руководителей нашей страны победившего, растущего и расцветающего нового социалистического общества. Печальный и позорный конец ожидает этих людей, когда-то бывших в наших рядах, хотя никогда не отличавшихся ни стойкостью, ни преданностью делу социализма.

Еще несколько слов. Некоторые из подсудимых пытались проводить здесь параллель с историческим прошлым, параллель с эпохой «Народной воли», пытались сравнивать кое-кого с героическими террористами, вступившими в прошлом столетии в единоборство со страшным, коварным и беспощадно жестоким врагом — царским правительством. Называли и имя Гершуни, говоря не то о Бакаеве, не то о Смирнове. Это не выдерживает никакой критики.

То была борьба кучки самоотверженных энтузиастов с жандармским исполином, борьба за интересы народа. Мы, большевики, всегда были против террора, но мы должны отдать должное искренности и героизму народовольцев. Гершуни не был большевиком, но и он боролся против царизма, а не против народа.

А вы — кучка подлинных контрреволюционеров, представители передового отряда международной контрреволюции, и выступили вы против передового отряда мировой пролетарской революции! Вы выступили против свободы и счастья народов! Бесстыдное сравнение с эпохой народовольческого терроризма. Тронутый уважением к памяти тех, кто искренне и честно, правда, своими особыми путями и методами, но всегда безупречными, действовал во времена «Народной воли» в борьбе против царского самодержавия за свободу, — я решительно отметаю кощунственную параллель. Повторяю, здесь параллель неуместна. Перед нами — преступники, опасные, закоренелые, жестокие, беспощадные к нашему народу, к нашим идеалам, к руководителям нашей борьбы — вождям советской страны, вождям трудящихся всего мира!

Враг коварен! Коварного врага щадить нельзя. Весь народ поднялся на ноги при первом сообщении об этом кошмарном злодействе. Весь народ трепещет и негодует. И я, как представитель государственного обвинения, присоединяю и свой возмущенный, негодующий голос государственного обвинителя к этому гулу миллионов!

Я хочу закончить напоминанием вам, товарищи судьи, о тех требованиях, которые предъявляет закон в делах о тягчайших государственных преступлениях. Я позволю себе напомнить о вашей обязанности, признав этих людей, всех шестнадцать, виновными в государственных преступлениях, применить к ним в полной мере и те статьи закона, которые предъявлены им обвинением.

Взбесившихся собак я требую расстрелять— всех до одного!

Л. ШЕЙНИН

Из зала суда

Есть страшные болезни, когда человек разлагается заживо, — язвы разъедают тело до костей, мутная кровь гниет в жилах, как стоячая вода, живой покойник источает тошнотный запах распада. Именно такой отвратительнейшей формой политической проказы были поражены шестнадцать живых трупов, сидевших на скамье подсудимых. Впрочем, ничего политического уже не осталось в этих просмердевших банкротах,—апофеозом самой низкопробной уголовщины были все их приемы и дела.

С невзыскательным реквизитом провинциального Рокамболя, с тривиальным чемоданом с двойным дном, с браунингом и паспортом опереточной республики Гондурас думали они пробраться к вершине власти, как пробираются домушники в квартиру через плохо прикрытую форточку. Кроме браунинга и ненависти, кроме маккиавелевских кинжала и яда, ничего не осталось у этих озверевших властолюбцев.

Когда-то, в первые годы своей ожесточенной борьбы с партией и Советским государством, эти авантюристы еще пытались изобразить какую-то платформу, инсценировать какие-то «принципиальные» расхождения с линией партии; но потом, увидя тщетность своих «политических» потуг и убожество своих «прогнозов», махнули на это рукой, искренне признавшись друг другу, — мол, «братцы, все равно ничего не имеем за душой. Поэтому обратимся к другим аргументам — к пуле, предательству и фашистской охранке».

Пусть Каменев редактировал изысканные тома «Академии», пусть Зиновьев писал книги, фальсифицировавшие ленинизм, пусть Пикель был театральным критиком и ценителем изящного, пусть Моисей Лурье был «историком», а Тер-Ваганян «философом»,—все эти люди превратились в уголовных бандитов со свастикой, выжженной на лбу, как каторжное клеймо. В стремительном процессе озверения они потеряли человеческое подобие. Недаром было стихийно подхвачено советским народом определение этих бандитов, как взбесившихся псов.

Не простой человеческий гнев, а именно собачье бешенство наполнило ядовитой пеной ощеренные их пасти, готовые укусить.

И вот они сидят на скамье подсудимых, разоблаченные следствием, пойманные с поличным. Сидят рядом, в тесном соседстве — международные авантюристы, молодые головорезы из фашистских охранок, прямые посланцы Гестапо, горгуловцы, продажные ландкнехты иностранных разведок и, локоть к локтю, «горе-вожди», люди, штудировавшие когда-то Маркса, «идеологи» антипартийных групп. И рядышком войдут они в историю, как две руки одного и того же негодяя — Троцкого.

Пусть этот обер-мастер предательства и измены в идиллической тиши маленькой буржуазной Норвегии, яростно колотя себя десницей в грудь, старается доказать, что он здесь не при чем, что все это поклеп и выдумка, — каждому из сотен, присутствовавших в зале суда, от стахановца московских заводов до иностранного корреспондента, всему народу, следившему за процессом, было ясно, было почти физически ощутимо, что на скамье подсудимых между Зиновьевым и Каменевым незримо сидит 17-й обвиняемый, с мефистофельской бородкой и поблескивающим пенсне и как бы он ни старался отвертеться, этот обвиняемый, он не ушел от следствия, как не уйдет в конце-концов от приговора!

Ведь на судебном следствии Зиновьев и Каменев прямо показывали, что на заседаниях центра говорилось как о чем-то само собой разумеющемся о том, что в случае удачи заговора Троцкий спешно прибудет к дележу добычи и власти.

Неудавшийся Бонапарт ускользнул от дележа их судьбы. Но его властно настигнет судьба политического покойника, скрывшегося в какой-нибудь провинциальной дыре Европы за синими очками разоблаченного провокатора.

В Америке, кажется, жив еще Дегаев, знаменитый русский провокатор и предатель. Под вымышленной фамилией американского обывателя он скромно преподает математику в какой-то провинциальной школе, ни единым русским словом не выдавая себя, убежав от самого себя. Судьба провокатора Дегаева дружески перемигивается с судьбою предателя Троцкого.

Дележ добычи и власти! Как цинична в своей откровенности конечная цель оголтелой банды! Никогда еще история не знала такого ошеломляющие циннизма; даже уголовные хроники едва ли могут найти в своих анналах что-либо подобное. Но как изобретательны и многогранны негодяи в методах для достижения этой низкой цели. Какая сложная алхимия убийц, какой богатый воровской инструментарий! Шекспировские образцы лести, лицемерия и предательства бледнеют перед рекордами двурушничества, продемонстрированными Зиновьевым, Каменевым и иже с ними. Мог ли придумать Шекспир для своих классических образов предателей хотя бы нечто подобное некрологу Зиновьева о Кирове, или же его письму на имя т. Ягоды. Фуше и Лоуренс — дети по сравнению с Зиновьевым и Каменевым.

А вслед за двурушничеством — полное проституирование, продажа своих услуг любой международной охранке, лишь бы добраться до цели.

Нужно было послушать, с каким бесстыдством и хладнокровием говорили обо всем этом они сами, эти, подлинно, «бывшие люди».

Скамья подсудимых в эти дни напоминала собою смрадную, затхлую банку скорпионов, неистово грызущих друг друга.

Бакаев злобно хрипел о Зиновьеве, Рейнгольд таранил Каменева, Тер-Ваганян, захлебываясь, вопил о Смирнове, сохраняя, однако, полную сдержанность, когда речь заходила о самих.

И когда Зиновьев в последнем слове говорил о том, что наиболее жестоким возмездием явилось для него соседство на скамье подсудимых Ольберга и Натана Лурье,—никто ему не поверил. Не помогла даже выучка присяжного оратора и многолетняя актерская тренировка.

Всем в зале и далеко за его стенами стала ясна абсолютная пустотелость этих сгнивших сердец, не наполненных ничем, кроме ненависти и жажды личной власти. Всем стало ясно, что и Зиновьев, и Каменев, и Смирнов — абсолютные, законченные в своей опустошенности ничтожества. Применяя выражение Бальзака — это «колоссы ничтожества». Но известно, что ничто не бывает опаснее, нежели взбесившиеся ничтожества.

И эти взбесившиеся ничтожества, эти шкурники и диверсанты, убившие замечательного человека Кирова, светлого Мироныча, выслеживали автомобиль Сталина, готовясь убить вождя, олицетворяющего собой сердце и надежду всего человечества.

Одна маленькая девочка хорошо написала в пионерской газете о том, что она сначала заплакала, когда прочла о намерениях бандитов, а потом обрадовалась, когда вспомнила, что они изловлены и сидят за решеткой.

В словах этой пионерки передано то чувство леденящего кровь ужаса, который испытал каждый гражданин нашей страны, узнав о замыслах террористов, то ощущение благодарности, которое испытывает вся страна к славным ученикам Феликса Дзержинского, обнаружившим и изловившим это змеиное гнездо предателей.

Вот почему, когда А. Я. Вышинский в своей речи аккумулировал голоса народных масс и требовал для убийц расстрела, — этому требованию рукоплескали 170 миллионов свободных граждан нашей страны. Этому требованию рукоплескали астурийские горняки, борющиеся за свою свободу, германские узники в концентрационных лагерях, мужественные борцы против фашизма — все, что есть честного в человечестве.

В знаменитом романе «Тиль Уленшпигель» мать Тиля повторяла: — «Пепел Клааса стучит в моем сердце». Священная кровь Кирова стучит в сердце страны.

Приговор вынесен, справедливый приговор. Выходишь из зала и полной грудью вдыхаешь свежий воздух, воздух нашей страны. Огнями рассвечена Москва, великий город, где живет и творит великий вождь, мудрый строитель социализма, всепобеждающего и непобедимого. И горе тому, кто поднимет руку на эту непоколебимую твердыню!

А. ВИНОКУРОВ

Проект Конституции Союза ССР и судебные органы[1]

1.

В проекте Сталинской Конституции Союза отразились все те достижения, которые сделаны нашей страной в период времени с 1924 по 1936 год в сторону построения социализма и которые в корне изменили наше народное хозяйство, политическое положение и ее структуру.

В области экономики мы имеем победу социализма на всех фронтах: в промышленности, в сельском хозяйстве, в торговле и т. д.

В промышленности мы имеем в настоящее время безраздельное господство социалистических форм производства. В сельском хозяйстве мы имеем самую крупную в мире новую технику, которой вооружены наши колхозы и совхозы. В области торговли мы имеем советскую торговлю без капиталистов, без спекулянтов. Мы достигли уничтожения эксплоатации человека человеком, утверждения общественной собственности, которая стала основой нового социалистического строя.

В области классовой структуры мы имеем ликвидацию всех эксплоататорских классов: помещиков, капиталистов, кулаков. С этими классами Страна советов разделалась окончательно и бесповоротно. В то же самое время мы имеем стирание граней, стирание экономических и политических противоречий между рабочими и крестьянами и трудовой интеллигенцией. Это еще не полное уничтожение различий, но это есть именно стирание экономических и политических противоречий.

Нужно сказать, что наш рабочий класс в настоящее время не тот рабочий класс, который был до революции и который эксплоатировали капиталисты. Это — рабочий класс, который одержал победу, который сверг капиталистов и утвердил свою власть.

Но нужно сказать, что и в последнее время рабочий класс стал иным, чем был в первые годы революции. Это — рабочий класс, который охвачен пафосом строительства, пафосом овладения техникой, который развернул мощное стахановское движение, создающее условия для перехода от социализма к коммунизму.

Точно так же и крестьянство. Это уже не то крестьянство, которое было раньше, — порабощенное до революции крестьянство, распыленное по мелким хозяйствам. Новое крестьянство — это колхозное крестьянство, в основе которого лежит колхозная собственность.

---

[1] Переработанная автором стенограмма доклада на 55 пленуме Верхсуда Союза ССР.

Помещая настоящую статью т. А. Н. Винокурова, редакция оставляет за собою право вернуться к этой статье и дать в одном из ближайших номеров критику некоторых положений этой статьи, не разделяемых редакцией.

Изменилась и интеллигенция. Это не старая интеллигенция, которая служила буржуазным и помещичьим классам и не та интеллигенция, которая вначале саботировала советское строительство, часть которой потом принимала участие во всех вредительских актах. Это — новая интеллигенция, которая связана корнями с рабочим классом и крестьянством, которая в настоящее время служит народу и которая является новой трудовой интеллигенцией.

Вот те изменения в классовой структуре нашей страны, которые нашли себе выражение в проекте новой конституции, прежде всего — в переименовании советов рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов в советы депутатов трудящихся.

Проект Конституции Союза дает новое широкое развертывание советского демократизма. Буржуазная демократия — это есть «демократия» для богатых. Советская демократия — это демократия для трудящихся, с исключением, конечно, эксплоататорских классов. В настоящее время, когда эксплоататорские классы все уничтожены, когда все они ликвидированы, когда стираются грани между рабочими, крестьянами и интеллигенцией, советская демократия получает пышное, широкое развитие, которое нашло выражение, прежде всего, в расширении избирательных прав граждан нашей страны.

В конституции говорится, что избирательными правами пользуются все граждане, исключая только умалишенных и лиц, лишенных избирательных прав по суду. Таким образом, все граждане, кроме этих категорий, привлекаются у нас к выборам на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании.

Необходимо здесь указать, что эти обстоятельства возлагают громадную ответственность на судебные органы потому, что лишение избирательных прав находится в настоящее время в руках судей. Ввиду этого, требуется самое внимательное отношение со стороны судей при вынесении приговоров с лишением политических прав. Здесь должна быть очень большая бдительность, чтобы, с одной стороны, при вынесении приговоров там, где необходимо лишение политических прав, в том числе избирательных, не пропускалось указание на то, что осужденный лишен избирательных прав. С другой стороны, необходимо, чтобы лица неправильно не лишались по суду избирательных прав.

Широкое развертывание советского демократизма, кроме предоставления избирательных прав всем гражданам, нашло свое выражение в разделе «Об основных правах и обязанностях граждан». Проект Конституции Союза предоставляет нашим гражданам такие права, которых не знает ни одна страна в мире. Это — право на труд, право на отдых, право на обеспечение, право на образование, затем — равноправие граждан независимо от их национальности и расы, далее — ряд политических прав: право свободы слова, печати, собрания, уличных демонстраций, свободы объединения, наконец — неприкосновенность личности, неприкосновенность жилищ и т. д.

Эти основные права, действительно, являются декларацией прав граждан новой социалистической эпохи.

Широкое развертывание советского демократизма ведет к дальнейшей демократизации нашей судебной системы. Это расширение демократизации судебной системы выражается в избираемости народных судей на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании. Избираемость судей была у нас и раньше. Например, народные судьи по нынешнему положению избираются исполкомами и могут ими отзываться; областные и краевые судьи избираются также исполкомами. Но избрание народных судей на основе всеобщего, равного, прямого избирательного права при тайном голосовании есть то новое, которое мы имеем в проекте Конституции Союза. Все население получает право выбора нарсудей.

В настоящее время еще нет избирательного закона для выбора судей, но по некоторым аналогиям можно себе представить, как это будет происходить. Судебным работникам это необходимо знать, чтобы сейчас подготовиться к этому очень важному событию.

Выборы народных судей, несомненно, будут происходить по районам и, может быть, по судебным участкам. Кандидатуры в судьи будут выставляться различными организациями: партийными, комсомольскими, профсоюзными, кооперативными, добровольных обществ, военными организациями.

Мы должны об этом уже в настоящее время подумать, потому что перед нами в скором времени возникнет необходимость принять участие в предвыборной кампании, а затем и в самих выборах этих судей, и необходимо к этому подготовиться.

Дальнейшая демократизация нашей судебной системы по проекту Конституции находит выражение в установлении независимости судей в отправлении ими своих судебных обязанностей и в подчинении судей только закону. Этот вопрос в настоящее время получил свое выражение в том пункте проекта Конституции, где говорится, что судьи независимы и подчиняются только закону.

Я хотел еще остановиться на том, на какую огромную высоту поднимается в проекте Конституции вопрос о законе. Закон есть выражение воли трудящихся. Законы будут издаваться только Верховным Советом Союза ССР. Еще не так давно у нас относились весьма нигилистически к закону, говорили, что можно руководствоваться не законом, а целесообразностью. Конечно, это совершенно неправильно, потому что революционная законность нисколько не устраняет целесообразности.

2.

Перехожу к вопросу относительно взаимоотношений между судами и Наркомюстом Союза.

Верхсуд Союза, по проекту Конституции Союза ССР, является высшим судебным органом в Союзе ССР. На него возлагается надзор за деятельностью судебных органов Союза ССР и союзных республик.

Верхсуд Союза независим в своей судебной работе и подчиняется лишь закону. Одной из главных задач Верховного суда Союза является надзор за деятельностью всех судебных органов СССР. Этот надзор некоторыми толкуется очень ограничительно и понимается, как надзор лишь за конкретными судебными делами, только в порядке кассационного и судебного надзора. Это слишком большое ограничение надзорной работы Верховного суда

Союза и союзных республик. Этот вопрос требует серьезного обсуждения.

Что такое судебный надзор? Судебный надзор — это проверка исполнения, контроль над тем, как наши судебные органы выполняют законы. Эта проверка выполнения не может сводиться только к тому, чтобы просматривать кассационные дела или просматривать дела в порядке судебного надзора.

Здесь уместно огласить некоторые партийные высказывания по поводу проверки выполнения. Товарищ Сталин на XVII съезде партии говорил, что «Правильная организация проверки исполнения имеет решающее значение в деле борьбы с бюрократизмом и канцелярщиной». И далее товарищ Сталин продолжает. «Но, чтобы проверка исполнения достигла цели, необходимы по крайней мере два условия: во-первых, — чтобы проверка исполнения была систематическая, а не эпизодическая; во-вторых,—чтобы во главе дела проверки исполнения во всех звеньях партийно-советских и хозяйственных организаций стояли не второстепенные лица, а достаточно авторитетные люди, — сами руководители организаций».

И вот, если представить себе, что надзор за деятельностью судебных органов будет заключаться у Верховного суда только лишь в одном кассационном надзоре или в порядке судебного надзора, то тогда это не будет систематической проверкой исполнения и такой проверкой, во главе которой во всех звеньях стояли бы не второстепенные лица, а сами руководители организаций.

Или возьмем постановление XVII съезда партии по докладу т. Кагановича, где говорится, что «для устранения всех недостатков и улучшения работы всех органов пролетарской диктатуры необходимо руководствоваться следующим:

1) перейти от отвлеченного руководства к конкретному руководству, от общих резолюций — к оперативным решениям, основанным на изучении и знании деталей и техники дела, в тесной живой связи с низовыми звеньями...»

Это положение очень важно потому, что оно говорит, что руководство должно быть основано на изучении и знании деталей техники дела. Оно должно происходить в тесной живой связи с низовыми звеньями. Конечно, это могут делать только лишь судебные работники.

Совершенно ясно, что если бы эти функции были изъяты из компетенции судов, то это было бы неправильной организацией и здесь мы имели бы опять возрождение пресловутой функционалки.

Поэтому надзор за деятельностью судебных органов состоит не только в кассационном рассмотрении дел или в рассмотрении дел в порядке надзора. Этот надзор за деятельностью судебных органов может происходить различным путем: в порядке кассационного производства, в порядке надзорного производства, в порядке рассмотрения дел по жалобам обвиняемых, в порядке обследования, в порядке живой связи работника областного масштаба с народными судьями, в порядке обобщения судебной практики по отдельным вопросам и т. д.

Все эти методы надзора за деятельностью судебных органов должны входить в компетенцию Верховного суда Союза. Но эти функции должны также входить и в компетенцию верховных судов и областных судов союзных республик, потому что верховным судам союзных республик принадлежит также надзор за деятельностью судебных органов в республике.

Перехожу к взаимоотношениям Верховного суда с Наркомюстом.

Какова компетенция Наркомюста по проекту Конституции Союза? Наркомюст является органом государственного управления, который ведает соответствующей отраслью, т. е. в данном случае судебной отраслью. Это говорит ст. 72 проекта Конституции.

Наркомюст является органом руководства судебной политикой, организации и управления судебной системой всего Союза ССР.

Вследствие этого предложения Наркомюста Союза должны быть по вопросам организации, управления и руководства судами, а также по вопросам судебной политики обязательны для всех судов Союза ССР и союзных республик, включая Верховный суд Союза ССР. В случае несогласия, Верховный суд Союза имеет право переносить свое разногласие в высший орган государственной власти Союза ССР, не приостанавливая, однако, исполнения предложения Наркомюста Союза.

На таких же основаниях строятся и взаимоотношения между НКЮ союзных республик и республиканскими судебными органами.

Выше указывалось, что надзор со стороны Верховного суда Союза за деятельностью судебных органов Союза и союзных республик может осуществляться различными способами: путем рассмотрения дел в кассационном порядке и в порядке судебного надзора, путем выборочного изучения определенных категорий судебных дел, путем производства, по согласованию или предложению Наркомюста Союза, обследований судебных органов на местах и обобщения судебной практики. Вытекающие отсюда общие оперативные указания судам Верхсуд Союза может издавать только с санкции Наркомюста Союза. Что касается своих выводов по вопросам организации и управления судами на основе произведенного изучения или обследования, Верховный суд Союза представляет в Наркомюст Союза для при соответствующих мер.

В компетенцию пленума Верховного с должно входить обсуждение вопросов суде ной политики и практики, как по предложениям наркома юстиции Союза и прокурора Союза, так и по собственной инициативе Верховного суда Союза, причем постановления пленума Верховного суда Союза должны издаваться по согласованию с НКЮ Союза.

Особо стоит вопрос о надзоре по конкретным судебным делам. В этой области суды независимы, подчинены только закону (ст. 112). приговора, решения и определения судов могут быть опротестованы в высшие судебные органы прокуратурой, но со стороны Наркомюста Союза вмешательство здесь не может иметь места. Наркомюст Союза имеет право только передать судебным органам на рассмотрение то или другое дело, не вмешиваясь, однако, вынесенные судом приговора, решения или определения.

В целях сокращения количества надзорных инстанций, необходимо установить, чтобы рассмотрение дел в порядке судебного надзора производилось, как правило, в вышестоящих судах: дела, разрешенные в областных и крае

ых судах — в верхсудах союзных республик; дела, разрешенные в верхсудах союзных республик — в Верхсуде Союза, который должен быть последней судебной инстанцией. Постановления пленума Верховного суда по отдельным судебным делам должны быть окончательными и опротестованию не подлежат.

В связи с этим целесообразно, чтобы президиумы и пленумы в областных, краевых и верховных судах автономных республик и президиумы в верховных судах союзных республик были упразднены. Жалобы и протесты на кассопределения указанных судов должны итти в верховные суды союзных республик и в Верховный суд Союза по принадлежности.

В настоящее время уголовно-судебная коллегия, специальная коллегия и гражданско-судебная коллегия Верховного суда Союза по существу не являются судебно-надзорными коллегиями с правом судебного разрешения дел. Они рассматривают жалобы, требуют по ним дела, проверяют их, но сами не разрешают их, а передают свои заключения в судебно-надзорную коллегию для разрешения. Фактически члены указанных коллегий Верховного суда Союза являются докладчиками, консультантами судебно-надзорной коллегии. Предоставление членам указанных коллегий права самостоятельного разрешения судебных дел в порядке судебного надзора активизирует их работу и повысит их ответственность.

Однако необходимо поставить еще вопрос о том, чтобы уголовно-судебная коллегия Верховного суда Союза гражданско-судебная коллегия и специальная его коллегия стали также кассационной инстанцией в отношении приговоров и решений верховных судов союзных республик, как судов первой инстанции. Совершенно непонятно, почему гражданин, когда он судится в областном суде, имеет право кассации (отличие кассации от судебного надзора—при кассации есть защита, осужденный сам может присутствовать), а почему, когда он судится в Верховном суде союзной республики, он не имеет права кассации.

Раз Верховный суд является высшим судебным органом, непонятно, почему он не может рассматривать в порядке кассации приговора, которые вынесены верховными судами союзных республик; непонятно, почему нельзя кассировать эти приговора.

Я хотел еще остановиться на некоторых отдельных вопросах. О нарзаседателях в проекте Конституции Союза ничего не говорится. В комиссии по разработке проекта положения о судоустройстве Союза ССР и союзных республик принято, что нарзаседатели тоже избираются гражданами района на основе всеобщего прямого и равного избирательного права при тайном голосовании. Почему? Потому что в проекте Конституции говорится о выборах нарсудов, а не нарсудей, а нарсуд — это судья и два нарзаседателя. Потому и нарзаседатели должны избираться на тех же началах, что и народные судьи.

Приветствуя образование Наркомюста Союза, надо отметить, что создание Наркомюста Союза ССР имеет огромное политическое значение. Оно поднимает политическое значение суда. Оно обеспечивает, путем организации, управления и руководства судами, поднятие качества их работы на надлежащую высоту.

Проект Конституции Союза отводит громадную роль советскому суду, он поднимает его авторитет на небывалую высоту, ставит перед судебными органами огромной важности задачи; сугубо уделяет внимание охране социалистического государства рабочих и крестьян, борьбе с изменой родине, охране социалистической собственности, борьбе с нарушением Конституции, законов, государственной и трудовой дисциплины, правилам социалистического общежития и т. д. Вместе с тем перед судами стоит задача охраны интересов и прав граждан, равноправия граждан независимо от их национальности и расы, неприкосновенности личности граждан, их личной собственности и т. д. Все это обязывает суды немедленно перестроить свою работу, повышать качество работы судов, повышать ответственность суда за выносимые им приговора, решения и определения и сделать основной и главной задачей судов судебную работу, как судов первой инстанции и как кассационно-надзорных инстанций.

РЕЙХЕЛЬ

Состояние гражданских дел в судах

В свете проекта новой Сталинской Конституции, незыблемо охраняющей права граждан социалистического государства как политические, так и личные и имущественные, гражданские судебные дела приобретают особо важное значение. **«Кадры решают все». «Самым ценным и самым решающим капиталом являются люди, кадры».**

Но почти вся материально-бытовая база их жизни как-раз и является непосредственным предметом гражданских дел. Именно здесь, в этих делах, разрешаются споры и охраняются и реализуются путем судебного принуждения такие важнейшие права граждан, как право на труд, на заработок, на отдых, на алименты, на жилище, на личную собственность и т. д. Личная собственность граждан, которой в последние годы уделялось так мало внимания в нашей правовой литературе, ставится на подобающее ей в социалистическом обществе место. Мысли Маркса и Энгельса о том, что экспроприация экспроприаторов повлечет за собой «восстановление индивидуальной собственности, но на основе общественной собственности на землю и на произведенные самим трудом средства производства», нашла свое выражение в ст. 10 проекта новой Конституции, по которой «личная собственность граждан на их трудовые доходы и сбережения, на жилой дом и подсобное домашнее хозяйство, на предметы домашнего хозяйства и обихода, равно как на предметы личного потребления и удобства—охраняется законом».

Но личная собственность в нашем обществе — это собственность трудящихся. С ликвидацией эксплоататорских классов — основ-

ной, безраздельно господствующей фигурой в гражданском процессе по делам индивидуального сектора является трудящийся — рабочий, колхозник, служащий, кустарь, единоличник, нередко знатные люди нашей страны — ударники, отличники, стахановцы. Подход к ним может и должен быть только один — подход величайшего внимания, всемерного ограждения их законных прав, подход воздействия на них не только и не столько методом принуждения, сколько методом убеждения и воспитания.

В этой последней области — воздействия на психику трудящихся, их навыки и правосознание — перед судом по гражданским делам огромное поле деятельности. На гражданский суд не менее, чем на уголовный, падает великая задача преодоления пережитков капитализма в сознании людей и укрепления социалистического правосознания масс. Голым принуждением этой задачи не разрешишь. Здесь необходима огромная разъяснительная работа, работа убеждения, работа воспитания.

Однако рост значения гражданских дел индивидуального сектора, конечно, ни в какой мере не может умалять значения гражданских судебных дел обобществленного сектора. «Экономическую основу СССР составляет социалистическая система хозяйства и социалистическая собственность на орудия и средства производства»... (ст. 4 проекта Конституции). Материальное благосостояние, культура, быт, сама индивидуальная собственность трудящихся социалистического общества вырастает именно на этой основе. Защищать эту основу, ограждать социалистическую общественную собственность, содействовать установлению надлежащих хозяйственных связей в социалистическом секторе, укреплять хозрасчет и договорную дисциплину — величайшая задача гражданского суда, разрешаемая им наряду с судом уголовным и госарбитражем.

В настоящих условиях, когда организация планового социалистического хозяйства улучшается с каждым днем, когда связи его уточняются, налаживаются и укрепляются, а четкость работы непрерывно повышается, — задача эта естественно усложняется и становится более ответственной и трудной. Требования к суду повышаются. Рост качества его работы ни в коем случае не должен отставать от бурного роста и развития нашего хозяйства.

Огромное значение гражданских дел в работе суда непрерывно подчеркивается и все возрастающим удельным весом гражданских дел в общей сумме судебных дел. И абсолютный и относительный рост числа гражданских дел продолжается.

Что говорят на этот счет статистические данные?

По РСФСР, где судебная статистика налажена лучше, чем в других республиках, движение гражданских дел за последние годы таково (без автономных республик и областей): в 1931 г. в суды поступило 760 264 гражданских дела, в 1932 г. — 940 240 дел, в 1933 г. — 1 096 582 дела, в 1934 г. — 1 342 945 дел и в 1935 г. — 1 641 879 дел. Аналогичную картину роста мы имеем, как правило, и в других союзных республиках.

Чем объясняется этот рост? Основной причиной этого роста, несомненно, являются успехи нашего социалистического строительства и перестройка всей экономики и быта страны на новых социалистических началах, что нашло, в частности, свое выражение в бурном росте всего нашего народного хозяйства, развитии советской торговли, отмене карточной системы, распределения продуктов и промтоваров, укреплении рубля, подъеме материального благосостояния трудящихся, росте их общей культуры, укреплении нового социалистического правосознания, росте борьбы за социалистическое право. Некоторые товарищи при обсуждении этого вопроса недоумевали: «Как так? Социализм — и вдруг рост гражданских дел! Что за парадокс?» Никакого парадокса здесь нет. Ликвидация эксплоататорских классов, коллективизация крестьянского хозяйства, могучее развитие социалистической промышленности, перестройка всей экономики и быта на новых социалистических началах не могли не сопровождаться и действительно сопровождались обострением классовой борьбы на всех участках и во всех ее формах и, в частности, обострением борьбы с пережитками капитализма в экономике и в сознании самих трудящихся. Если открытые формы классовой борьбы, например, рабочего с хозяйчиком, сейчас в нашем гражданском суде — случаи очень редкие, то борьба с пережитками капитализма в экономике или сознании людей имеет место в подавляющем большинстве гражданских дел. Разве не развертывается эта борьба в тех случаях, когда мать ребенка должна по суду заставлять отца выполнять свои алиментные обязательства, — когда по трудовому делу незаконно уволенный трудящийся, борясь с бюрократическими извращениями в госаппарате, добивается своего восстановления, или наоборот госорган оспаривает незаконные, рваческие требования отдельного отсталого трудящегося, — когда по жилищному делу застройщик, частный домовладелец или основной съемщик показывают свои старые коготки, эксплоатируя своих жильцов, — когда по делу обобществленного сектора хозорган грубо нарушает договорную дисциплину, либо подсовывает своему контрагенту недоброкачественную продукцию и т. д. и т. п. Пережитки старого могут быть здесь у одной стороны, могут быть у другой, иногда у обеих вместе, но в подавляющем большинстве случаев пережитки эти налицо. Ясно, что в период развернутого социалистического наступления по всему фронту, в период коренной ломки общественных отношений и интенсификации, повышения темпов всей общественной жизни число гражданских споров, коллизий и столкновений, доводимых до суда, не может в течение некоторого времени не возрастать. Окрепнет еще более новый общественный строй, прочнее наладятся новые экономические и бытовые отношения, окрепнет новое социалистическое правосознание — начнется обратный процесс, поток гражданских дел при прочих равных условиях станет быстро сокращаться, как начал уже сокращаться поток уголовных дел. Это не парадокс, а живая диалектика процесса социалистического строительства.

Попытки объяснить рост числа гражданских дел развитием сутяжничества, ростом правонарушений, плохой работой самого суда и пр. явно несостоятельны. В общем потоке гражданских дел может, конечно, найти свое место

и струйка сутяжничества. Это сутяжничество, несомненно, поощряется плохой работой самого суда, когда, например, суд, как это еще недавно было по жилищным делам, превращался в своего рода лотерею, в которой никто не мог предугадать решения, либо когда волокита в суде явно поощряет недобросовестного ответчика тянуть: «когда, мол, еще присудят, а пока подождем». Но гражданский суд хотя работает еще плохо, но все же работает в последнее время лучше, чем раньше, а количество дел тем не менее растет. Откуда же мог взяться рост сутяжничества и гражданских правонарушений, да еще такой, чтобы объяснить огромный рост потока гражданских дел. С успехами социализма ни рост сутяжничества, ни тем более правонарушений — не вяжутся. И то и другое является пережитком капитализма. Неужели же эти пережитки растут? Очевидно, дело не в этом. Не находят себе подтверждения попытки таких объяснений и в изучении отдельных дел и их групп. Причины, как показано выше, гораздо серьезнее и глубже.

Было бы также неправильно преувеличивать действительное положение вещей и представлять себе его так, как будто небывалая волна гражданских дел захлестывает наши суды. Как ни велик рост числа гражданских дел в последние годы, все же еще заметно не достиг той цифры гражданских дел, которую мы имели несколько лет тому назад, перед коллективизацией сельского хозяйства и ликвидацией кулачества как класса. Достаточно вспомнить, что в 1928 г. в РСФСР в суды поступило 2 264 889 исковых гражданских дел и в 1929 г. 2 093 736 дел. этими делами суды так или иначе справлялись. Тем более должны, конечно, справляться сейчас.

Каковы цифры первых месяцев текущего года? По данным РСФСР за I квартал 1936 г. в нарсуды поступило 504 234 дела, что на 23% выше средней квартальной за 1936 г. и на 6—7% выше цифры последнего квартала 1935 г. Рост, несомненно, налицо. Но если обратиться к составу дел, то окажется, что основной рост дают дела алиментные и колхозные. Рост алиментных дел носит конъюнктурный характер и объясняется повторными исками о повышении размера алиментов. В связи с изданием закона 27 июня 1936 г. и пересмотром в соответствии с ним прежних решений по алиментным делам мы должны не дать нового скачка этих дел, но с окончанием пересмотра количество их должно резко снизиться. В отношении колхозов мы имеем рост более стойкого характера, но едва ли он будет продолжаться, по крайней мере в значительных размерах, так как в истекшем году, в связи с производившимися кампаниями, мы имеем своего рода разгрузку залежей колхозных претензий, накоплявшихся в течение долгого времени. С организационно-финансовым укреплением колхозов, усилением договорной дисциплины и улучшением внесудебных расчетов колхозов с их контрагентами можно ожидать, что, невзирая на рост участия колхозов в товарообороте страны, число судебных дел с их участием возрастать не будет, либо рост этот будет очень замедленный. В некоторых республиках и областях тенденция к стабилизации числа гражданских дел, повидимому, намечается уже довольно определенно. По крайней мере об этом уверенно сигнализирует Верхсуд БССР, который сообщает даже о некотором снижении числа дел в 1936 г. против 1935 г. О том же сообщили облсуды Харьковской, Киевской и Одесской областей на основании статистических данных за первые 5 месяцев 1936 г. К сообщениям этим нужно отнестись с осторожностью, так как в свежие статистические данные нередко приходится вносить потом значительные коррективы; но, возможно, мы действительно приближаемся к высшей точке волны, и скоро будем иметь стабилизацию потока гражданских дел, а затем и его снижение. Разумеется, изменение условий, непосредственно регулирующих работу суда, как, например, расширение подсудности гражданского суда или значительное снижение судебной пошлины могут дать новый приток дел, но эти моменты надо учитывать особо.

Что, однако, непрерывно возрастает и имеет несомненную тенденцию возрастать и дальше — это удельный вес гражданских дел в общей сумме дел, поступающих в суды. В РСФСР в 1935 г. гражданские дела в судах составляли 63,2% общего числа дел, в I же квартале 1936 г. этот процент поднялся до 69,3%, в УССР в I полугодии 1935 г. удельный вес гражданских дел составлял 64,7%, во II полугодии — 71,6%; в БССР в I полугодии 1935 г. — 46,8%, во II полугодии — 59,4% и т. д. С дальнейшим падением числа уголовных дел этот процент будет возрастать даже при стабилизации потока гражданских дел.

Как же суды справляются с этим потоком дел? Перестроились ли они в связи с ростом удельного веса гражданских дел и в особенности ростом их политического значения? Повысили ли до необходимого уровня качество своей работы по разрешению гражданских дел?

На все эти вопросы нужно ответить, что дело обстоит еще далеко не удовлетворительно.

Основной организационной перестройкой, которой потребовал Верхсуд Союза ССР на своем пятидесятом пленуме 27 марта 1935 г. для улучшения качества работы судов по гражданским делам, было восстановление гражданских коллегий в верховных судах союзных республик, главных, краевых и областных судах. Существовавшая в то время организационная структура, при которой кассационное и надзорное руководство гражданскими делами было распылено между несколькими коллегиями, в основном занятыми уголовными делами, вело на деле к обезличке гражданских дел, к их затиранию и к тому, что ими в действительности никто в серьез не занимался. К концу 1935 г. гражданские коллегии были повсеместно восстановлены и, несомненно, проделали уже большую работу. Но руководители ряда судов отнеслись к этой реорганизации довольно холодно, выделение гражданских коллегий изрядно затянули (в Саратовском облсуде, например, гражданская коллегия образовалась только с 1 января 1936 г.) и нигде, как правило, перестройки не довели до конца. Задача, поставленная Верхсудом СССР — создать гражданские коллегии настолько полнокровными, чтобы они не только рассматривали поступающие кассационные и надзорные дела, но и обобщали кассационную и надзорную практику, изучали отдельные категории дел, знали бы всех нарсудей и, вообще, были бы органами живого опера-

тивного руководства, инструктажа и надзора за всеми нижестоящими судебными органами по гражданским делам (нарсудами, судисполнителями, нотариатами)—далека еще от своего разрешения. Правда, сейчас, с образованием НКЮ Союза ССР и переходом к НКЮ Союза и союзных республик функций судебного управления и руководства, задача эта в отношении гражданских коллегий и верховных судов значительно сужается. В их компетенции останется только чисто судебная работа по рассмотрению кассационно-надзорных дел и изучение и обобщение судебной практики, выполнять же другие функции по обследованию судов, их инструктажу и пр. они будут постольку, поскольку это окажется необходимым (по поручениям НКЮ или по согласованию с ним). Но и выполнение этой суженной компетенции нынешним состоянием гражданских коллегий верхсудов союзных республик не обеспечено. Тем более это относится к гражданским коллегиям краевых и областных судов, в объеме работы которых больших изменений не намечается.

В большинстве судов гражданские коллегии не укомплектованы даже до их штатного состава, штаты же по общему правилу совершенно недостаточны. Недостаточность фактических составов особенно резко сказывается при недостаточной квалификации отдельных членов коллегии, что, к сожалению, имеет место очень нередко. Разве можно, например, назвать нормальным такое положение, когда в гражданской коллегии Верхсуда УССР имеется всего 3 члена; в гражданской коллегии Верхсуда БССР до последнего времени работали также только 3 члена, в гражданской коллегии Верхсуда АзССР — 2 члена, в гражданской коллегии Верхсуда ТуркССР и ТаджССР — по 1 члену, в гражданской коллегии Облсуда Западной области вместо 6 человек по штату — только 3 чел., в гражданской коллегии Саратовского облсуда — только 3 чел., в гражданской коллегии Киевского облсуда вместо 6 чел. по штату — только 3 чел., в гражданской коллегии Ивановского, Одесского и Донецкого облсудов — только 4 чел., в гражданской коллегии Черниговского и Винницкого облсудов — только 3 чел. и т. д. Члены гражданских коллегий при этом очень нередко отвлекаются на другие работы, например, на заседания уголовных коллегий. Между тем даже полный нынешний штат, как правило, надо увеличить вдвое.

В состоянии ли гражданские коллегии при таких условиях выполнить, как следует, возложенную на них задачу? Конечно, нет. В некоторых судах они не смогли даже сконцентрировать у себя рассмотрения всех гражданских кассационных дел и тем создать хотя бы внешние условия для обеспечения единства кассационной практики. В БССР, например, очень значительное число кассационных гражданских дел рассматривалось не гражданской коллегией, а выездными сессиями уголовных коллегий. Заниматься всерьез изучением и обобщением судебной практики гражданские коллегии из-за загрузки кассационными и надзорными делами не в состоянии. Нагрузка в 250 дел и больше в месяц на 1 члена—явление заурядное. Поставить при таких условиях на должную высоту кассационную работу — задача чрезвычайно трудная. Проработка кассопределений зачастую слаба. Определения об оставлении решений в силе часто мотивируются чисто формально — «за отсутствием оснований оставить в силе» и т. п. Кассационных производств не ведется, а часто в кассинстанции не оставляется даже копий определений.

Величайшим злом в работе кассинстанций продолжает оставаться перегрузка судебных заседаний. Нередки еще случаи, когда в заседание назначается до сотни дел. Лихорадочная спешка в таких случаях — явление совершенно неизбежное. Явка сторон поневоле рассматривается судом как досадная помеха, объяснения сторон неминуемо комкаются. В недавно поступившей в Верхсуд Союза ССР жалобе гр. Б. процедура рассмотрения дел в таких условиях изображается так: «Дело мое было назначено 36-м, а всего у них в тот день разбиралось 91 дело. Я хотел добавить и доказать обстоятельства дела, но мне даже не позволили раскрыть рта. Я только слышал, что «постановление Вичугского суда утвердить». Им некогда с нами заниматься; при такой нагрузке они спешат как пожарники — ликвидировать какой-либо пожар». (Дело разбиралось 15 июля этого года в Ивановском облсуде). Красочно и, увы, очень похоже на правду! Какой авторитет может иметь такое разбирательство в глазах трудящихся! Нужно к этому добавить, что в РСФСР, где день кассационного рассмотрения назначается нарсудом, дела получаются из нарсуда нередко накануне заседания, в день заседания и даже... после заседания (например, Московский областной суд). Но это значит, что дела идут нередко без подготовки, либо с самой поверхностной подготовкой, отнюдь не обеспечивающий правильного рассмотрения дела. Из опоздавших дел на наилучшем положении оказываются те, которые приходят уже после заседания, так как их волей неволей приходится переназначать, если только определения не отписываются задним числом. Суды немало жалуются на отсутствие в кассзаседаниях представителя прокуратуры; но какое заключение может дать последний, если даже сам докладчик иногда не имеет возможности ознакомиться с делом? Своевременное поступление дел надо обеспечить самым решительным образом. Сделать это вовсе уже не так трудно.

В других союзных республиках дела не запаздывают, ибо они назначаются к слушанию самой кассационной инстанцией уже по их поступлении из нарсуда. Но зато в этих республиках о дне заседания стороны, как правило, не извещаются вовсе. Нельзя же считать реальным извещением вывешивание в областном или верховном суде списка назначенных дел за 3—5 дней до заседания? Списки эти фактически доступны только ЧКЗ города, где находится суд. Для подавляющей массы тяжущихся — пустой звук. Нужно ли доказывать, насколько несозвучно нашему времени такое отношение к интересам сторон? Верховный суд Союза ССР на пятьдесят третьем пленуме 3 января этого года и затем письмом председателя Верхсуда, разосланным 10 марта этого года, предложил верхсудам союзных республик перейти к извещениям сторон повестками; но это предложение до сих пор не проведено в жизнь за исключением Днепропетровского областного суда, который, по заявлению его председателя т. Румянцева, стал рассылать повестки сторонам с 1 июля этого

года. При проведении порядка, принятого в РСФСР, где сторонам о дне слушания дел в кассинстанции объявляет нарсуд по графику, даваемому ему наперед облсудом, порядок этот требует от суда только разумного планирования работы кассколлегии и контроля за извещением сторон народными судами. Ни о каком серьезном обременении кассинстанции здесь говорить не приходится. К сожалению, и в РСФСР, где этот порядок применяется уже многие годы, контроль облсудов за действительным извещением сторон очень слаб.

Но как бы ни были еще велики недостатки в работе гражданских коллегий, их восстановление несомненно себя оправдало. Гражданские дела нашли себе хозяина на местах; качество рассмотрения кассационных жалоб значительно повысилось; руководство нарсудами улучшилось; стала улучшаться работа последних, и начинается уже как будто улучшение и работы судебных исполнителей.

Каков был основной недостаток в работе народных судов в последнее время? Несомненно так называемое «упрощенство». Нарсуды неплохо в общем разбирались в фактических обстоятельствах дела, но часто совершенно беспечно относились к основным процессуальным правилам. В погоне за сроками рассмотрения дел не проверяли вручения сторонам повесток, а иногда и не посылали их вовсе, не проверяли иногда существенных для дела заявлений той или другой стороны, грубо нарушали принцип равноправия сторон и т. д. Еще хуже обстояло с составлением протоколов и решений и, вообще, с оформлением дел. Плохо, наконец, обстояло с знанием материального закона, что нередко, даже при достаточно высоком общем и политическом развитии судьи, приводило к неправильным решениям.

Последний недостаток — слабое знание закона, конечно, устранимо всего труднее, так как требует значительного повышения правовой квалификации судей; что касается первого — упрощенства в производстве дел, то оно устранимо гораздо легче, хотя образовавшиеся здесь навыки проявляют немалую инерцию. Переломить эту инерцию и было первой задачей гражданских коллегий. На пятьдесят втором пленуме в октябре 1935 г. Верховный суд Союза ССР в своем постановлении «О строжайшем соблюдении процессуальных норм в гражданском процессе» особенно подчеркнул важность этой задачи и потребовал от гражданских коллегий решительной борьбы с упрощенством.

Можно ли в этой области отметить какой-либо сдвиг? Некоторое улучшение, хотя и совершенно недостаточное, несомненно есть. Вот цифры, характеризующие повышение требовательности кассинстанций по гражданским делам в РСФСР. В I полугодии 1935 г. было утверждено кассинстанциями 67,6% обжалованных решений, во II полугодии — только 58,2%. В других союзных республиках процент утвержденных решений еще меньше: в УССР в 1935 г. утверждено только 43% обжалованных решений, в Грузии — 52%, в Азербайджане — 43,4% и т. д. Повышение требований со стороны кассинстанций не могло не оказать своего влияния на народные суды. Все данные говорят за то, что последние стали подтягиваться. Очень показательны в этом отношении данные о том, как при этом изменился самый процент обжалованных решений. Вот данные по РСФСР за 4 квартала 1935 г. и I квартал 1936 г. В I квартале 1935 г. было обжаловано 14,1% всех решений нарсудов, во II квартале — 13,3%, в III квартале — 12,6%, в IV квартале — 11,6% и в I квартале 1936 г. — лишь 9,2%. Невозможно допустить, чтобы такое систематическое снижение было случайным. Очевидно, нарсуды стали работать лучше. Активность сторон за это время по обжалованию неправильных решений уменьшиться никак не могла.

Но наступившее улучшение, конечно, еще совершенно недостаточно. Упрощенство только начинает изживаться. Что оно крепко сидит в народном суде, это должен был совсем недавно признать не худший, а по ряду показателей один из лучших облсудов, именно Днепропетровский. Последний 25 июня этого года, при обследовании членом Верхсуда Союза ССР т. Солодиловым, должен был констатировать, что «в работе нарсудов все еще продолжает иметь место «упрощенство», т. е. невыполнение элементарных требований ГПК и ГК, как, например, рассмотрение дел без вручения повесток одной из сторон и слушание дел в ее отсутствие даже по такой категории дел, как дела об установлении отцовства (нарсуд I участка г. Днепропетровска и др.). Не лишена «упрощенства», как показано выше, и работа самих гражданских коллегий.

С сроками рассмотрения дел обстоит несколько лучше, хотя и далеко еще не хорошо. Нередки еще случаи прямой волокиты в назначении и слушании дел, но едва ли не главным ее источником является именно «упрощенство», которое вследствие грубых нарушений со стороны нарсуда процессуальных и материальных законов, очень плохого составления протоколов судебных заседаний и слабой обоснованности решений, ведет нередко к многократным пересмотрам решений, в особенности в порядке надзора. Применение последнего надо решительно сократить. Нередки еще в судах и случаи грубого бюрократизма, недача ответов на письменные запросы иногородних сторон, невысылка им копий решений, грубое или формальное отношение к живому человеку. Помощь и контроль общественности использовываются недостаточно. Немалой помехой к упорядочению работы нарсудов является иногда и безобразное состояние архивов со многими тысячами неприведенных в порядок дел (Донецкая область).

Изжить все эти недостатки можно только путем систематических и упорных усилий всех судебных работников. Основное звено, за которое здесь надо сейчас ухватиться, это, помимо подготовки и переподготовки работников суда, укрепление гражданских коллегий. Необходимо поставить их работу теперь же на должную высоту. Необходимо укомплектовать их качественно и количественно до надлежащего состава. Продолжается сокращение числа уголовных дел, улучшение материального положения судей, в особенности то внимание, которое уделяется сейчас суду партией и правительством, и то высокое положение, которое отводится суду проектом Сталинской Конституции, дают все основания думать, что эта задача в ближайшее время будет успешно разрешена.

Другим и еще более слабым участком судебной работы по гражданским делам является исполнение судебных решений. 22 апреля этого

года Комиссия советского контроля при СНК Союза ССР констатировала крайне запущенное состояние этого участка работы, систематическую волокиту, залежи неисполненных дел, запущенность учета, неоформление надлежащим образом денежных документов и т. д.

Такое положение Комиссия советского контроля совершенно правильно отнесла прежде всего к отсутствию контроля за деятельностью судебных исполнителей со стороны судебных органов. Та работа, которая проводится сейчас на местах по установлению этого контроля во исполнение постановления Комиссии советского контроля и циркулярных писем Верховного суда Союза ССР от 8 и 22 мая 1936 г. за №№ 23 и 28, показала, какие возможности имеются у областных судов и народных судей по упорядочению этого дела, в особенности при привлечении общественности и в первую очередь по проверке исполнения решений третьими лицами, путем производства удержаний из зарплаты и других платежей, следуемых должникам. Необходимо только, чтобы проводимая сейчас на местах работа по проверке состава судебных исполнителей, их подготовке и переподготовке, улучшению их материально-технического обслуживания, упорядочению их делопроизводства, установлению постоянного контроля и инструктажа со стороны народных судей и т. д. не превратилась в очередную кампанию, а явилась бы лишь началом постоянной, систематической работы судов по упорядочению дела исполнения судебных решений.

То исключительно высокое положение, которое отводится суду проектом новой Сталинской Конституции, обязывает его быть одним из самых передовых участков советской работы. Вновь образованный высоко-авторитетный центральный орган судебного управления и руководства — Наркомюст Союза ССР и дружная работа всех работников юстиции должны уже в ближайшее время поставить работу суда, в том числе по гражданским делам, на новую, небывалую высоту. Той же задаче должно послужить предстоящее издание новых соответствующих эпохе материальных и процессуальных кодексов Союза ССР, единых для всего Союза ССР. Советский социалистический суд должен быть достоин своей великой страны.

С.

55-й пленум Верховного суда Союза

С 23 по 29 июля состоялся 55 пленум Верховного суда Союза. Одним из центральных вопросов на пленуме явился доклад председателя Верхсуда Союза т. Винокурова «проект Конституции Союза и судебные органы».

В своей резолюции по докладу т. Винокурова пленум отмечает огромное политическое значение Сталинского проекта Конституции, отразившего те гигантские сдвиги, которые произошли в нашей стране в период с 1924 г. и, завершившись победой социализма на всех фронтах, в корне изменили народное хозяйство и классовую структуру в нашей стране, ее политическое положение и ее культуру. Все эти экономические и классовые изменения в нашей стране отразились в проекте Конституции в дальнейшем расширении советского демократизма и, в частности, в дальнейшей демократизации судебной системы, нашедшей свое выражение в избираемости народных судей на основе всеобщего, прямого и равного избирательного права при тайном голосовании, независимости судей при решении судебных дел и в подчинении судей только закону.

Приветствуя образование Наркомюста Союза как органа руководства судебной системой всего СССР, пленум в своей резолюции призывает судебные органы перестроить свою работу в новых условиях и обеспечить выполнение задач, вытекающих для судебных органов из проекта Конституции, поднявшего роль и авторитет судов на небывалую высоту: уделить особое внимание охране Социалистического государства рабочих и крестьян, борьбе с изменой родине, охране социалистической собственности, борьбе с нарушением конституции, законов, государственной и трудовой дисциплины, правил социалистического общежития, а также охране интересов и прав граждан.

Вместе с тем пленум высказал ряд пожеланий в области организационной перестройки и оперативной работы судебной системы, вытекающих из проекта Конституции и организации Наркомюста Союза.

В числе задач, вытекающих для судебных органов из проекта Конституции, важнейшее значение имеет борьба с бюрократизмом и волокитой.

На том же пленуме был заслушан доклад уголовно-судебной коллегии (т. Антонова-Саратовского) о проверке исполнения постановления 53 пленума Верхсуда Союза ССР о борьбе с бюрократизмом и волокитой в судебных органах.

Пленум констатировал, что судебные органы провели ряд мероприятий общего и организационно-технического характера, направленных против разнообразных проявлений бюрократизма и волокиты, правильно связав эти мероприятия с борьбой за повышение качества работы и улучшение карательной политики судебных органов. Помимо издания ряда циркуляров и директив на места, руководящие судебные органы практиковали созыв оперативных кустовых совещаний, на которых ставились вопросы устранения бюрократизма и волокиты, обследования судов, ставились доклады отдельных судов на заседаниях президиумов вышестоящих судов и т. д. В качестве особенно ценного мероприятия, проведенного рядом судов, следует указать на развертывание соцсоревнования между судами и на вовлечение в работу судебного актива.

В результате этих мероприятий суды улучшили свою работу: в большинстве судов установлен и проводится контроль за своевременным исполнением директив партии и правительства и постановлений вышестоящих судебных органов; в ряде судов повысились темпы рассмотрения жалоб и дел, улучшена организация приема посетителей, оживилась работа подготовительных заседаний, как средства

борьбы против необоснованного привлечения к уголовной ответственности, уделяется больше внимания своевременному обращению к исполнению приговоров и т. д.

Наряду с этими достижениями пленум, однако, вынужден был признать, что на участке борьбы с бюрократизмом и волокитой дело обстоит еще далеко не благополучно.

Вся работа, которая проводится в этом направлении, носит на себе следы «кампанейщины» и не сделалась повседневной органической работой судебной системы. Ряд руководящих судебных органов к работе по борьбе с бюрократизмом сами подошли бюрократически, сведя эту работу только к «спуску» циркуляров на места. Отдельные суды приняли ряд практически невыполнимых постановлений, рассчитанных на внешний эффект и являющихся проявлением того же бюрократизма. Верховный суд БССР, например, и Черниговский облсуд установили прием посетителей председателями в течение всего рабочего дня; в некоторых судах Татарской АССР в целях «быстроты» рассмотрения посевных дел стали практиковать процессы-«молнии» с грубейшими нарушениями требований процесса и т. д.

Наряду с этим имели еще место во многих судах и волокита в рассмотрении дел, и недостаточно культурное обращение с посетителями, небрежность и запущенность делопроизводства, отсутствие плановости в работе судов и т. д.

Пленум обязал судебные органы активно и систематически продолжать борьбу с бюрократизмом и волокитой, обратив особое внимание на неуклонное выполнение постановления III пленума Комиссии советского контроля по рассмотрению жалоб, на правильную постановку контроля исполнения, на широкое развертывание соцсоревнования и на всяческую популяризацию судебных работников, показавших лучшие образцы судебной работы.

Недочеты в работе судебной системы в значительной степени определяются отсутствием достаточного числа квалифицированных судебных работников. В связи с этим приобретает большое значение вопрос о подготовке и переподготовке судебных кадров. Этому вопросу был посвящен информационный доклад т. Бранденбургского об итогах подготовки и переподготовки правовых кадров за 1935/36 г.

Контрольные цифры приема в правовые институты и факультеты на 1935 г. не выполнены ни в одной союзной республике (вместо 2630 принято 1817). Сравнительно удовлетворительное выполнение плана подготовки и переподготовки через годичные школы, шестимесячные и трехмесячные курсы (4843 из 5020 по плану) имело место за счет перевыполнения плана по РСФСР при недовыполнении по остальным союзным республикам.

Наряду с этим установленные наркомюстами на 1936 г. контрольные цифры не обеспечивают необходимых в настоящее время темпов повышения юридической квалификации работников юстиции.

Из других недочетов в этой области пленум отметил неудовлетворительный в ряде случаев подбор слушателей, среди которых наблюдается значительная пестрота с точки зрения их общей и политической грамотности, а также недостаток квалифицированных преподавательских кадров, учебных пособий, учебно-методических кабинетов, особенно в средне-азиатских и закавказских республиках.

Пленум постановил представить на разрешение Наркомюста Союза ССР ряд мероприятий, направленных к улучшению подготовки и переподготовки правовых кадров. Из этих мероприятий следует отметить: восстановление в системе госуниверситетов юридических факультетов и превращение краткосрочных курсов и правовых школ исключительно в средства переподготовки практических работников юстиции; повышение внимания к подбору слушателей и степени их подготовленности; значительное повышение плана подготовки и переподготовки на 1937 г. с утверждением этого плана правительством Союза; командирование в средне-азиатские, закавказские и автономные республики бригад московских профессоров для прочтения цикла лекций руководящим судебным работникам и нарсудьям и др.

Следует также отметить заслушанный на пленуме доклад гражданско-судебной коллегии (т. Рейхель) о состоянии работы судов по гражданским делам.

Пленум констатировал некоторое улучшение в работе судов по гражданским делам за последний год: восстановленные гражданские коллегии краевых, областных и верховных судов начали проводить борьбу с упрощенством, за повышение качества судебной работы и работы по исполнению приговоров.

Однако эти улучшения совершенно недостаточны: гражданские коллегии недостаточно укомплектованы; качество решений нарсудов улучшилось крайне незначительно, о чем говорит большой процент отмененных и измененных решений высшими судебными инстанциями (41,8% по РСФСР, 57% по УССР и т. д.); далеко не изжито пренебрежение в судах к требованиям гражданского процесса (вручению повесток, подготовке дел и т. д.); волокита в значительной степени процветает в работе судов, неудовлетворительно оформление дел.

Пленум постановил обратиться к Наркомюсту Союза с просьбой провести ряд мероприятий, обеспечивающих улучшение работы судов по гражданским делам: ускорить подготовку и составление гражданского и гражданско-процессуального кодексов, принять меры к укомплектованию гражданских коллегий, обеспечить своевременную отсылку нарсудами кассдел, обеспечить извещение сторон о слушании дел в кассационных инстанциях, поставить перед Наркоматом связи вопрос об упорядочении дела вручения судебных повесток и пр.

Из других вопросов, рассмотренных на пленуме, необходимо указать на два разъяснения, принятые пленумом по инициативе Прокуратуры Союза ССР.

Одно из этих разъяснений касается вопроса о том, влечет ли условно-досрочное освобождение от лишения свободы также досрочное снятие поражения в правах. Пленум разъяснил, что условно-досрочное освобождение от лишения свободы не влечет автоматически досрочного снятия поражения в правах и что, в случае возникновения вопроса о необходимости снятия или сокращения срока поражения в правах, этот вопрос подлежит самостоятельному разрешению судом вне зависимости от вопроса об условно-досрочном освобождении.

Второе разъяснение касается вопроса о праве кассинстанции на непосредственную отмену

амнистии, неправильно примененной судом I инстанции. Пленум разъяснил, что в этих случаях кассинстанция не может самостоятельно отменить амнистию, неправильно примененную судом I инстанции и должна передать дело на новое рассмотрение для определения судом I инстанции меры наказания без применения амнистии. Лишь в тех случаях, когда кассинстанция признает окончательную меру наказания, назначенную судом с применением амнистии, достаточной для осужденного и без применения амнистии, кассинстанция вправе, не передавая дела на новое рассмотрение, исключить из приговора применение амнистии и заменить первоначальную меру наказания мерой, назначенной в окончательном выводе приговора.

Я. БРАНДЕНБУРГСКИЙ

Новое в семейном праве[1]

Понять, как следует постановление ЦИК и СНК Союза ССР от 27 июня 1936 г., регулирующее по-новому некоторые вопросы семейно-брачного права, можно только, сопоставив его с действующим Кодексом законов о семье и браке, восстановив в памяти историю развития нашего семейно-брачного права и, главное, отдав себе ясный отчет в том, чему нас учил по вопросам семьи и брака Владимир Ильич Ленин.

Всем известно, что Владимир Ильич неоднократно писал и говорил о раскрепощении трудящейся женщины — работницы и крестьянки, и, если вдуматься в его высказывания по этому вопросу, то станет совершенно ясным, что мы во всей нашей законодательной работе в области семейно-брачных отношений выполняли и выполняем завет Владимира Ильича, как и во всех других областях строительства социалистического общества.

Владимир Ильич считал бесправие или неполноправие женщины возмутительным пережитком крепостничества и средневековья. Когда Владимир Ильич находился еще в ссылке, когда группа «Освобождение труда» составляла первый набросок программы партии, Владимир Ильич писал статью «Проект программы нашей партии» и в этой статье указывал на то, что к пункту проекта программы, где речь шла о требовании пересмотра всего тогдашнего гражданского и уголовного законодательства, следовало прибавить требование «установления полного равенства прав женщины и мужчины».

А спустя почти 40 лет после того, как Лениным была написана эта статья, мы читаем уже в проекте новой Сталинской Конституции (ст. 122) о том, что «женщине в Союзе предоставляются равные права с мужчиной во всех областях хозяйственной, государственной, культурной и общественно-политической жизни».

Владимир Ильич обращал всегда наше внимание на то, что недостаточно декларировать право. Надо создать материальные условия для того, чтобы можно было этим правом пользоваться. Эту мысль Владимир Ильич повторял по разным поводам, когда он говорил о свободе печати, о свободе слова и пр. и пр. Он всегда указывал на то, что мало предоставить рабочим свободу печати, надо предоставить им также материальные средства, необходимые для того, чтобы можно было реализовать это право. Когда он говорил о свободе слова, он обращал внимание на то, что надо предоставить рабочим помещения, в которых они могли бы свое слово сказать.

То же он говорил и по отношению к полноправию женщин.

В проекте Конституции первая часть ст. 122 говорит о праве, а вторая часть посвящена средствам, необходимым для реализации этого права; она гласит: «возможность осуществления этих прав женщин обеспечивается предоставлением женщине равного с мужчиной права на труд, оплату труда, отдых, социальное страхование и образование, государственной охраной интересов матери и ребенка, предоставлением женщине при беременности отпусков с сохранением содержания, широкой сетью родильных домов, детских яслей и садов».

Таковы две исторические даты, отстоящие друг от друга на 40 лет. Одна историческая дата, когда Владимир Ильич Ленин, обдумывая в ссылке программу нашей партии, писал о необходимости установления полного равенства прав мужчины и женщины, и вторая историческая дата — опубликование проекта Сталинской Конституции. Между этими двумя историческими датами и лежит наше законодательное творчество по вопросам семьи и брака, развивавшееся по линии, указанной Владимиром Ильичом.

В 1916—17 г., когда Владимир Ильич уже предвидел приближение социалистической революции, он не один раз обращал внимание на втягивание трудящихся женщин в общественную работу и в управление государством.

19 ноября 1918 года на первом Всероссийском съезде работниц Владимир Ильич указывал на то, что ни в одном капиталистическом государстве, даже в самой свободной республике, нет полного равенства женщины с мужчиной и что «задача Советской республики, в первую очередь, уничтожить все ограничения прав женщин. Источник буржуазной грязи, подавленности, приниженности — бракоразводный процесс Советская власть уничтожила полностью». Владимир Ильич прибавляет (это было в 1918 г.): «Скоро год, как существует совершенно свободное законодательство о разводе».

Стало быть, одна из основных идей Владимира Ильича в области семейно-брачного права — это безусловное право свободного развода.

Если посмотреть первые законодательные акты советской власти, то окажется, что уже 19 и 20 декабря 1917 г., т. е. спустя 2 месяца после того, как большевики взяли власть, было издано два основных декрета по семейно-брачным вопросам. 19 декабря 1917 г. был из-

---

[1] Настоящая статья представляет собой переработанную автором лекцию, прочитанную во Всесоюзной правовой академии.

дан декрет «О расторжении брака». 20 декабря 1917 г. был издан декрет «О гражданском браке, о детях и о ведении книг актов состояния». В этих первых декретах советской власти, а также в декрете «Об отделении церкви от государства» были уже поставлены основные принципиальнейшие вопросы нашего семейно-брачного права, и сразу же эти вопросы были до конца по-революционному разрешены.

Вплоть до Великой Октябрьской пролетарской революции (Февральская революция и временное правительство ничего не изменили в этом отношении) единственно законным браком в нашей стране был брак религиозный. Он один порождал юридические последствия, и, наоборот, гражданский брак считался частным делом брачущихся, а не законным браком, и никаких юридических последствий не создавал.

Декрет советской власти «Об отделении церкви от государства» радикально перевернул всю эту установку и поставил вопрос, что называется, на ноги. Уже религиозный брак превратился в частное дело брачущихся, и только брак гражданский, т. е. брак, зарегистрированный в соответствующих органах советской власти, в противоположность браку религиозному, стал единственной формой законного брака.

Декрет «О расторжении брака», изданный 19 декабря 1917 г., в первом параграфе гласит следующее: «Брак расторгается вследствие просьбы о том обоих супругов или хотя бы одного из них». Вот то положение, которое советская власть выдвинула в противоположность бракоразводному процессу буржуазных стран, где для развода требуется доказательство вины одной из сторон и где вследствие этого именно и порождается та грязь, подавленность и приниженность, о которых говорил Владимир Ильич. Этот декрет 19 декабря 1917 г. положил конец сложному бракоразводному процессу старого русского дореволюционного права.

Второй декрет — «О гражданском браке» — в своей вводной части провозглашает, что «Российская республика впредь признает лишь гражданский брак». И эта статья снабжена примечанием, в котором записано: «церковный брак, наряду с обязательным браком, является частным делом брачущихся».

В этом же декрете ст. 10 в буквальном смысле слова произвела переворот. Она установила, в противоположность законодательству почти всех капиталистических стран, что «дети внебрачные уравниваются с брачными относительно прав и обязанностей как родителей к детям, так и детей к родителям».

В буржуазных законодательствах, даже в настоящее время, родство в своей основе имеет только законный брак. Это значит, что в буржуазном праве признаются братьями и сестрами только те лица, родители коих состоят в законном браке. Отсюда получилось и понятие «внебрачные дети», т. е. дети, рожденные вне законного брака. И эти дети не признаются буржуазным законом. Отсюда и полнейшее неравенство в правах между брачными и внебрачными детьми, которое мы уничтожили сразу же 20 декабря 1917 г.

В основе родства у нас лежит не брак, а действительное кровное происхождение.

Вот эта идея о фактическом происхождении, как об единственной основе родства, и выражена в ст. 10 декрета о гражданском браке.

Наше законодательство первых месяцев пролетарской революции по вопросам семьи и брака дало основание Владимиру Ильичу в июне 1919 г. в брошюре «Великий почин» писать: «Ни одна демократическая партия в мире, ни в одной из наиболее передовых буржуазных республик за десятки лет не сделала в этом отношении и сотой доли того, что мы сделали за первый же год нашей власти. Мы не оставили, в подлинном смысле слова, камня на камне из тех подлых законов о неравноправии женщины, о стеснениях развода, о гнусных формальностях, его обставляющих, о непризнании внебрачных детей, о розыске их отцов и т. п.».

Интересно отметить, что в Французской республике по знаменитому Кодексу Наполеона до последних лет запрещено было добиваться установления отцовства в судебном порядке. Ст. 342 Кодекса Наполеона буквально гласила, что поиски отца воспрещаются, т. е. воспрещалось обращение в суд с иском об установлении отцовства.

В этой же брошюре «Великий почин» Владимир Ильич пишет: «Мы имеем тысячу раз право гордиться тем, что мы сделали в этой области, но чем **чище** (это слово подчеркнуто в тексте Владимиром Ильичом. — Я. Б.) очистили мы почву от хлама старых буржуазных законов и учреждений, тем яснее стало для нас, что это только очистка земли для постройки, но еще не самая постройка».

Наше дальнейшее законодательство в этой области заключается в том, что 22 декабря 1918 г. мы приняли «Кодекс законов об актах гражданского состояния», 2 октября 1920 г. и 21 сентября 1921 г. мы издали 2 существенных дополнения к этому кодексу, в 1925 и 1926 гг. было принято несколько декретов, а затем с 1 января 1927 г. в РСФСР действует «Кодекс законов о браке, семье и опеке», принятый осенью 1926 г. Этим новым Кодексом мы сделали еще крупный шаг вперед по пути выполнения одного из заветов Владимира Ильича.

На IV общегородской московской беспартийной конференции женщин 23 сентября 1919 г. Владимир Ильич говорил: «Советской властью, как властью трудящихся, в первые же месяцы ее существования был произведен в законодательстве, касающемся женщины, самый решительный переворот. Из тех законов, которые ставили женщину в положение подчиненное, в Советской республике не осталось камня на камне... Советская власть более всех других демократических передовых стран осуществила демократию тем, что в своих законах не оставила ни малейшего намека на неравноправие женщины». Необходимо обратить внимание на мысль т. Ленина о том, что советская власть осуществила демократию тем, что она от этих законов не оставила камня на камне; иными словами раскрепощение женщины Владимир Ильич рассматривал, как одно из основных проявлений подлинной демократии. Нет демократии, если нет раскрепощения женщины. «Положение женщины в Советской России, продолжает Владимир Ильич, теперь таково, что оно является идеальным с точки зрения самых передовых государств. Но мы говорим себе, что, конечно, это только начало... Для полного освобождения женщины и для

действительного равенства ее с мужчиной нужно, чтобы было общественное хозяйство и было участие женщины в общем производительном труде. Тогда женщина будет занимать такое же положение, как и мужчина». Товарищ Сталин много позже и по другому поводу высказал ту же мысль, когда говорил, что перед трудоднями равны мужчины и женщины.

«Мы создаем, говорит Владимир Ильич, образцовые учреждения, столовые, ясли, которые освободили бы женщину от домашнего хозяйства... Нужно сказать, что сейчас в России таких учреждений, которые бы помогали женщине выбраться из этого состояния домашней рабыни, очень мало».

Это было в 1919 году. В настоящее время этих учреждений значительно больше. По новому же закону их станет еще больше, и это именно и есть создание той материальной базы, которая обеспечивает фактическое равенство, а не только равенство по закону. В ноябре 1919 г. Владимир Ильич пишет статью «Советская власть и положение женщины». Мы в ней читаем: «На деле женской половине человеческого рода ни одна хотя бы самая передовая буржуазная республика не дала ни полного равенства с мужчиной по закону, ни свободы от опеки и от угнетения мужчины... За два года советская власть в одной из самых отсталых стран Европы сделала для освобождения женщины, для равенства ее с «сильным» полом столько, сколько за 130 лет (т. е. со времени Французской буржуазной революции. — Я. Б.) не сделали все вместе передовые просвещенные «демократические» республики всего мира».

В марте 1920 года к Международному дню работниц Владимир Ильич пишет: «Говорят, уровень культуры всего более характеризуется юридическим положением женщины. В этом изречении есть зерно глубокой истины. С этой точки зрения только диктатура пролетариата, только социалистическое государство могло осуществить и осуществило высший культурный уровень». Нет и не может быть высокого культурного уровня без равноправия женщины.

Итак, без равноправия женщины нет демократии и нет высокой культуры.

Через год, в марте 1921 г., тоже к Международному дню работниц, Владимир Ильич, возвращаясь к той же теме, пишет: «Большевистская советская революция подрезывает корни угнетения и неравенства женщин так глубоко, как не дерзала подрезать их ни одна партия и ни одна революция в мире. Особенно гнусное, подлое, лицемерное неравенство в брачном и семейном праве, неравенство в отношении к ребенку уничтожено советской властью полностью. Это — первый только шаг к освобождению женщины. Но ни одна из буржуазных, хотя бы и наиболее демократических республик в мире не осмелилась сделать и этого первого шага. Не осмелилась из страха перед священной частной собственностью».

В марте 1922 г. Владимир Ильич в статье «О значении воинствующего материализма», опять касаясь вопросов семьи и брака, пишет: «Самое небольшое знакомство с законодательством буржуазных стран о браке, разводе и внебрачных детях, а равно с фактическим положением дела в этом отношении покажет любому интересующемуся вопросом человеку, что современная буржуазная демократия даже во всех наиболее демократических буржуазных республиках проявляет себя в указанном отношении именно крепостнически по отношению к женщине, по отношению к внебрачным детям... Большевистская революция является единственной последовательно-демократической революцией в отношении к таким вопросам, как брак, развод и положение внебрачных детей».

Мы уже указали выше, что в деле раскрепощения женщины под руководством партии, под руководством товарища Сталина завет Ленина нами строго выполняется. Что представляет собой «Кодекс законов о браке, семье и опеке», принятый осенью 1926 г., как не претворение в жизнь высказываний Владимира Ильича по этим вопросам? Этот кодекс был издан для урегулирования правовых отношений, вытекающих из брака и семьи на основе нового революционного быта. Поэтому проект этого кодекса в свое время так же, как и проект нового закона, изданного 27 июня 1936 г. и внесшего в Кодекс много существенных изменений, был передан на широкое обсуждение трудящихся масс. Передача на обсуждение широких трудящихся масс законов, задевающих буквально интересы всех и каждого, есть проявление самой подлинной демократии, и при издании Кодекса 1926 г. учтены были очень многие существенные указания, сделанные при обсуждении проекта. Больше того, даже на самой сессии ВЦИК, когда проект обсуждался, уже после того, как он подвергся дискуссии на широких собраниях трудящихся масс города и деревни, некоторыми членами сессии было внесено предложение о сохранении обязательности регистрации брака, тогда как кодекс 1926 года только тот маленький шаг вперед и сделал, что, установив в ст. 1 значение регистрации брака, признал в то же время, что даже незарегистрированный брак должен порождать определенные юридические последствия. По кодексу 1926 г. регистрация брака желательна, но не обязательна. Регистрация брака, во-первых, установлена в интересах государственных и общественных; она установлена, во-вторых, для облегчения охраны личных и имущественных прав и интересов супругов и детей. Значение регистрации брака огромно, ибо она является бесспорным доказательством наличия брачных отношений. Совершенно очевидно, что и с точки зрения государства и общества и с точки зрения интересов отдельных лиц регистрация брака безусловно желательна. Однако, если есть налицо факт брачного сожительства, если живут вместе, если ведут общее хозяйство и выявляют свои супружеские отношения перед обществом, но брак по тем или иным причинам не регистрируется в органах Загса, нельзя из-за несоблюдения формальности регистрации считать такой брак не влекущим никаких юридических последствий. Юридические последствия не могут быть результатом оформления брака; они результат фактически существующего брака, и поэтому, как бы желательна ни была регистрация брака, фактические брачные отношения, хотя и не зарегистрированные, безусловно должны влечь за собой определенные юридические последствия. Кодекс 1926 г. установил, что брак действителен и порождает юридические последствия, даже если он не зарегистрирован, ибо юридические последствия брака вытекают не из формального акта его

регистрации, а из материального содержания фактических брачных отношений. Вот что нового сказал кодекс РСФСР, действующий с 1 января 1927 г.

Тов. Калинин в заключительной речи на сессии ВЦИК, которая утвердила этот кодекс, сказал: «Новый закон не является всецело новым, отрицающим наше старое законодательство. Он делает только незначительный шаг вперед». В чем же этот шаг вперед заключался? Этот шаг вперед заключался именно в том, что защита определенных материальных прав, вытекающих из фактических брачных отношений, обеспечена за ними, хотя бы они в соответствующем Загсе и не были зарегистрированы.

Но что такое фактические брачные отношения? Кодекс 1926 г. выдвигает несколько признаков, по которым можно определить эти отношения (ст. 12): факт совместного сожительства, наличие при этом общего хозяйства и выявление своих супружеских отношений перед третьими лицами, в личной переписке и других документах, а также взаимная материальная поддержка, совместное воспитание детей и пр.

Какие же юридические последствия имеет фактический брак? Нельзя утверждать, что кодекс формально приравнивает фактический брак во всем к зарегистрированному браку. Действующий кодекс допускает, что в определенных случаях, хотя брак и не зарегистрирован, он создает известные юридические последствия, поскольку речь идет о защите прав более слабой стороны. На защите более слабых субъектов прав семьи и брака Кодекс и сосредоточивает основное свое внимание. Ст. 10 кодекса устанавливает, что имущество, нажитое супругами во время брака, считается общим имуществом супругов, и что размер принадлежащей каждому супругу доли в случае спора определяется судом. Статья 11 того же кодекса это правило распространяет целиком и полностью также на имущество лиц, фактически состоящих в брачных отношениях, хотя бы и не зарегистрированных.

Ст. 14 устанавливает право нетрудоспособного супруга на получение содержания от другого супруга не только во время брака, но и в течение некоторого времени по прекращении брака, не превышающего, однако, года. Ст. 16 кодекса право на получение содержания как во время брака, так и по прекращении брака, предоставляет также лицам, фактически состоящим в брачных отношениях, хотя и не зарегистрированных. Дальше, согласно разъяснения Верхсуда РСФСР фактическая жена имеет право на наследование имущества того лица, с коим она находилась в фактических брачных отношениях.

Кодекс 1926 г., как и все наше законодательство о браке и семье, основной своей задачей имеет укрепление и развитие советской семьи. И новый закон, проект коего совеем недавно обсуждался трудящимися массами нашей страны, всем своим острием направлен именно против легкомысленного отношения к семье и семейным обязанностям, которое явно несовместимо с советской демократией и с советскими нравами.

9 июня 1936 г. «Правда» в передовой статье «Отец» совершенно правильно писала, что «легкомысленное отношение к браку и семье плохо рекомендует отца и как гражданина... Буржуазное отношение к семье нетерпимо».

Ликвидация всякой эксплоатации в нашей стране, ликвидация неравноправия женщины с мужчиной поставили у нас все развитие семьи на новые рельсы.

Еще Маркс писал, что «крупная промышленность, благодаря значительной роли, предоставляемой ею женщинам, подросткам и детям обоего пола в общественно организованных процессах производства вне домашнего обихода, создает новую экономическую основу для высшей формы семьи и отношения между собой обоих полов (Капитал т. I). Эта высшая форма семьи и отношение между полами вырастает не сразу, как не сразу исчезает домашнее хозяйство.

У нас в Советском союзе, где Великая пролетарская социалистическая революция положила начало полному раскрепощению женщины и создала женщине полное равноправие не только во всех областях политической и общественной жизни, но и в семейном быту, формируется и укрепляется новая семейная мораль. Правильно указывали «Известия» 26 июня 1936 г., что забота о детях, желание их иметь и воспитать становится одной из руководящих идей на новом этапе развития социализма.

Новый закон от 27 июня 1936 г. охватывает три важнейших вопроса: 1) запрещение абортов, 2) расширение государственной помощи матерям и детям; 3) увеличение ответственности родителей за воспитание детей (алименты, развод). Совокупность этих мероприятий направлена к дальнейшему укреплению семьи. Уже кодекс 1926 года в значительно более острой форме, чем предыдущее законодательство, ставит вопрос об обязательности для отца участия во всех расходах, связанных с беременностью, родами, рождением и содержанием ребенка, а равно и матери ребенка в течение ее беременности и 6-месячного срока после родов. Устанавливая для родителей обязанность заботиться о несовершеннолетних детях, кодекс, во-первых, не делает различия между родителями (отец и мать в одинаковой степени несут обязанности), а во-вторых, не ставит этого ни в малейшей степени в зависимость от того, состояли ли родители в зарегистрированном или в незарегистрированном браке, или даже ребенок родился вне брака — от случайной связи.

В случае злостного уклонения от платежа алиментов, присужденных судом, в РСФСР до сих пор карали принудительными работами до 6-месяцев или штрафом до 300 руб. Эта репрессия, как показала практика, к сожалению, оказалась явно недостаточной, и новый закон поступает совершенно правильно, повышая уголовную репрессию до 2 лет тюремного заключения с отнесением расходов по розыску уклоняющегося от платежа алиментов за его счет. Новый закон устанавливает также, что при присуждении алиментов надо взыскивать твердую часть зарплаты ответчика: одну четверть на содержание одного ребенка, одну треть на содержание двух детей и 50% на содержание троих детей и больше.

Установлением твердой части зарплаты ответчика законодатель несомненно добьется, с одной стороны, лучшего, чем до сих пор обеспечения ребенка, а с другой стороны, будет

способствовать выработке более сознательного отношения к своим семейным обязанностям.

В связи с этим приходится напомнить, что у нас неблагополучно обстоит дело с теми мероприятиями, которые должны обеспечить реальное взыскание алиментов. Еще в 1928 г. ВЦИК постановлением от 4 июля требовал, чтобы алиментщик сообщал о перемене местожительства и места работы как лицу, в чью пользу присуждены алименты, так и учреждению, производящему взыскания (судисполнителю). В постановлении ВЦИК даже сказано, что «нарушение настоящей обязанности влечет уголовную ответственность». А уголовные кодексы до сих пор обходили молчанием этот вопрос, хотя он имеет не меньшее практическое значение, чем вопрос об уголовной ответственности за неплатеж присужденных судом алиментов.

Перехожу к вопросу о разводе.

По действующему у нас законодательству брак может быть прекращен как по обоюдному согласию супругов, так и по одностороннему желанию кого-либо из них, что резко расходится с бракоразводным правом во всех буржуазных странах.

В буржуазном праве нет свободы развода; брак расторгается только тогда, когда налицо имеются исключительные обстоятельства, предусматриваемые законом, как измена (адъюльтер), тяжкое оскорбление и т. д. Чем больше страна находится под властью религии, тем случаи, предусмотренные в законе как поводы к разводу, более ограничены. Меньше всего случаев, допускающих развод, в таких странах, как Италия, Испания, но и в других странах, как, например, во Франции закон фиксирует ограниченный перечень поводов к разводу. Чтобы можно было развестись с женой, необходимо доказать в судебном порядке ее вину, и притом вину, предусмотренную законом. Вот это именно и дало основание Владимиру Ильичу говорить о бракоразводном процессе, как об источнике буржуазной грязи, потому что, для того чтобы добиться развода, на супруга, с которым желают развестись, выливается масса грязи, выдвигается масса всевозможных улик, причем все это происходит публично, все это смакуется буржуазной уличной прессой. Вот почему Владимир Ильич с ужасом говорил о стеснениях развода в буржуазном праве и «о гнусных формальностях, его обставляющих». Вся обстановка развода в буржуазных странах унижает и оскорбляет достоинство человека.

Свобода развода у нас была провозглашена 19 декабря 1917 г., и этот принцип остается в силе до сих пор. Для того чтобы бороться больше, чем до сих пор, с легкомысленным отношением, которое временами у нас проявляется, к семье и к семейным обязанностям, новый закон требует, во-первых, личного вызова в Загс обоих разводящихся супругов; во-вторых, отметки в паспорте разводящихся о разводе и, в-третьих, повышает оплату регистрации развода до 50 руб. для первого развода, до 150 руб. для второго развода и до 300 руб. для третьего и последующих разводов.

Личный вызов в Загс обоих разводящихся супругов, конечно, не означает обязательной явки, а, стало быть, обязательного присутствия обоих супругов. Вызванный в Загс супруг может не являться, если не считает нужным. Нужно, чтоб он знал о заявлении, поданном другим супругом о разводе. Неправильно думать, что развод отныне будет производиться обязательно только в присутствии обоих супругов. Закон ничего подобного не требует, и нецелесообразно было бы такое новшество вводить.

Совокупность этих трех мероприятий будет удерживать тех, которые слишком легкомысленно скачут от одного брака к другому. Неловко будет предъявлять паспорт, в котором указано, скажем, 5 разводов в течение 2 лет.

До сих пор у нас имели место такие случаи, когда мы, не предупредив другого супруга, заходили в Загс и разводились с ним. А между тем действующий кодекс требует, чтобы при разводе тут же в Загсе договорились о судьбе детей, составили соглашение, кто и в какой мере будет нести издержки по содержанию детей и т. д. Копия соглашения между супругами выдается им на руки, и при неисполнении изложенных в соглашении обязательств заинтересованные лица могут обратиться в нотариальную контору для получения исполнительной надписи, и эта надпись заменяет судебное решение. Совершенно ясно, для чего новый закон ввел требование личного вызова разводящихся супругов. Личный вызов разводящихся, повышение оплаты регистрации развода и пометка о том в паспорте будут сдерживающе влиять на тех, кто легкомысленно скачет от одного брака к другому. «Правда» писала 28 мая: «Нет нужды скрывать, что и в городе и в деревне есть еще люди как среди мужчин, так и среди женщин, относящиеся легкомысленно, наплевательски к семье, к детям. Брак и развод — это, конечно, личное дело. Но государство никогда не может позволить издеваться над женщиной или бросить на произвол судьбы своих детей. В среде советской молодежи не может пользоваться уважением разгульный рубаха-парень, женящийся по пять раз в год. Также не может пользоваться уважением девушка, порхающая с легкостью мотылька от одного замужества к другому. Только общественного презрения заслуживают такие мужчины и женщины. Брак — дело серьезное, ответственное, и легкомысленно относиться к нему нельзя». Центральный орган нашей партии заканчивает эту передовую следующими словами: «Мы должны беречь свою семью, растить и воспитывать здоровых советских богатырей».

Под этим именно углом зрения мы должны рассматривать новый закон и в части, касающейся запрещения абортов.

Прежде чем говорить об этом, надо напомнить, что советским законодательством уже до сих пор сделано немало для материальной помощи матери и ребенку, а новый закон в этом отношении идет еще дальше.

До сих пор женщины-служащие пользовались меньшим декретным отпуском, чем женщины-работницы, до родов и после родов. Новый закон уравнивает в этом отношении, предоставляя и тем и другим 56 дней отпуска до родов и 56 дней после родов. Далее, закон установил ряд дополнительных льгот матерям, увеличив пособие по социальному страхованию для рожениц и ее детей и введя значительные денежные пособия для многодетных матерей.

Необходимо дальше отметить, что беременная женщина, имеющая по действующему зако-

нодательству право на перевод ее на более легкую работу, по новому закону сохраняет при этом за собой прежнюю зарплату из расчета последних 6 месяцев работы. Закон установил также уголовное наказание как за отказ в приеме на работу женщин по мотивам беременности, так и за снижение ей зарплаты по тем же мотивам. Закон резко увеличил число родильных коек, детских ясель и детских садов, поставил вопрос о подготовке десятков тысяч акушерок и медсестер, отпустил большие суммы на строительство родильных домов, яслей и детских садов. На 1935 г. было ассигновано на эти цели 875 млн. руб. На 1936 г. ассигновано 1 481,3 млн. руб.—уже значительно больше, а новый закон к этому дополнительно еще прибавляет 692,8 млн. руб. Больше того, согласно новому закону к 1 января 1939 г. надо охватить на 100% родильными койками всех рожениц в городах, промышленных и районных центрах и значительно увеличить стационарную родильную помощь в сельских местностях. В целях обеспечения рожениц, не обеспеченных помощью родильных домов, должно быть развернуто громадное количество новых акушерских пунктов. К 1 же января 1939 г. сеть ясельных коек должна быть удвоена, а сеть детских садов в течение ближайших 3 лет утроена. Этот колоссальнейший размах позволяет нам сейчас сказать, что завет Владимира Ильича о создании материальных условий, без которых не может быть речи о фактическом полноправии женщины, советской властью выполняется. В настоящее время советская женщина может уже быть совершенно спокойна за своего будущего ребенка. Она знает, что ей помогут его воспитать, что ей помогут его вырастить.

Принимая все эти мероприятия, законодатель запрещает аборты. Этот вопрос должен быть увязан со всем нашим законодательством о семейно-брачном праве, его нельзя рассматривать изолированно. Несколько лет назад, 18 ноября 1920 г., советская власть разрешила производство абортов, пока, как писали тогда Наркомздрав и НКЮ «моральные пережитки прошлого и тяжелые экономические условия настоящего еще вынуждают часть женщин решаться на эту операцию». При капиталистическом способе производства законы, ограничивающие аборты, являются «одним лицемерием господствующих классов» (Ленин). Почему? Потому, что там это делается только для того, чтобы получить потребную для капиталистической эксплоатации рабочую силу. В 1920 г. у нас, в отсталой стране, измученной мировой войной, интервенцией, гражданской войной, обстановка не позволяла поставить во всю ширь проблемы семьи, детей, воспитания здорового потомства.

В настоящее время мы ликвидировали тяжелое наследство прошлого. Создан новый тип общества—социализм, и решительно повышен жизненный материальный и духовный уровень миллионных масс города и деревни. Чем законодатель сам мотивирует запрещение абортов? Законодатель ставит запрещение абортов как в больницах и специальных лечебных заведениях, так и на дому у врачей и на частных квартирах беременных — в связи с установленной вредностью абортов. Что аборт — опасная операция, нередко тяжело отражающаяся на здоровьи женщины, было известно и раньше, и когда советская власть в 1920 г. декларировала право женщины на аборт, это было не право в собственном смысле слова; речь скорее шла о временной допустимости аборта. Владимир Ильич в статье, написанной в 1913 г. «Рабочий класс и неомальтузианство» (т. XVI, стр. 497—499) разоблачает это реакционное учение, направленное к искусственному сокращению деторождаемости. Ленин писал: «Мелкий буржуа видит и чувствует, что он гибнет, что жизнь становится все труднее, борьба за существование все беспощаднее, положение его и его семьи все более безвыходное. Факт бесспорный. И мелкий буржуа протестует против него, но **как протестует?** (Подчеркнуто Владимиром Ильичом. — Я. Б.). Он протестует как представитель класса, безнадежно гибнущего, отчаявшегося в своем будущем, забитого и трусливого. Ничего не поделаешь, хоть детей бы поменьше было, страдающих от нашей муки и каторги, от нашей нищеты и наших унижений, — вот крик мелкого буржуа. Сознательный рабочий бесконечно далек от этой точки зрения... Рабочий класс не гибнет, а растет, крепнет, мужает, сплачивается, просвещается и закаляется в борьбе... Мы уже закладываем фундамент нового здания, и наши дети достроят его. Вот почему — и только поэтому, мы — безусловные враги неомальтузианства, этого течения для мещанской парочки, заскорузлой и себялюбивой, которая бормочет испуганно: «самим бы, дай бог, продержаться как-нибудь, а детей уж лучше не надо».

И Владимир Ильич заканчивает эту интереснейшую статью таким образом: «Сознательные рабочие всегда будут вести самую беспощадную борьбу против попыток навязать это реакционное и трусливое учение самому передовому, самому сильному, наиболее готовому на великие преобразования классу современного общества».

Если в капиталистических странах аборты запрещены, то это — сплошное лицемерие, потому что там царит нищета и голод, там женщина — рабыня мужчины; вот почему там запрещение абортов—возмутительное издевательство над женщиной.

В нашей стране, где «перед трудоднями равны мужчины и женщины» (Сталин), в нашей стране сталинской заботы о человеке вообще, о женщине — в частности, где господствует полное равенство женщины и мужчины и неизменно растет культура и материальное благополучие всего народа, наступил момент серьезно поставить вопрос о реальной борьбе с абортами, даже путем запретительных мер. Новый закон, запрещая аборты, допускает их производство исключительно в тех случаях, когда продолжение беременности представляет угрозу жизни или грозит тяжелым ущербом здоровью беременной женщины, а равно при наличии передающихся по наследству тяжелых заболеваний родителей (этот второй случай допустимости аборта не был предусмотрен проектом, а введен в закон по многочисленным предложениям, внесенным во время обсуждения законопроекта на широких собраниях трудящихся), и то только в обстановке больниц и родильных домов. Какие же запретительные меры ввел закон? Уголовные репрессии направлены прежде всего против врача, который производит незаконный аборт, т. е. производит аборт вне больницы или в больнице, но с нарушением указанных только что

условий, его карают тюремным заключением до 2 лет, а если аборт произведен в антисанитарной обстановке, наказание для врача установлено не ниже 3 лет тюремного заключения. Репрессии направлены, затем, против тех, кто занимается производством абортов, не имея специального медицинского образования; мера репрессии для этих лиц тоже не ниже 3 лет тюрьмы. Уголовная репрессия направлена также против всякого, кто понуждает женщину к производству аборта, — до 2 лет тюремного заключения. Что же касается самих женщин, которые производят аборт в нарушение указанного запрещения, для них, естественно, уголовное наказание значительно мягче—общественное порицание, а при повторном нарушении закона о запрещении абортов штраф до 300 руб. К ним законодатель подошел, как к людям, которые прежде всего сами себя подвергают серьезнейшему риску. Итак, уголовному наказанию закон подвергает не столько женщину, прибегающую к аборту, сколько тех, кто его производит или кто к нему понуждает.

Во время обсуждения проекта ныне уже действующего закона было видно, что страна приняла его принципиальную установку и основные положения с громадным удовлетворением. Больше того, он вызвал в широких массах населения приподнято-радостное настроение. Почему? Потому, что главное—люди. Они, люди—самые ценные из всех капиталов, и этой сталинской мыслью пронизан весь новый закон. У нас, в условиях социализма, где отсутствует эксплоатация человека человеком и где женщины равноправные члены общества, а прогрессирующее повышение материального благосостояния трудящихся является законом общественного развития, все изменения, которые новый закон вносит в действующее законодательство о семье и браке, являются принципиально правильными, полностью вытекающими из нашего марксистско-ленинского мировоззрения, и соответствуют тем задачам, которые стоят перед нами по созданию коммунистического общества. Запрещая аборты, законопроект одновременно увеличивает помощь со стороны государства роженицам и многосемейным матерям, значительно расширяет сеть родильных домов, детских садов и детских яслей (кстати сказать, у нас уже в этом году в детских яслях и детских садах находится 13 миллионов ребятишек), усиливает уголовное наказание за уклонение от платежа алиментов и вносит некоторые изменения в законодательство о разводах.

Все эти мероприятия надо рассматривать в совокупности. Закон представляет собой не просто сумму отдельных мероприятий; все эти мероприятия неразрывно и тесно друг с другом связаны, образуя единый комплекс. Необходимое материальное обеспечение женщин и их детей, государственная помощь многосемейным, максимальное развитие сети родильных домов, детских яслей, детских садов, законодательное установление твердой доли зарплаты ответчика на содержание ребенка при раздельном жительстве супругов, с одной стороны, и запрещение абортов — с другой стороны, вместе с усилением наказания за неплатеж присужденных судом алиментов и внесением некоторых изменений в законодательство о разводах для усиления борьбы с легкомысленным отношением к семье и семейным обязанностям, — таковы пути, на которые советская власть правильно и своевременно стала для разрешения этого исключительно большого вопроса, затрагивающего интересы буквально всего населения.

Вот почему новый закон, всей совокупностью своих мероприятий направленный к укреплению советской семьи, встречен населением с исключительным энтузиазмом.

Чтобы проверить правильность и своевременность всех намеченных серьезных мероприятий, правительство передало в свое время проект нового закона на обсуждение широких трудящихся масс, что возможно только у нас, в стране подлинной демократии, где правительство живет теми же интересами, что и весь народ, и где передача на обсуждение широких масс важнейших законопроектов является одним из лучших методов вовлечения масс в управление государством.

Трудящиеся встретили в 1926 г. проект нового Кодекса законов о браке и семье с большим удовлетворением, как проект кодекса, направленного к урегулированию, на основе нового революционного быта, правовых отношений, вытекающих из брака, и к обеспечению интересов матери и ребенка. Проект нового закона сделал крупнейший шаг вперед в этом именно направлении и, естественно, вызвал со стороны советского населения еще больше энтузиазма.

Все мысли нового закона, уже при обсуждении его проекта, как совершенно правильные и своевременные, были полностью одобрены трудящимся населением нашей великой социалистической родины.

С. ПРИГОВ

В защиту стахановцев

Развивая, обогащая и осуществляя учение Маркса и Ленина, великий вождь народов товарищ Сталин в исторической своей речи на первом всесоюзном совещании стахановцев с гениальным проникновением вскрыл смысл и значение стахановского движения.

Охватывая многие и многие тысячи рабочих и колхозов, стахановское движение обеспечивает невиданный и непрерывно нарастающий рост производительности труда и тот обильный поток материальных благ, который необходим для «перехода от социализма к коммунизму и уничтожению противоположности между умственным трудом и трудом физическим» (Сталин, Речь на первом всесоюзном совещании стахановцев).

Развернутое во всю ширь и мощь стахановское движение требует устранения и преодоления малейших препятствий, встречающихся на его пути, вызывает необходимость в огромной массово-воспитательной и разъяснительной работе, в целом ряде новых организационных мероприятий, в самом суровом подавлении тех остатков разбитого на-голову классового врага, подрывная деятельность которого в замаскированной обычно форме направлена на срыв,

противодействие и создание искусственных затруднений в работе стахановцев, на попытке дискредитировать как самое движение, так и отдельных стахановцев.

Практика прокуратуры Саратовского края по делам о противодействии стахановскому движению со всей убедительностью показывает, что рупором и агентурой классового врага в этих случаях являются в подавляющем большинстве разложившиеся и деклассированные элементы, лодыри, прогульщики, хулиганы, пьяницы и бракоделы. Ярким примером такого рода попыток подорвать стахановское движение является приводимое ниже дело отъявленного лодыря и бракодела Дараева, у которого проявления враждебности к колхозному строю сочетаются с ненавистью к стахановцам и сопровождаются антисемитскими выпадами.

Рабочие Ворошиловской МТС Саратовской пригородной зоны включились в стахановское движение с самого начала зимнего ремонта тракторного парка.

Лучшие образцы стахановской работы давали: слесарь МТС Дизендорф, вырабатывающий дневную норму до 300% на ремонте поршневой группы, корбюраторов и отстойников; бригада Карпова, выполняющая на ремонте сельхозмашин 160% дневной нормы выработки; слесарь Семенов, вырабатывающий на ремонте тракторов 148%; кузнец Спрыгин, выполняющий норму на 138%; токарь Васильев — на 120%.

Бракодел и лодырь Дараев, работавший на наплавке подшипников баббитом, испортил 23 пары вкладышей, задержав за это время выпуск из ремонта 4 моторов. Кроме того, Дараев испортил 12 кг баббита, доведя брак до 75%.

Враждебные высказывания Дараева против колхозного строя получают должный отпор со стороны всей массы рабочих; с момента же появления в МТС стахановцев бракодел Дараев обнаруживает непримиримую ненависть к стахановскому движению и всеми способами пытается травить Дизендорфа и других стахановцев, создавая невыносимую атмосферу в работе, избирая поводом для травли и издевательства главным образом, высокие заработки стахановцев и сопровождая эту травлю стахановцев рядом антисемитских выпадов, направленных против директора машинно-тракторной мастерской.

Аналогичные мотивы преступления обнаруживаются и по делу Хапугина.

Хапугин, который характеризуется как рвач, лодырь и бракодел, работая на Вольском экстрактном заводе «Пионер», систематически издевался над стахановцами, по национальности татарами, допуская в отношении их шовинистические выпады.

На профсобрании, где стахановка Абдряшитова заявила о хищении бумаги Хапугиным, он угрожал ей, а в последующем, издеваясь над стахановскими методами работы Абдряшитовой, называл ее «татарской образиной».

Издеваясь над стахановцем татарином Митяевым, Хапугин со злобой заявляет: «Понаехали сюда черти татары, ударниками заделались».

К этой же категории относится и дело Бабашкиной (совхоз № 53, Алгайского района), которая с самого начала возникновения стахановского движения в совхозе враждебно относилась к стахановцам, в особенности нападая на работниц-татарок, которых она уговаривала «не лезть в стахановки», и, наконец, после шовинистической травли избила стахановку татарку Утееву.

Бабашкина характеризуется в производственной деятельности с самой плохой стороны; в частности, например, Бабашкина, вопреки категорическому запрещению ветеринарного врача, выпустила на мороз телят из жарко натопленного помещения, в результате чего 12 телят пало.

В приведенных примерах, когда бракоделы и лодыри, идя по пути шовинистических выпадов, переходят к травле стахановцев, мотивы преступления далеко выходят за пределы отсталости, малосознательности, непонимания сущности и значения стахановского движения; в тех случаях, если перед нами не открытый классовый враг, то, во всяком случае, его агентура, его прихвостни, о необходимости беспощадной борьбы с которыми говорил Ленин, указывая, что «величайшая в истории человечества смена труда подневольного трудом на себя не может произойти без трений, конфликтов, без насилия по отношению к закоренелым тунеядцам и их прихвостням» (Ленин, «Как организовать соревнование»)...

Роль органов прокуратуры в борьбе с агентурой классового врага с его прихвостнями, с деклассированными элементами, пытающимися в ряде случаев сорвать и ослабить стахановское движение, приобретает исключительно серьезное значение, так как именно на органы прокуратуры «в новых условиях ложатся в громадной степени задачи беспощадной борьбы против остатков враждебных классовых элементов, борьбы против пережитков капитализма в сознании людей, против разрушителей собственности и их сообщников, против всех остатков буржуазной контрреволюции внутри страны, всех явных и тайных врагов народа» (**А. Вышинский,** «Советский суд и советская демократия», «Большевик» № 10, 1936 г.).

Выступления против стахановского движения и против стахановцев со стороны классово враждебных элементов, хулиганов и лодырей принимают иногда форму издевательств и даже нападений на стахановцев, что является выражением ненависти осколков разбитого классового врага, деклассированных и социально-разложившихся элементов к передовым людям, создающим новую общественную ткань социалистического государства.

В травле, направленной против стахановки комсомолки Морозовой, работающей в Хвалынском совхозе № 41, со стороны Михайловой, муж которой осужден к 10 годам лишения свободы, — обнаруживаются характерные черты исключительно настойчивых, систематических, непрерывных преследований на работе и вне работы, по любому поводу и без всякого повода, буквально на каждом шагу, преследований, создавших невыносимую обстановку работы и быта у стахановки комсомолки Морозовой.

Встречаясь с Морозовой на работе, Михайлова начинала рабочий день заявлениями и рассуждениями о том, что Морозова стала стахановкой исключительно из жадности и корыстных побуждений. Эти заявления имели место на каждом шагу и в быту. Но, наряду с этим, имели место и более острые выпады: так, на-

пример, во время фотографирования Морозовой, как стахановки, Михайлова кричала: «Вот пришли с Морозовой шкуру снимать», сопровождая эти выкрики нецензурной бранью по адресу Морозовой.

Доведенная травлей и издевательствами Михайловой до тяжелого состояния, Морозова обратилась в завком с заявлением, чтобы ее исключили из списков ударников. Только после этого заявления Морозовой было возбуждено уголовное преследование против Михайловой, закончившееся ее осуждением.

Открытое противодействие стахановскому движению со стороны разнузданных хулиганских элементов проявилось в преступлении, совершенном Ворониной.

В газете Савельевских сланцевых рудников «За темпы» была опубликована заметка об избиении бригадиром эстокады шахты № 2 Ворониной лучшей откатчицы Китаевой.

Расследование установило, что бригадир эстокады шахты № 2 Воронина открыто саботировала стахановское движение и глушила инициативу лучших откатчиц.

Эта инициатива откатчиц находила, в частности, свое выражение в том, что при остановке механизма церриконника (механическая разгрузка сланца) лучшие откатчицы производили разгрузку ручной свалкой, не допуская задержки в подаче вагонов в забой шахты: отсутствие порожняка создавало завал забоев добытым сланцем, что отражалось на производительности забойщиков-стахановцев.

Воронина избила канатом, а затем кулаками лучшую откатчицу Китаеву за то, что последняя, проявив инициативу, лично производила разгрузку вагонов на свал, чтобы не допустить задержки порожняка.

Несмотря на требования откатчиц о бригадном и индивидуальном соревновании и о заключении соцдоговоров, Воронина постоянно противодействовала организации соревнования.

Мотористка смены Морозова комсомолка Абрамова, видя открытый саботаж стахановского движения со стороны бригадира Ворониной, разоблачила ее через местную газету. В эти же дни у опрокида-церриконника оторвалась плита, и качать сланец было некуда, так как вся эстокада была забита гружеными сланцем вагонами.

Забойщики требовали порожняка для вывоза на поверхность добытого сланца, чему воспрепятствовала Воронина, в результате чего вагоны простояли значительное время под выгрузкой.

Абрамова предлагала Ворониной сваливать сланец при выгрузке на свал, но ее предложение было встречено упорным сопротивлением со стороны бригадира Ворониной, которая заявила: «Ты комсомолка, больше всех тебе нужно», ругая при этом Абрамову нецензурными словами.

Когда эстокада была полна гружеными вагонами, Воронина также не разрешала производить ручную свалку.

Лучшую откатчицу Китаеву Воронина посылала для работы на церриконник, где было особенно холодно и, при требовании остальных откатчиц о подмене стахановок в связи с холодом, всегда отказывала в этом.

Несмотря на неоднократные требования стахановок, Воронина не принимала мер к проверке люков и механизмов, которые благодаря этому часто останавливались.

Когда после предания Ворониной суду вместо нее бригадиром стала бывшая откатчица Глухова, вся бригада стала стахановской; было организовано соцсоревнование, увеличилась производительность труда, прекратились простои порожняка.

Приводим ряд случаев нападения на стахановцев со стороны хулиганов и деклассированных элементов, причем, как правило, эти случаи связаны с попыткой облечь преступление в формы, замаскированные пьянством, что, как показывает практика, является не чем иным, как традиционным кулацким приемом.

Практика Прокуратуры Саратовского края знает несколько таких случаев.

1 января 1936 г. на заводе комбайнов был сильно избит стахановец кузнечно-прессовочного цеха Ушенин, накануне избиения премированный администрацией за высокие показатели работы.

В избиении принимали участие деклассированные хулиганы Рассудов, Мичурин, Чекизов и Макаров, ранее неоднократно выступавшие против стахановского движения.

Перед избиением стахановца Ушенина хулиганы требовали от него, чтобы Ушенин отдал им деньги, полученные при выдаче премии, а когда Ушенин отказался отдать премию, то Мичурин пытался зарезать его ножом.

В другом случае группа колхозников колхоза «Красный партизан», Чапаевского района, организовала вечеринку. Среди участников вечеринки были стахановцы, члены сельсовета Куприянов, Кулагин и Коваленко; на вечеринку явились также Тураев, Девятаев и Сычев, наиболее недисциплинированные члены колхоза, прогульщики и хулиганы.

Тураев имел ряд взысканий за нарушение колхозной дисциплины.

Девятаев был осужден по ст. 162 УК и наказание отбыл.

Сычев привлекался к уголовной ответственности за разложение колхоза.

После того как большинство участников вечеринки разошлись и осталась небольшая группа колхозников, среди которых были стахановцы Куприянов, Коваленко и Кулагин, явились ранее ушедшие Тураев, Девятаев и Сычев, набросились на стахановцев, стали избивать их, заявляя при этом: «Мы вам, стахановцам волганы посшибаем».

Однотипность действительных мотивов избиений стахановцев хулиганами и деклассированными элементами, маскировавшимися «состоянием опьянения», обнаруживаются и в ряде других случаев.

Например, лучший стахановец колхоза «Красный Октябрь», Ершовского района, Гилис был премирован овцой.

В тот же день вечером стахановец Гилис идя в клуб на вечер, был встречен пьяницей лодырем и хулиганом Вилитусом, который нанес Гилису удар кулаком по лицу. На вопрос Гилиса — «за что бьеш», Вилитус ответил: «За то, что тебе дали овцу».

В момент нанесения побоев Вилитус был пьян.

Лучший стахановец колхоза «Комсомол» Беликов был отправлен в широко-карамышский райком ВКП(б) для вручения коллективного письма, подписанного всеми колхозниками.

По возвращении домой Беликов был встречен известным в селе хулиганом Сотниковым, который, будучи пьяным, напал на Беликова и

стал избивать его, приговаривая: «Вот тебе, стахановец. Так, как ты работаешь, еще никто не работает».

Распознавание замаскированных форм классовой борьбы требует не только высокой классовой бдительности, но и такой степени всех видов вооруженности следственных органов, которая обращается в «искусство раскрытия преступлений». Между тем, недостаточность необходимой подготовки следственных органов по важнейшей категории дел, связанных с противодействием стахановскому движению, обнаруживается в отдельных очень серьезных случаях, о которых, например, свидетельствует находящееся в расследовании и до сих пор не раскрытое преступление, характеризующее явное вредительство, обращенное против стахановцев, электрика завода «Большевик» Задворнова.

Путем рационализации Задворнов добился перевыполнения своей программы на 255%.

Чтобы снизить показатели работы Задворнова и сорвать его работу, необнаруженные до сих пор вредители неоднократно портили обмотку мотора, у которого он работал.

Вначале оказалась изрезанной обмотка мотора в 100 лошадиных сил, у которого работал Задворнов, а вслед за этим оказалась изрезанной обмотка другого мотора в 400 лошадиных сил, у которого стал работать Задворнов.

Враги и срывщики стахановского движения пользуются в подрывной своей деятельности самыми разнообразными способами для создания искусственных препятствий и затруднений в работе стахановцев, не останавливаясь перед похищением инструментов у стахановцев, стремясь всяческими способами искусственно снизить показатели работы, снизить заработки стахановцев, а в ряде случаев организуя провокацию хищений, направленную на дискредитацию стахановца. В частности, провокация хищения была создана на Первой государственной швейной фабрике в отношении стахановки Полесовщиковой; похищение инструментов и провокация хищения имели место также в случаях травли стахановок Шаменковой и Купряхиной.

Шаменкова, стахановка, свинарка свиносовхоза «Пограничный», Колышлейского р-на, была премирована 10 раз: 6 раз — совхозом, 2 раза — районными организациями, 2 раза — краевыми организациями. Шаменкова, включившись в стахановское движение, добилась высоких показателей в своей работе: средний выход поросят на одну свиноматку в бригаде Шаменковой равен 8,8 штук.

Когда администрацией совхоза бригадиром был назначен Лукьянов, ранее уволенный из колхоза за прогулы и хищения, то он немедленно стал создавать всевозможные искусственные препятствия в работе Шаменковой, всячески травил ее; в частности, Лукьянов неоднократно похищал у Шаменковой необходимые инструменты, вилы, не давал ей горячей воды для кормления свиней, оказывал противодействие при отборе хряков, и, наконец, спровоцировал хищение муки, обвиняя в этом хищении Шаменкову.

В свиноводческих совхозах Саратовского края попытки дискредитации стахановцев, выразившиеся в лишении свиней необходимого корма, имели место в нескольких случаях; наиболее ярким примером, характеризующим такого рода попытки создать затруднения в работе стахановцев и дискредитировать их, является дело о преследовании стахановки Плешаковой.

В свиносовхозе Александровском № 39 с 1931 года в течение 5 лет работала свинарка Плешакова, бывшая батрачка.

За время работы в свиносовхозе Плешакова весьма добросовестно относилась к своим обязанностям свинаря, добилась высоких показателей по откорму свиней в своем свинарнике, ликвидировала полностью падеж поросят и с большой любовью относилась к свиноводческому делу; за выдающуюся работу Плешакова была премирована деньгами.

О выдающихся показателях ударной работы Плешаковой политотдельская газета совхоза «Голос свинаря» в юбилейном номере 7 ноября 1935 г. поместила статью.

Бригадир совхоза Махтов, работающий в совхозе с 1933 г., дважды судившийся в производственно-товарищеском суде за безобразное отношение к работе, всячески старался сорвать работу Плешаковой, снизить показатели ее работы, подорвать авторитет Плешаковой, как лучшей ударницы.

Махтов систематически не давал Плешаковой корма для поросят — каши, молока, картофеля.

На заявление Плешаковой о том, что она будет жаловаться дирекции совхоза на недостачу кормов, Махтов стал ей угрожать: «Если скажешь, смотри, хуже будет».

Махтов загнал в свинарник Плешаковой истощенного поросенка из другого свинарника, чтобы опорочить Плешакову и показать, что у нее есть истощенные поросята.

Махтов загнал в свинарник Плешаковой свиноматку из чужого свинарника. Эта свиноматка покалечила поросенка из бригады Плешаковой, и поросенка пришлось прирезать.

Когда Плешакова в течение 5 дней болела, Махтов перед уходом ее на лечение называл Плешакову симулянткой, угрожал ей снятием с работы; во время ее отсутствия ежедневно недодавал корма на свинарник Плешаковой, чтобы довести ее поросят до истощения.

После того как против Махтова было возбуждено уголовное преследование, он скрылся.

Среди дел о противодействии стахановскому движению исключительно важное по своему значению место занимают дела, возникшие в отношении административно-технического персонала предприятий.

Практика Прокуратуры Саратовского края дает несколько примеров противодействия стахановскому движению со стороны административно-технического персонала предприятий.

Заведующий Больше-Озерской МТМ Соловьев создавал, например, совершенно нетерпимые условия для работы стахановцев, в особенности стремясь всяческими путями к снижению заработков стахановцев.

На протесты стахановцев Соловьев заявлял: «Я вам все равно не дам выработать 250%, я так сделаю, чтобы вы больше 100% не вырабатывали».

Мастер-нормировщик совхоза «Тема», Ртищевского района, Александров систематически снижал расценки стахановцам, перерабатывающим нормы и перевыполняющим план, стремясь подогнать ставки стахановцев к заработку средних рабочих.

На протесты стахановцев Александров отвечал грубостью.

Снижение расценок Александров проводил, несмотря на прямое запрещение со стороны директора мастерской.

По сообщению прокурора Аткарского района, им выявлены факты противодействия стахановскому движению на заводе «Ударник».

Мастер токарного цеха завода Митряков систематически противодействовал стахановскому движению, главным образом не допуская, чтобы кто-либо из рабочих зарабатывал больше мастера.

В токарном цехе у Митрякова не было никаких официально установленных расценок, которые он определял произвольно.

Фрезеровщик токарного цеха Мещеряков, освоив стахановские методы труда, вместо ранее вырабатываемых 8—9 деталей, стал вырабатывать 12—16 деталей.

Когда об этом узнал мастер Митряков, он стал требовать от Мещерякова, чтобы тот об этом не говорил и прекратил выработку такого большого количества деталей.

Несмотря на это, Мещеряков продолжал вырабатывать 16 деталей. Тогда Митряков заявил ему: «Посмотрим, как ты будешь вырабатывать 16 деталей», и, отправившись к машинисту Мякинину, предупредил его, чтобы он давал нагрузку электроэнергии к станкам Мещерякова ниже, чем она подавалась до сих пор.

Мещеряков стал получать на свои станки уменьшенную электроэнергию, в результате чего станки стали давать меньше оборотов, и производительность работы Мещерякова была снижена.

Рабочему-токарю Прикладову Митряков снижал заработную плату, не принимая у него работы сдельно, а оплачивая повременно, в то время как Прикладов, освоив стахановские методы труда, добился быстрой обработки деталей при сдельной оплате труда, и его заработная плата значительно увеличилась.

Митряков умышленно не загружал отдельных рабочих работой, создавая искусственно простои в работе.

Во всех приведенных выше трех случаях противодействие шло, главным образом, по линии снижения заработка стахановцев.

Исключительно важное значение, придаваемое партией и правительством роли советской интеллигенции в социалистическом строительстве, отражено как в указаниях, данных на совещании стахановцев товарищем Сталиным, поставившим задачу подъема культурно-технического уровня рабочих до уровня работников инженерно-технического труда, так и в проекте исторической Сталинской Конституции, отводящем советской интеллигенции равноправное значение наряду с рабочим классом и крестьянством.

Вместе с тем необходимо отметить, что некоторая часть инженерно-технического состава в деле развития стахановского движения проявила отсталость, что отмечено в постановлениях декабрьского пленума ЦК ВКП(б), указавшего, что «в рядах работников инженерно-технического труда наряду с прогрессивными элементами имеется часть инженеров и техников, воспитавшихся на основе опыта капиталистического производства и в значительной своей части на основе техники дореволюционной русской промышленности, которая на первых этапах оказалась в хвосте стахановского движения.

А между тем, как указал т. Орджоникидзе в своем выступлении 29 июня на заседании Совета при Наркомтяжпроме, «стахановское движение не терпит ни рутины, ни косности». («Правда», 5 июля).

Наряду с этим необходимо подчеркнуть, что в борьбе с консервативными и саботажническими элементами из среды хозяйственников и инженерно-технического персонала в ряде случаев допущены были серьезнейшие ошибки и неправильности, сущность которых заключается в недопустимом огульном окрещивании хозяйственников и инженерно-технического персонала предприятий консерваторами. Квалифицируя такого рода приемы, как методы «оглобельного руководства», т. П. П. Постышев в своем выступлении на пленуме ЦК КП(б)У 23 мая, приводя несколько ярких примеров такого рода недопустимой и нетерпимой практики, вновь и вновь подчеркивает исключительное значение указаний товарища Сталина о методах и приемах борьбы с консервативными и отсталыми элементами.

Прокуратура Союза ССР в ряде директивных указаний требует от органов прокуратуры самой суровой и беспощадной борьбы против врагов и саботажников стахановского движения, против действительно консервативных и бюрократических элементов, ставящих препятствия и затруднения на пути дальнейшего развития стахановского движения. Но в то же время Прокуратура Союза ССР самым категорическим и решительным образом предостерегает против «оглобельных методов, против огульного зачисления хозяйственников и инженерно-технического персонала в саботажники и срывщики стахановского движения». Уже в директивном распоряжении от 20 июня 1935 г., т. е. тогда, когда не возникал еще вопрос о стахановском движении, прокурор Союза, приводя в качестве примера и осуждая практику судебных и прокурорских органов Западносибирского и Восточносибирского краев в отношении хозяйственников и инженерно-технического состава предприятий, в категорической форме требовал от органов прокуратуры исключительно серьезного и вдумчивого отношения к вопросу о возбуждении уголовного преследования в отношении лиц указанной категории и устанавливал особый для этого порядок, гарантирующий правильность привлечения и обеспечивающий предотвращение ошибок.

Совещание прокуроров, специально созванное прокурором Союза т. Вышинским в январе и феврале 1936 г., сыграло громадную роль в исправлении допущенных в ряде мест ошибок и неправильностей, вооружило работников прокуратуры в их борьбе с действительными саботажниками стахановского движения и в то же время вновь и вновь предостерегало от извращений в этой области.

Приведенное выше выступление т. П. П. Постышева, характеризующее практику Донбасса, является руководящим для всех работников юстиции, предостерегая против ослабления борьбы с действительными консерваторами и саботажниками и одновременно со всей силой подчеркивая недопустимость и нетерпимость всякого рода огульных методов и приемов, опасность и вредность которых в конечном счете сводится к ослаблению борьбы за устранение препятствий на пути дальнейшего развития стахановского движения.

Январское и февральское совещания, созванные при Прокуратуре Союза по вопросам, связанным со стахановским движением, сыграло огромную и решающую роль также и в деле решительной борьбы с неосновательным привлечением к ответственности тех отсталых элементов, которые, в силу недостаточной массово-разъяснительной работы, несознательности и непонимания сущности и великого значения стахановского движения, иногда на почве зависти к стахановцам, на почве пережитков и непонимания значения социалистических методов труда, выступали с различного рода высказываниями, пытаясь опорочить отдельных стахановцев.

Практика прокуратуры Саратовского края знает несколько случаев такого рода, когда попытки привлечения к уголовной ответственности были обращены именно против отсталых и малосознательных элементов.

В конце декабря 1935 г. работница стахановка Мягкосердова за систематическое перевыполнение норм была направлена на краевой слет стахановцев спиртоводочной промышленности и на слете была премирована костюмом.

После возвращения Мягкосердовой со слета, во время работы по промывке чанов, работница Пескова, завидуя ей, стала выражать свое недовольство тем, что Мягкосердова премирована.

В частности Пескова заявила: «все работаем одинаково, а вот премию за нас получила одна».

Зная, что Мягкосердова еще не кончила мытья полов, Пескова подозвала работниц и стала при них издеваться над Мягкосердовой говоря: «Посмотрите, какая у стахановки грязь».

Другая работница — Лырина, на предложение одной из работниц помочь Мягкосердовой в работе, заявила: «Для того она и есть стахановка, чтобы работать».

Пескова и Лырина также являются хорошими работницами и, хотя и отстают от Мягкосердовой, но также перевыполняют свои нормы. Вопрос о недостойном поведении Песковой и Лыриной был передан на рассмотрение производственно-товарищеского суда.

Значительная сложность большинства дел о противодействии стахановскому движению, необходимость весьма высокой политической вооруженности органов следствия, прокуратуры и суда в деле распознавания действительных случаев саботажа и злостного срыва стахановского движения, требующих применения судебной репрессии, и умение отличать эти случаи от проявлений отсталости, малосознательности и бытовых пережитков, когда совершенно достаточно ограничиться проведением разъяснительной работы или, в крайнем случае, прибегнуть к воздействию, например, производственно-товарищеских судов, — все эти моменты вдвойне увеличивают ответственность органов юстиции в их борьбе с противодействием стахановскому движению.

Политическая правильность, продуманность, тщательность и убедительность судебного процесса и судебного приговора, являющиеся мощным воспитательным орудием, еще более усиливают ответственность суда и прокуратуры.

«У нас думают меньше всего о том, чтобы судебный приговор убеждал, воспитывал общественное мнение», — говорит т. Вышинский в статье «Советский суд и советская демократия» («Большевик» № 10).

Всякая политическая неправильность и техническая неряшливость в проведении судебного процесса и в составлении приговора, неспособность анализировать и обобщать тщательно проверенные факты, склонность к щегольству общими декларативными формулировками, — все эти недостатки, от которых не освобождены судебные органы, способны только дезориентировать массы и вызвать в них чувство недоумения.

Эти недостатки судебного процесса и приговора в особенности недопустимы и нетерпимы по делам, возникающим в связи с противодействием стахановскому движению, и способны лишь ослабить борьбу с действительными врагами.

На органах юстиции лежит ответственность и почетная обязанность бдительно оберегать это родное и близкое сердцу каждого трудящегося глубоко революционное движение, которое «охватит все области и районы нашей страны и покажет нам чудеса новых достижений» (**Сталин**), открывая перед великой нашей родиной пути перехода от социализма к коммунизму.

С. ПОТАПОВ

О судебной фотографии

Следственная и судебная практика ежедневно отмечает необходимость применения научных методов к производству расследования. Многие из дел, прекращаемых за необнаружением виновных, за недоказанностью события преступления или недостаточностью улик, явно свидетельствуют об этом отрицательными результатами следствия. Положительные результаты еще ярче подчеркивают значение научных средств для быстрого и меткого удара по классовому врагу и его агентуре.

Объединяемые системой криминалистики научные методы расследования преступлений являются руководящими началами в двух направлениях, соответственно двум источникам судебных доказательств. Первый из этих источников составляет предмет уголовной тактики; она учит наиболее целесообразным способам обращения с людьми в целях использования их показаний и действий для установления достоверных фактов, раскрывающих преступление. Уголовная техника указывает способы извлечения материальной истины непосредственно из вещей, носящих на себе следы деятельности и личности преступника, и по отношению к живым людям она имеет в виду исключительно их физические признаки. Естественное взаимодействие тех и других способов находит свое единство в методике расследования отдельных видов преступлений.

Среди научно-технических методов криминалистики наиболее широкое применение имеет фотографическая техника, приспособленная к потребностям расследования и суда, — другими

словами — судебная фотография. Ее содействие способно распространяться всюду, где возникает вопрос об отыскании вещественных улик среди самых разнообразных, часто микроскопически ничтожных предметов.

Тем не менее, область судебной фотографии продолжает расширяться, и невозможно предвидеть границ этого расширения, идущего не только в сторону усовершенствования ее приборов, но и в направлении охвата новых объектов и замены некоторых современных тактических приемов научно-техническими.

Огромная роль судебной фотографии в деле борьбы с преступлениями обусловливается многообразными свойствами фотографического снимка, ценными для всякого доказательства вообще. Судебно-фотографический снимок точно и объективно фиксирует все видимое, а во многих случаях невидимое в материальных предметах, притом с такими деталями, которые часто не поддаются ни человеческой памяти, ни даже описанию, как это имеет место, например, в отношении признаков личности.

Особенную ценность эти свойства приобретают при производстве осмотра места преступления с его, по большей части, сложной обстановкой. Предвидеть и запечатлеть протоколом все, что впоследствии может оказаться существенным для дела, нередко бывает крайне затруднительно, иногда и вовсе невозможно. Пробелы в описаниях чаще всего образуются в том случае, если лицом, производящим расследование, овладевает предвзятая мысль о существе события. Сложившееся предубеждение опровергается в дальнейшем новыми данными, и следствие принуждено вернуться к исходной точке. Наличие фотоснимков дает в этом отношении большие возможности.

Равнодушие к методам судебной фотографии при изучении следов на местах преступлений вызывает громадное количество труда, который приходится затратить для установления фактов, быстро и легко схватываемых фотоснимком. Случаев такой затраты, далеко не всегда производительной и притом иногда сопряженной с ошибочным лишением свободы заподозренных лиц, к сожалению, еще не мало. Можно указать, например, на дело гражданки С., найденной в лесу с простреленным черепом. Суду в конце концов, уже при рассмотрении дела, пришлось предложить свидетелям инсценировать в зале заседания всю обстановку, при которой был обнаружен труп, и эту искусственно воспроизведенную обстановку сфотографировать. Это, конечно, совсем не то, что снимок сделанный на месте преступления.

Такая же инсценировка, значительное время спустя после происшествия, оказалась необходимой при расследовании, возникшем по поводу обнаружения трупов двух молодых людей, из которых девушка была убита выстрелом из дробового ружья, а мужчина задушен ремнем. Только после того, как непричастность к убийству трех заподозренных лиц, находившихся под стражей, была в полной мере установлена, пришлось «вспомнить» о значении деталей обстановки события и попытаться восстановить их путем свидетельских показаний, которые всегда в таких случаях разноречивы, и посредством инсценировки на месте, где раньше лежали трупы.

Производство по делу о смерти Р., последовавшей от огнестрельного ранения головы в стороне от дороги по пути к его местопребыванию, потребовало трех томов «дополнительных» следственных действий для воссоздания картины преступления и связанных с нею обстоятельств. Само собою понятно, что показания о положении трупа и окружавшей его обстановке не могли удовлетворить той точности, объективности и детальности, какая свойственна фотографическому изображению. Это вполне понятно: посторонние лица не обязаны знать и применять методы уголовной техники, предназначенные для тех, кому вверено производство расследования. Поэтому, безнадежно ожидать от свидетеля правильного установления фактов, которые мог и должен был зафиксировать сам следователь.

Некоторые, однако, полагают, что следователь не может лично производить фотографическую съемку и обязан обращаться по этому поводу к специалисту. Такое утверждение верно лишь по отношению к научно-исследовательской фотографии, составляющей область судебно-фотографической экспертизы. Что же касается фотографии запечатлевающей, «судебно-оперативной», то по этому поводу не может быть двух мнений: фотографирование так же совместимо с прямыми обязанностями следователя, как и составление плана посредством черчения или зарисовки следа.

Не служит также препятствием для указанных целей обладание обыкновенным фотоаппаратом, не предназначенным специально для судебной и в частности метрической фотографии. Важно только, чтобы аппарат был снабжен хорошим, свободным от оптических недостатков (аберраций) объективом, благодаря чему получались бы правильные и резкие изображения, и чтобы съемка производилась при надлежащем положении камеры относительно снимаемого объекта.

В конце концов, даже простой любительский снимок может иногда оказаться чрезвычайно ценным для установления важного для следствия факта.

Так, например, по одному делу о крушении товарного поезда был сделан перед производством осмотра такого рода снимок с разбитого подвижного состава. Осмотр не дал указаний на причину катастрофы. Но при дальнейшем расследовании были получены сведения, что в состав поезда включен заведомо неисправный вагон по распоряжению дежурного по станции, несмотря на предупреждение, что вагон этот может не выдержать пути. На увеличенном изображении любительского фотоснимка ясно обозначился в центре разрушения номер указанного вагона.

Перечисленными свойствами — точностью, объективностью, детальностью изображения предметов и их признаков, способностью механизировать труд, заменять в некоторых случаях показания свидетелей и быть лучшим помощником зрительной памяти — далеко еще не исчерпывается все значение судебно-фотографического снимка. Существенное достоинство его состоит и в том, что он является наглядным доказательством. Вся история развития судебных доказательств проникнута стремлением к очевидности, которая, как известно, «вынуждает признание истинности». С этой точки зрения фотографический снимок представляет собою пока лучшее, что могла дать изобретательная мысль и современная техника.

Поэтому-то в упомянутом деле о смерти С., как и во многих других делах, суду крайне

важно было не только видеть обстановку места происшествия, но и зафиксировать ее в форме указанного крайне несовершенного ее воспроизводства. Это давало возможность сопоставлять факты, отраженные в обстановке события, с другими обстоятельствами дела.

Подобного рода возможность наглядной проверки доказательств, обусловливающая вместе с тем наиболее простую и правильную их оценку, относится не только к протоколам осмотра и свидетельским показаниям, но и к выводам экспертизы. Имея фотографическое изображение признаков, установленных экспертом и послуживших основанием для заключения, суд может или непосредственно уяснить их, или же убедиться в правильности или ошибочности исследования путем предъявления фотоснимка любому сведущему лицу соответствующей специальности. Таким образом судебная фотография приобретает еще значение контроля над исследованием, который может и должен распространяться на все виды экспертизы, имеющей своим предметом изучение материальных признаков, как например, медицинская, биологическая, техническая и др.

Однако фотография является не только средством фиксации вещественных улик, но и самостоятельным методом исследования разнообразных объектов. В этой своей научно-исследовательской роли она образует обширную область судебно-фотографической экспертизы, выросшей в своем существе из замечательной способности фотографической пластинки видеть больше, чем человеческий глаз. Превосходство ее над зрением проявляется в нескольких формах.

Первое, что дает возможность лучше видеть изучаемые признаки вещественных улик, — это простое фотографическое увеличение. На этом свойстве «проекционной» фотографии построены многочисленные виды исследований, имеющих целью установление личности, — по пальцевым отпечаткам, всевозможным следам, почерку и пр. Без увеличенных фотоснимков нельзя, например, доказать в известных случаях, что оттиск пальца на месте преступления оставлен данным лицом; или что следы от мельчайших зазубрин ножа или стамезки произошли от орудия, найденного у подозреваемого; или что две одинаковых на взгляд рукописи существенно отличаются друг от друга, наблюдаемыми в одной из них незаметными для глаза признаками подделки.

Лупа также дает возможность рассматривать в увеличенном виде мелкие особенности следов и документов. Но она не представляет в распоряжение сведущего лица таких надежных средств для всестороннего производства сравнительного анализа, какими обладает увеличенное фотографическое изображение. Последнее допускает всевозможные измерения — углов, величин и расстояний между ними, сравнение с помощью квадратной сетки и доказательство посредством геометрических построений, в которых нередко встречается необходимость, при идентификации неполных пальцевых отпечатков, при обнаружении подлога печатей, при установлении тождества шрифтов пишущих машинок и т. п. При этом эксперт-криминалист, ясно представляющий себе потребности следственного дела, рассматривает фотоувеличение не только как лучший метод исследования указанного рода объектов, но и как упомянутый выше «контроль над исследованием», в первую очередь для самого себя, и, наконец, как лучшее средство представления суду наглядного доказательства. Многочисленные примеры положительных результатов криминалистической экспертизы достаточно хорошо известны всем судебным работникам.

Но если простое фотографическое увеличение позволяет ясно видеть в тех или иных предметах незаметные или мало заметные подробности, то фотография с применением микроскопа, микрофотография, раскрывает перед наблюдателем уже самую структуру исследуемого вещества.

Применение микроскопа часто имеет в виду только одну цель: определить, что именно представляет собою данное вещество, например, в виде пятна, пыли, кристаллов и т. п. В этом случае микрофотографический снимок важен, главным образом, как наглядное доказательство, осуществляющее в то же время задачу контроля над исследованием. Нередко требуется однако не только исследовать строение вещества, но и произвести сравнительный анализ однородных объектов — волокон, волос, чернильных или карандашных штрихов и пр. Здесь микрография приобретает уже значение наиболее совершенного метода экспертизы, сохраняя вместе с тем за микрофотографическим снимком его роль, вытекающую, как и в первом случае, из факта фиксирования видимых при посредстве микроскопа признаков. Изготовление микрофотограмм вызывается необходимостью их непосредственного сопоставления, чего нельзя достигнуть под микроскопом ввиду его крайне ограниченного поля зрения.

По одному из недавних дел лицо, обязанное вернуть известную сумму денег, заявило, что в данном им обязательстве оказалась подделка: к написанной им сумме приписаны два нуля и соответственно изменено обозначение суммы словами, — а это увеличивало его задолженность в сто раз. На микрофотографических снимках получилось следующее: карандашные штрихи нулей, идущие в восходящем и нисходящем направлении, имели тождественное с предыдущей цифрой распределение частиц графита, что ясно было видно по большей или меньшей густоте штриха на одних и тех же местах, частицы каолина (фарфоровой глины), находившиеся в карандашной массе, образовали светлые полосы, форма и размер которых точно совпадали в сравниваемых цифрах; совершенно одинаковой была ширина штрихов в целом и в отдельных частях, выделявшихся своим оттенком в зависимости от неравномерного давления более или менее стершихся сторон острия карандаша. Подобные же явления наблюдались на микрофотограммах букв. Ложность заявления о подделке была очевидна.

Самым существенным в судебно-исследовательской фотографии является ее так называемый цветоделительный метод, выявляющий некоторые виды материальных улик, которые не могут быть видимы ни обычным зрением, ни с помощью каких-либо оптических приборов. Обычными задачами, которые ставятся на разрешение фотографии с помощью этого метода, являются требования: о восстановлении в документах удаленных с целью подлога текстов или отдельных их частей, о прочтении

выцветших или стершихся рукописей и о выявлении записей, замазанных чернилами или другим красящим веществом.

Метод цветоделения основан на способности фотографии разделять невоспринимаемые зрением цветовые оттенки и делать их видимыми. Так, например, на желтом фоне бумаги, на которой вытравлен текст, остаются следы удаленных слов, совершенно сливающиеся с общим фоном. Или на белой бумаге написано письмо бесцветными секретными чернилами. В том и другом случае запись не видна. Но посредством фотографии разница между штрихами букв и фоном бумаги обнаруживается, — сначала в очень слабой степени, а затем, путем специальных процессов усиления, доводится до возможности прочтения текста.

Цветоделительная способность фотографии чрезвычайно важна для выяснения самых разнообразных обстоятельств дела. Известно, например, что благодаря этой способности, можно получить изображение замытых на белье кровяных пятен. Было немало случаев установления личности неопознанных трупов, долгое время остававшихся необнаруженными в воде или каких-либо уединенных местах. Записи в находимых при таких трупах документах обычно исчезают, но в большинстве могут быть восстановлены, хотя бы отчасти, посредством цветоделения.

Около четырех лет назад в лесу под Москвой были обнаружены трупы трех женщин, в течение нескольких месяцев подвергавшиеся атмосферным влияниям. При двух из них были найдены профсоюзные билеты с исчезнувшими обозначениями имени и едва заметными следами окружности печати. Цветоделительным методом вся надпись печати была восстановлена и появились начальные буквы фамилии. На этом цветоделение было закончено, так как полученных данных оказалось вполне достаточно для опознания погибших.

Применение светофильтров и невидимых ультрафиолетовых и инфракрасных лучей, а также лучей Рентгена, значительно расширяет «фотографию невидимого» и часто упрощает сложный процесс цветоделения. Так, в настоящее время иногда достаточно подвергнуть выскобленный или вытравленный текст действию ультрафиолетовых лучей, чтобы текст этот сделался удобочитаемым уже на первом фотоснимке. То же происходит с замытыми на белье кровяными пятнами. При одном трупе была найдена записка, написанная красными чернилами и сплошь залитая кровью. Ее содержание оказалось возможным восстановить только при помощи ультрафиолетовых лучей. При фотографировании лучами Рентгена книги, переданной в место заключения, получился снимок приспособленной для перепиливания железной решетки стальной пилы, искусно заделанной в переплет.

Трудно охарактеризовать с соответствующей полнотой все, что дает и что может дать судебная фотография. Богатство и разнообразие ее свойств обязывает органы расследования не отставать от жизни в усвоении методов фотографической техники, приспособленной к оперативной работе. При условии знания и умения практически применить эту в сущности простую и несложную технику, которая в огромной мере сокращает труд, экономит время и обеспечивает конечные результаты дела, станут ясными и все те вопросы, которые могут и должны быть поставлены перед судебно-фотографической экспертизой.

Только при таком условии лицо, производящее расследование, окажется по отношению к материальным данным дела свободным от ошибок и упущений, ведущих к провалу следствия.

Второе всесоюзное прокурорское совещание

Прения по докладу зам. прокурора Союза Г. К. Рогинского

Нюрина (зам. прокурора РСФСР). — Я хочу остановиться на некоторых вопросах организационного порядка. Первый вопрос — о структуре. Если говорить с точки зрения той аналогии, которую я хочу провести, то мне кажется, что единственный документ, который правильно отображает все то, что есть у нас, и то, что должно быть, — это Положение о прокуратуре. Можно говорить о некоторых уточнениях, но по формулировкам он в стиле той великой простоты, какой написана наша Конституция, и поднимает действительно централизованный и едино организованный аппарат советской власти, надзирающий за законом на должную высоту.

Я хочу коротенько остановиться на некоторых организационных вопросах—новых, которых здесь не задевали, но которые, мне кажется, очень существенны. Это вопрос о внутренней структуре. Я согласна с той организационной структурой, которую здесь предложил т. Рогинский, но мне казалось бы, особенно для республиканских прокуратур, что нам нужно строить наши отделы так, чтобы в каждом отделе были сосредоточены свои кадры. Я считаю, что следовательский отдел у нас, в Прокуратуре Республики, должен вести и учет и руководство кадрами не в том урезанном виде, как это предлагал т. Рогинский, но в полном объеме. Я считаю, что мы можем это сделать, и это не будет противоречить ни схеме, ни структуре, если у нас так же будет построен каждый отдел. Мне кажется, что при прокуратурах республик и при Прокуратуре Союза должны быть сосредоточены только руководящие кадры, только головка, а все остальные работники должны учитываться в республиканских прокуратурах по производственным отделам. Я считаю, что мы тогда поставим хорошо гражданскую прокуратуру, когда гражданский отдел Прокуратуры Республики будет помогать гражданским отделам прокуратур на местах.

То же в отношении судебно-уголовного отдела. Мне кажется, что это очень серьезный вопрос, над которым надо подумать. Для того чтобы отдел действительно руководил отделами на периферии, нужно, чтобы он знал своих людей. Для этого необходимо почаще ездить на места.

Один вопрос тут был совершенно обойден, это — о месте в нашей системе актива. Мне кажется, что вопрос о совместителях в прокуратуре сейчас очень сомнителен. Мне ка-

жется, что при централизованной власти, которую партия и правительство желают иметь в лице прокуратуры, вряд ли можно допускать совместителей с той суммой функций, которую они теперь выполняют. Ведь совместители у нас выступают и как государственные обвинители. Совместители часто делают тоже, что и прокуроры, при которых они состоят. Такое положение было принято на прошлом совещании по докладу т. Сегала.

Мне кажется, что группы содействия у нас превратились в придаток к оперативному аппарату. На этот вопрос нужно обратить внимание и внести в него ясность.

Я согласна, что нужен дисциплинарный устав, но нужно из устава изъять такие меры наказания, как арест при исполнении служебных обязанностей. Тут уже много хороших иллюстраций плохой нашей работы приводили товарищи Вышинский и Рогинский. Конечно, прежде всего мы должны бороться за улучшение качества работы, в этом отношении мы должны провести ряд мероприятий. Но я думаю, что, пожалуй, лучше совсем не иметь никого, чем иметь таких прокуроров, которых нужно арестовывать. Поэтому я предлагаю эту меру наказания исключить.

Второй момент. — Нельзя писать в проекте, что выговора налагает начальник. Это понятно. Мы вообще говорим о том, что мы слишком злоупотребляем выговорами с предупреждением и пр. Сказать просто, что выговор налагает начальник, — это слишком неясно. Относительно арестов, действительно, сказано точно, что арестовывать имеет право тот, кто имеет право увольнения и назначения. Но вот в отношении выговоров — дело другое. В отношении ареста — районного прокурора может арестовать только краевой, а краевого или областного только прокурор Союза, а вот в отношении других взысканий сказано просто, что их имеет право налагать начальник, а ведь у районного прокурора начальников может быть много. Мне кажется, что необходимо было бы этот вопрос уточнить.

Еще один вопрос, на котором я хотела остановиться — это вопрос о жалобах. Вопрос о жалобах у нас приобретает большое значение. Сейчас в РСФСР, не знаю как в других союзных республиках, суд перестал принимать жалобы в порядке надзора. Жалобное дело перешло в прокуратуру. Прокуратура РСФСР в течение последних месяцев получает до 30 тысяч жалоб в месяц. Чтобы наладить и организовать работу с жалобами, мы посадили сейчас на эту работу половину аппарата, и на этом деле сидят 60 ответственных и не ответственных работников. Мы долго обсуждали вопрос, нужно ли, чтобы отдел жалоб был оперативным отделом, разрешающим вопросы по существу. И отказались от этого. У нас бюро жалоб фактически разрешает только жалобы, которые не требуют оперативных действий со стороны прокурора, все остальные идут в отделы прокуратуры. Это дело только налаживается. Мне кажется, что эту практику нужно применять и к Прокуратуре Союза.

Последнее замечание — насчет следственного отдела. Следственный отдел должен быть отдельным, во всяком случае, в Союзе, республиках и краях. В краях и областях нам приходится кое-где применяться к тяжелому штатному положению, — но я считаю, что следственному отделу должны быть переданы также функции укомплектования и учета кадров.

Назаров (Калининский областной прокурор). Положение о порядке прохождения службы в органах прокуратуры, дисциплинарный устав и положение о Прокуратуре—это документы, которые должны будут повысить ответственность в нашей работе, поднять дисциплину и обеспечить нам лучшую постановку всей нашей работы. У меня есть несколько замечаний, связанных с положением о прокуратуре, с дисциплинарным уставом и с положением о порядке прохождения службы. Тов. Рогинский сказал, что нам нехватает 28% работников. Эти 28% в ближайшее время мы не пополним людьми, обладающими юридической подготовкой. Н[illegible] избрать какой-то путь. Я думаю, что на [illegible]жайший период времени, для того чтобы укомплектовать полностью штат, придется допустить какое-то исключение. Один год общественно-политического опыта работы в государственных и общественных учреждениях я считаю недостаточным и предлагаю записать— не менее двух лет.

В п. 12 сказано о назначении прокуроров так, как сказано в Конституции. Я думаю, что в положении о прохождении службы следует записать, что назначения делаются по представлению краевых и областных прокуроров. Я уверен, т. Вышинский, что у вас не будет возможностей охватить все 5—7 тысяч человек. Следовало бы это записать в положение. Я говорю относительно того, чтобы записать по представлению прокуроров областей и краев.

Дальше — о перемещении лиц прокурорского состава с высших должностей на низшие. Как быть в тех случаях, когда нужно помощника областного прокурора перевести на должность районного прокурора (мы знаем, что далеко не всякого можно направить на должность райпрокурора). Спрашивается, что это—понижение в должности или нет? Такое перемещение не должно считаться понижением. Это надо отметить и не рассматривать как смещение на низшую должность, что было бы неправильно. В каждой области есть такие города и районы, где районные прокуроры должны быть не ниже любых помощников краевых и областных прокуроров. Есть такие города, где районные или городские прокуроры должны иметь такую же подготовку, как старшие помощники областных прокуроров.

Вышинский. — Мы исходим не из того, что есть, а из того, что должно быть. Исходя таким образом, мы рассуждаем, что при всей ответственности, которая лежит на районном прокуроре, нельзя допустить, чтобы помощником областного прокурора был человек, неспособный руководить районным прокурором. Поэтому, если вы не можете доверить своего района помощнику, то вы не должны такого прокурора держать помощником краевого прокурора.

Назаров. — Возьмем Ржев или Калинин, где мы должны держать высококвалифицированных работников. Они должны быть по своим познаниям, юридическим и политическим, не ниже, чем старшие помощники областных прокуроров.

Есть целый ряд районов, где мы обязаны иметь таких районных и городских прокуроров, потому что эти города, хотя и входят в область, но независимы от районов, и там должны сидеть товарищи, по своим юридиче-

ским и политическим знаниям стоящие не ниже помощников областных прокуроров.

По поводу структуры у меня есть несколько замечаний следующего порядка. Тут правильно было сделано замечание, что нельзя жалобы отрывать от оперативных отделов. В этом вопросе т. Рогинский не договорил до конца. Существование отдела жалоб не дает возможности оперативным отделам знать состояние законности в том или другом районе по тому или другому вопросу.

У нас отдел жалоб еще не организован. Недавно меня обследовала Комиссия советского контроля при СНК Союза ССР. Комиссия нашла, что постановка дела с жалобами у нас в прокуратуре удовлетворительна, причем у нас постановка этого дела такова, что каждая жалоба попадает в соответствующий отдел. В этом отделе эту жалобу рассматривает лицо, которое прикреплено к этому отделу, причем жалобщиков этот работник принимает непосредственно сам. Жалобщиков у нас принимают непосредственно в отделах. Вы же предлагаете, чтобы жалобщиков принимал отдел жалоб. Когда этот отдел признает нужным вмешательство оперативного отдела, он направляет жалобу и жалобщика в оперативный отдел. Не следует ли отказаться от этой излишней инстанции? У нас жалобы направляет товарищ, который не входит в обсуждение существа жалобы. Это — дело прокурора, непосредственно разбирающего эту жалобу.

Относительно группы учета и информации. Я не знаю, какая будет установлена отчетность краев и областей перед прокуратурой республики и Прокуратурой Союза. Мне думается, что по целому ряду вопросов, очевидно, отчитываться придется. Эта работа должна быть значительно усилена. В этом смысле, очевидно, необходимо поставить вопрос о выделении специального отдела по статистике и информации. На прошлом совещании это как будто нашло поддержку. Я считал бы необходимым вновь этот вопрос поставить. Я считаю, что это — один из очень серьезных отделов, при хорошей работе которого мы могли бы значительно улучшить всю нашу работу.

Я бы считал возможным объединить в Спецотделе и надзор за местами заключения. Надо сказать, что у нас на сегодняшний день так и построено — места заключения объединены в одном секторе с милицией, и работа проводится неплохо. Прокуратура Союза и Прокуратура РСФСР не имеют серьезных претензий в нашей работе в этой области. Штат, который мы имеем, не дает нам возможности организовать большое количество отделов, и отделы у нас могут получиться чрезвычайно куцыми: заведующий отделом, старший помощник и помощник; а может получиться, что будет сидеть один человек, и это будет считаться отделом.

Последний вопрос — это о включении всех органов прокуратуры в общесоюзный бюджет. Это надо указать в положении о прокуратуре.

Чадарайн (ЦК союза работников суда и прокуратуры). — Я хотел бы коснуться целого ряда недостатков работы прокуратур и судов на местах в деле чрезвычайно грубого нарушения трудового законодательства. Если прокуроры и судьи допускают в отношении своих работников нарушение трудовых законов, то как они могут разрешать такие же дела в отношении других органов? Можем ли мы допускать в нашей системе нарушение советского закона, и как быть с теми, кто эти законы нарушает; могут ли такие прокуроры и судьи отвечать своему назначению? Я думаю, что мы должны вести решительную борьбу с этими явлениями. Чтобы не быть голословным, приведу несколько примеров, которые подтверждают мои слова, в частности, по поступающим жалобам, которых у нас, к сожалению, не мало: Воронежская область — переписка по делу Иванова тянется полтора года, и до сих пор дело не разрешено окончательно; оно заключается в том, что следователя с работы уволили. Он заболел, и в момент болезни его уволили, а когда он подал жалобу в ЦК союза о том, что с ним расчета не производят, то прокурор привлек его к уголовной ответственности. Дело было разрешено только в марте этого года, а началось в сентябре 1934 г. Он был оправдан, дело в суде прекратили. Но мы до сих пор не можем получить приговора суда, потому что прокуратура говорит, что будет опротестовывать, а протеста не подает. Прокуратура просто не хочет признать свою ошибку. Это совершенно безобразное отношение к живому человеку.

Другой случай, о котором уже говорил т. Рогинский, но он не все рассказал. Здесь было проявлено безобразное отношение т. Старовойтовым к следователю Сахновскому; он в 1934 г. вскрыл крупное дело, и об этом все газеты писали в Киеве; когда Старовойтов его уволил первый раз за это — Сахновского восстановили, а Старовойтов получил выговор. В 1935 г. Сахновский вскрыл другое дело — об уничтожении судебного дела. Судья, который передал об этом Сахновскому, не получил никакого взыскания; это дело замазали; а когда Сахновский помог вскрыть это дело, то снова Старовойтов увольняет Сахновского из прокуратуры, и то уже тогда, когда это дело ему попадает с обвинительным заключением (после начала следствия через 2 месяца). Требовалось вмешательство по линии ЦК союза и специального решения. ЦК союза поставил перед т. Вышинским вопрос, что нужно на Старовойтова наложить взыскание; но т. Вышинский несколько смягчил это дело. Между тем дела по Киеву творятся безобразные. Может ли областной прокурор, может ли прокуратура, которая так безобразно относится к людям, нарушая советские законы, оправдать доверие партии и правительства на столь ответственном посту, и можно ли к ней относиться с доверием. Анализируя все эти дела, которые имеются у нас и в Прокуратуре Союза, если эта прокуратура не выпрямится, — как видно, придется поставить вопрос об этих руководителях прокуратуры, могут ли они в дальнейшем оставаться на этой работе. Такие случаи были и по другим областям Украины; возьмите Винницу; там сняли с работы ЧКЗ только потому, что при проверке партдокументов ему не выдали партбилета. Никаких обвинений против него не было. Невыплата выходных пособий — таких случаев уйма. Можно привести массу случаев, когда беременная женщина уходит в отпуск, и ее увольняют (Сталинградский край). Невыплата пособий по временной нетрудоспособности, за рождение детей и их кормление (Чувашия) и т. д. От прокуроров и судей нужно требовать большего внимания, и если они судят других за эти дела, то тем более непростительно это допускать у себя.

Нужно коснуться еще одного дела по Чувашской АССР. Следователя — за то, что кто-то его обвинил в том, что он присвоил звание члена партии и комсомольца,—арестовали, а через полгода выяснилось, что это обвинение необоснованное, и его освободили. Разве прокурор не мог до его ареста проверить и выяснить это дело? Вызывался ли необходимостью его арест? Я думаю, что не вызывался. Таких случаев не мало, когда невнимательно подходят к выяснению дел, касающихся живых людей, в особенности, когда эти люди работают в судебных органах. Возьмите ДВК; по ДВК масса жалоб и не только на неправильное решение вопроса; но они на вопросы и предложения Прокуратуры Республики не отвечают и не выполняют их. И вот характерный случай по Москве. Полтора года прокуратура не могла арестовать осужденного, живущего в Москве, не находили его, а в это время Союзная прокуратура представила дело на амнистирование. В ЦК союза поступила жалоба, что прокурор не приводит в исполнение приговора суда. Несмотря на то, что прокурору т. Филиппову неоднократно предлагалось принять соответствующие мероприятия, но ничего не было сделано. Этот случай показывает, что решения суда иногда остаются на бумаге, так как нет нужного контроля за приведением приговоров в исполнение. Отсюда по ряду дел приговоры до того устарели, что нет необходимости и целесообразности их приводить в исполнение, — а это роняет авторитет суда и прокуратуры.

Нужно сказать, что в прокуратурах и судах еще не сумели наладить работу низового контроля так, чтобы этот контроль выявлял недостатки. Ибо по линии прокуратуры и суда использование низового контроля мало где предпринималось. Если бы суд и прокуратура постарались использовать низовой контроль, они могли бы устранить такие недочеты и добились бы значительно больших результатов по улучшению своей работы, чем имеем сейчас, в особенности по быстроте разрешения жалоб и ответов на запросы трудящихся.

Относительно соц. страховых взносов. Я думаю, что нет ни одного прокурора, который бы не привлекал к ответственности лиц, которые незаконно расходуют государственные средства, которые тратят средства не по назначению и нарушают финансовую дисциплину. А если такие действия — расходование средств не по назначению — совершает прокурор или судья, то его тоже надо привлекать к ответственности. У нас имеются такие прокуроры, такие судьи, которые считают: зачем, мол, перечислять на счет ЦК Союза средства по соцстраху, когда можно эти деньги истратить на свои нужды? В Челябинской области мы установили в процессе обследования, что не перечислено денег соцстраха около 6 000 руб., деньги израсходованы не по назначению; но эта сумма как видно не полная. Когда я указал т. Фридбергу, что это незаконно, он ответил: «Уполномоченный ко мне пришел, мы договорились, и я ему передал». Мы поставили вопрос перед прокурором Республики о привлечении к ответственности этих товарищей. Деньги соцстраха нельзя никому передавать, помимо банка, который зачисляет их на текущий счет ЦК союза. Средства эти затем поступают в НКФ и потом используются по плану (за исключением сумм, выплачиваемых по бюллетеням и другим статьям).

В прошлом году в Туркмении мы перевели по линии соцстраха около 4 000 руб. для покупок путевок и лечения членов союза, но ни одна копейка не была расходована по прямому назначению; все эти деньги были истрачены на другие надобности. Прокуроры должны следить, особенно по нашему союзу, как расходуют деньги; ведь он не только прокурор, но и член союза; за ним двойная ответственность. Я думаю, плох тот прокурор, который этим вопросом не интересуется не только как прокурор, но и как член профсоюза. Вопрос о правильном расходовании средств должен обсуждаться на местах коллективно: кому оказать помощь, кому дать средства на лечение, как обеспечить наиболее ценных в производственном отношении работников. Это дело надо наладить.

Работе производственных совещаний у нас на местах уделяется незначительное внимание. Производственные совещания, как правило, не работают. Надо их работу развернуть, иначе мы не добьемся улучшения работы в тех размерах, как мы хотим. За отсутствием времени я не могу коснуться этого вопроса более детально.

Мы не будем иметь кадров, если мы не приступим к работе по выращиванию работников и если мы не будем их воспитывать. Эта задача сейчас перед нами ставится, и мы должны более решительно продвигать работников по службе. А это требует улучшения работы по подбору кадров и их выращиванию. Если эту работу мы будем проводить параллельно с подготовкой кадров, то мы значительно быстрее обеспечим аппарат более квалифицированными работниками.

Наряду с этим, товарищи, надо поставить еще один вопрос — о том, что прокуратуры районов занимаются несвойственными им вопросами — разбирают жалобы за всех организации, последние же этим занимаются неудовлетворительно. Для того чтобы это изжить, как видно, надо поставить вопрос совместно с общественностью, чтобы добиться общественного воздействия на те организации, которые плохо работают с жалобами, тем самым научить работать других, а самим освободиться от этой несвойственной вам работы, чтобы вы могли больше уделять внимания тем важнейшим делам, которые имеются в суде и прокуратуре; а то за мелочами, которые вас захлестывают, вы упускаете из виду существеннейшие дела. Остановиться на других вопросах из-за недостатка времени не имею возможности.

Зорин (Пом. прокурора Союза). — Особое значение в свете проекта новой Сталинской Конституции приобретает в настоящее время вопрос об охране неприкосновенности личности советского гражданина. Впервые в истории в нашей стране — в стране победившего социализма, в Социалистическом государстве рабочих и крестьян — всем гражданам обеспечивается не бумажная, а действительная, реальная неприкосновенность личности. Никто не может быть подвергнут аресту иначе, как по постановлению суда или санкции прокурора,— говорит проект Сталинской Конституции. Органы прокуратуры должны реально обеспечить неприкосновенность личности, гарантированной проектом Конституции.

Тов. Вышинский в своем докладе указывал на то, что в проекте Уголовного кодекса Союза это должно найти отражение в специальной статье, карающей за нарушение неприкосновенности личности советского гражданина. Наряду с этим мы должны установить повседневный надзор за тем, чтобы в наших местах лишения свободы не было лиц, заключенных туда с нарушением установленной Конституцией гарантии. Эта обязанность лежит на прокуратуре по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями. Мне чрезвычайно странным кажутся в свете этих соображений выступления некоторых товарищей, в частности т. Радченко, который предлагал ликвидировать отдел по надзору за исправительно-трудовыми учреждениями.

Как у нас на сегодня обстоит дело с наблюдением за законностью арестов?

Из статистики этого года видно, что прокуратура ежемесячно освобождает из мест лишения свободы людей, незаконно содержащихся под стражей. Украинская республика, к сожалению, не является той счастливой Аркадией, где не существует незаконных арестов. Если взять некоторые цифры, то окажется по неполным данным, что в январе по Украине прокурорами было освобождено 174 человека, незаконно содержавшихся в местах заключения; в феврале — 162; в марте — 135 и т. д. Даже эти неполные цифры показывают, что на Украине не достигнуто еще такого положения, при котором миновала бы необходимость в надзоре за законностью содержания под стражей.

Наряду с этим мы имеем целый ряд фактов несвоевременного освобождения из-под стражи. Это говорит о том, что надзор за тюрьмами нам не только нельзя ослаблять, а нужно усиливать и организационно его обеспечить.

У нас есть случаи, когда человек по постановлению суда должен быть освобожден из-под стражи, а он продолжает находиться в тюрьме. Вот, например, в Ивановской области некий Мошкин просидел лишнее время только потому, что следственное дело его лежало на полке у уполномоченного НКВД, а прокурор не проверял, кто у него сидит в тюрьме.

В Азово-Черноморском крае в отделе мест заключения лежало около 2 000 неисполненных судебных определений об освобождении заключенных из различных мест лишения свободы, а прокурор Азово-Черноморского края т. Драгунский так прекрасно надзирает за местами заключения, что узнал об этом только после приезда нашего работника. Только после нашего вмешательства были приняты меры к ускорению освобождения этих заключенных.

Возьмите Одесскую область. Здесь на совещании т. Турин прекрасно рассказывал о своих достижениях, но Турин постеснялся сообщить нам о том, что его прокуроров не пускают в трудовые колонии для несовершеннолетних. Точно так же не был допущен прокурор в детскую колонию в Днепропетровской области. Об этом мы узнали не от прокурора Днепропетровской области, не от прокурора Одесской области, не от прокурора Украины, а от помощника прокурора Украины, хотя факт заслуживает такого внимания, что о нем должен был доложить прокурору Союза ССР прокурор Украины.

Все это результаты недооценки значения надзора за исправительно-трудовыми учреждениями. Вы предлагаете, т. Радченко, ликвидировать надзор за тюрьмами и усилить вместо этого надзор за следствием. Это неверно. Речь не идет о том, чтобы в каждой области, в каждом крае, независимо от его размеров, были обязательно отделы по наблюдению за ИТУ. Такие отделы должны быть в республиканских прокуратурах и в Прокуратуре Союза, а также в прокуратурах крупных краев и областей. Но в каждой области, в каждом крае должны быть специальные помощники прокурора, которые надзирают за ИТУ, один или два помощника, но они не должны быть включены ни в Спецотделы, ни в какой-нибудь другой отдел.

Последнее замечание в связи с проектом о порядке прохождения службы. Я считал бы необходимым сделать поправку в отношении наших прокуроров лагерей. Во всяком случае прокуроры крупных лагерей должны быть по своей квалификации выше, чем старшие помощники краевых прокуроров, поэтому их необходимо приравнять к заместителям прокуроров края.

Драгунский (прокурор Азово-Черноморского края). — Значение предложенных нам Союзной прокуратурой документов — дисциплинарного устава, положения о прохождении службы и т. д. — несомненно очень велико, и они сыграют исключительную роль в деле организации нашей работы, в деле организации людей. Это как раз то, чего нам так нехватало до сих пор, и сейчас нам становится понятным, насколько это нам было нужно.

Какие у меня имеются поправки к этим документам? Прежде всего я хотел бы сказать об оценке различных категорий работников. Здесь уже об этом говорилось. Именно, основываясь на том разъяснении, которое дал Андрей Януарьевич, я считаю, что районные прокуроры должны быть приравнены во всяком случае к помощникам краевых прокуроров, т. е. их следует перевести в следующую, пятую категорию.

В отношении структуры. Я считаю, что следует организовать раздельно следственный отдел и судебный отдел. При этом я исхожу из соображений, что следствие должно выделяться в группе других вопросов. Причем надо заранее записать, что в обязанности следственного отдела входит доведение дела до подготовительного заседания. Если мы этого не сделаем, у нас начнутся споры между судебным отделом и следственным отделом. Судебный отдел заявит: — я не могу поддержать ваше дело — направляйте его на доследование. (**Вышинский:** — Обвинительное заключение утверждается краевым прокурором или его заместителем. Какие же тут могут быть споры?).

Я считаю, что старших следователей нужно прикрепить к следственному отделу. У нас ведь не будет такого объема инструктивно-методической работы, как в центральном аппарате. Мы больше аппарат непосредственно оперативный, поэтому следователей надо прикрепить к следственному отделу.

Шейндлин (прокурор Узбекской ССР). — Нельзя просто механически переносить структуру, которая создается в Прокуратуре Союза, на прокуратуры республик. В наших условиях, я считаю, надо сохранить бытовой отдел. (**Вышинский:** — Абсолютно не нужно). У нас на четвертом месте по числу дел — это дела

бытовые. Из этого следует, что нужен специальный отдел. Работу внутри секторов, внутри отделов можно построить по принципу территориальному: тот или иной помощник прокурора ведает работой в пределах определенных районов; можно построить работу по принципу тех или иных видов преступлений — прокурор специализируется в области надзора по делам по растратам, по хищениям и т. д. Я лично считаю, что не следует прикреплять к тому или иному помощнику прокурора внутри сектора те или иные районы территориально, он должен специализироваться на делах по определенным видам преступления. Если он будет прикреплен к определенной группе районов, то он превратится в ревизора, и обобщать работу не сможет.

Текучесть кадров еще очень значительна. У нас взаимоотношения районного прокурора с местами по целому ряду причин зачастую приводят к тому, что районный прокурор ставит вопрос об уходе. Центральный комитет Узбекистана по моему предложению вынес постановление о том, что вся ответственность за перемещение районных прокуроров, за их ущемление возлагается на прокурора республики; тем самым было подчеркнуто, что никто из районных организаций не может ни ущемлять, ни переводить работников и что я обязан в каждом случае неправильной перестановки работников, передвижения и т. д. доводить до сведения ЦК Узбекистана. Мы должны больше считаться при переводе на работу, и с личным желанием этого работника, в особенности это надо учитывать в национальных республиках. Когда человека назначают в тот или иной район помимо его воли, то рано или поздно он постарается из этого района уйти.

Мы пытались при проведении аттестации использовать сдачу юрминимума, потому что при сдаче юрминимума выявляется вся политическая и общекультурная подготовка того или иного работника. Мы плохо еще знаем наши кадры, особенно периферийные. Когда от нас Прокуратура Союза потребовала развернутые, детальные сведения, то мы за 1935 год этих сведений дать не могли, а смогли лишь дать за 1 половину 1936 года. Это обязывает нас лучше поставить учет кадров. Я присоединяюсь к товарищу, который предлагал создать специальную группу учета и информации. Сейчас у нас в группе 1—2 человека. Централизация прокуратуры требует от нас, чтобы мы имели в любой момент ясные, четкие сведения о наших кадрах. Для этого надо создать специальный отдел статистики и учета.

Вопрос подготовки и переподготовки кадров. С тех пор как т. Вышинский руководит Прокуратурой Союза, подготовка и переподготовка кадров проводится весьма последовательно. Постановление правительства относительно высшей юридической школы и курсовых мероприятий — это результат борьбы, которую вела Прокуратура Союза. Мы на местах имеем в этой области известные достижения. В этом году наш институт по правовому факультету выпустил 22 человека, имеющие 3-годичное юридическое образование. Мы выпустили в прошлом году 90 человек судей, прокуроров, следователей, окончивших годичные юридические курсы. В сентябре этого года выпустим еще 90 человек. Это значительно пополняет наши кадры.

Я заявляю с полной ответственностью, что на сегодня у нас полный состав следователей, но нехватает 22% районных прокуроров. Но если подойти к составу, который имеется, с тем мерилом, которое предъявляется сегодня, то цифры эти будут выглядеть несколько хуже. Но я этого не боюсь и заявляю, что мы обязуемся организовать так подготовку, чтобы она удовлетворяла сегодняшние требования.

Саакян (помощник прокурора Союза). — Надо прямо сказать, что организационные вопросы в органах прокуратуры находятся в некотором загоне, и даже сегодня, когда наше совещание обсуждает этот вопрос, замечаются некоторые нотки испуга, «как бы чего не вышло».

Тов. Нюрина прекрасно может цитировать из Конституции статью, которая говорит, что районный прокурор утверждается прокурором Союза в том смысле, что последняя инстанция—это прокурор Союза. Но когда говорят об учете этих кадров, то т. Нюрина считает, что этого учета в Прокуратуре Союза может и не быть.

Раз прокурор Союза несет ответственность за назначение районных прокуроров, в Прокуратуре Союза необходимо установить точный учет этих прокуроров и иметь сведения о том, что собою представляет каждый районный прокурор, и динамику его продвижения по службе. Безусловно, такой учет необходимо иметь в Прокуратуре Союза.

Такое же настроение чувствуется и у т. Назарова.

Исходя из Сталинской Конституции, мы идем к строго централизованной полновластной Прокуратуре Союза, и мы должны все организационные мероприятия привести в полное соответствие со статьей Конституции, говорящей о Прокуратуре Союза. Другой вопрос, следует ли нам иметь 14 категорий прохождения службы или можно их несколько сократить. Я лично считаю, что можно сократить, установив 13 категорий. Прокурора союзной республики нужно ставить наравне со старшим помощником прокурора Союза, заместителя прокурора союзной республики можно ставить наравне с помощником прокурора Союза, что касается старших помощников прокуроров союзных республик — их можно в 8 категорию. Я считаю, что 13 категорий прохождения службы вполне достаточно.

С союзными республиками, входящими в систему Советского союза, непосредственная живая связь и руководство со стороны прокурора Союза должно итти не только по линии приказа и телефонной связи, но и живого пребывания в союзных и автономных республиках, поэтому я считаю — при прокуроре Союза необходимо организовать инспекторско-инструкторскую группу. Это крайне необходимо. Такая группа будет чрезвычайно полезна.

Я тут говорил и об организационно-массовой работе. Я думаю, что эта организационно-массовая работа должна занять у нас почетное место; между тем, если взять структуру, то по структуре у нас имеется только группа учета и информации. Я считаю, что нужна специальная группа по организационно-массовой работе, по учету опыта, именно опыта работы, чтобы опыт отдельных лучших областей краев и республик могли передать всем остальным. Может быть этой группе по орга-

низационно-массовой работе следует передать и функции учета и информации.

Относительно совета при прокуроре Союза. Мы к этому должны притти, но следует ли его сейчас создавать? Во всяком случае, если мы к этому вопросу на данное совещание пришли не совсем подготовленными, в ближайшем будущем мы безусловно подойдем к нему так же, как и все остальные наркоматы. Но пока что в порядке постановки не мешает этот вопрос обсудить на страницах нашего журнала «Социалистическая законность». Я лично считаю, что такой совет необходим, но в каком составе, с какими функциями и т. д. это нужно обсудить. Сейчас дальше обсуждения итти не следует.

Я считаю, что тов. Шейндлин был не прав, когда говорил что в Узбекистане необходимо сохранить бытовой отдел. Это неверно, не нужно никакой специфики вносить в схему Союзной прокуратуры. Необходимо установить единую, единообразную систему в структуре. Другой вопрос, товарищи, если вы в своем следственном отделе, в судебном отделе поставите специальных людей — прокуроров на эту работу, так как этот участок у вас наиболее отсталый; но создавать специально бытовой сектор, бытовой отдел и чтобы этот отдел выпадал из схемы Прокуратуры Союза не следует. Если у вас это является отсталым участком, укрепите его специальными работниками.

Леплевский (зам. прокурора Союза).—Я хочу сделать несколько небольших замечаний, потому что все основные вопросы полностью и исчерпывающе освещены в докладах тт. Вышинского и Рогинского, и эти доклады не нуждаются в каких-либо исправлениях.

Я прежде всего хотел бы ответить на выступления тт. Заславского и Фридберга. Когда я их слушал то, несмотря на то, что я дал обещание т. Вышинскому не цитировать поэтов, я тем не менее вынужден это сделать. Я процитирую одно стихотворение мало известное, это романс поэтессы Каролины Павловой; романс этот начинается так: «Не называй ее небесной и от земли не отрывай». Так вот выступление т. Заславского как раз называет нас небесными людьми. Я думаю, что, конечно, нас во многом можно упрекнуть, но никак нельзя упрекнуть руководство Прокуратуры Союза в одном — нас нельзя упрекнуть в том, что мы были недостаточно инициативны в постановке вопросов в законодательных учреждениях Союза. Если бы прокурорам наших республик преподнести наши тетради, заключающие громадное количество предложений по всем принципиальным вопросам, которые мы ставили в правительстве и в ЦК нашей партии, то они никак не могли бы нас упрекнуть в том, что мы не проявляли достаточной инициативы. Как раз меньше всего нас можно упрекнуть в том, что мы не проявили инициативы. Но я должен сказать, что та инициатива, которую проявляют работники Прокуратуры Союза, не есть нечто ограниченное; инициативу должны проявлять не только мы; нам нужно, чтобы у нас на местах были инициативные, смелые, нетрусливые и, простите меня за это выражение, неблудливые работники. к сожалению я должен об этом сказать, потому что у нас на местах еще есть такие прокуроры, которые сходят со своих прокурорских позиций. Но если мы будет работать хорошо, если наша работа будет соответствовать социалистической эпохе, то конечно, руководство Прокуратуры Союза будет изо дня в день ставить вопросы, получать на них практические, принципиальные ответы и обогащать своим опытом и себя и свою периферию.

Вот, товарищи Фридберг и Заславский, я вас спрашиваю: в отношении инициативы, в смысле постановки вопросов можете ли вы сравниться, например с т. Приговым? Нет, не можете. Должен сказать в похвалу т. Пригову, в инициативе ему отказать нельзя; очень много мы ставим вопросов в правительстве по инициативе т. Пригова.

Я не могу не обратить внимания на недостаток культуры у наших прокуроров. Я себе позволяю с этой трибуны и на эту деталь обратить внимание. Это говорит об одном и том же — об отсутствии у прокуроров одного качества. Я могу сказать, что нужно еще раз и еще раз прочитывать документы Великой, хотя и буржуазной, французской революции, когда Дантон рекомендовал смелость, смелость и еще раз смелость. Это нужно особенно в ту эпоху, в которой мы находимся, теперь, когда идет всенародное обсуждение Сталинской Конституции. Она предъявляет такие большие требования к прокурорам, что у меня вызывают недоумение слова т. Фридберга. Надо сказать, что наибольшее количество поправок при обсуждении статей Конституции вызвал как раз вопрос о суде и прокуратуре. Массы чрезвычайно волнующе реагируют именно на этот раздел. И это совершенно понятно. И в это время т. Фридберг, старый и опытный прокурор, приходит на ответственную трибуну и занимается, я бы сказал, мелочами.

Вышинский. — Задача решается не только нашим стремлением, но и поведением тех, кого это в первую очередь касается. Если подсчитаете взыскания, которые мы накладываем, и подсчитаете ту массу всякого рода нарушений, которые требуют серьезных взысканий, то вряд ли вы сможете послать нам упрек в том, что мы злоупотребляем своими правами в отношении наложения дисциплинарных взысканий. Мы больше звоним по телефону, говорим, чтобы этого больше не было. Я мог бы здесь назвать имена очень уважаемых товарищей, которые могли бы подтвердить, что такие разговоры неоднократно бывали. К чести этих товарищей надо сказать, что впоследствии они принимали меры, чтобы таких ошибок больше не было.

Очевидно, и эти ошибки тоже не вытекают из их злой воли, но нам от этого не легче, потому что всякая ошибка районного и краевого прокурора в конечном итоге отзывается на живых людях.

Перейду к вопросу об общем надзоре.

Вопросы общего надзора зависят в большинстве случаев от правильности построения собственного аппарата. Большевики знали, и они учились у товарищей Ленина и Сталина тому, что практика без теоретической подготовки слепа и теория без практики неживуча, безжизненна. Организационная структура имеет колоссальное, громадное значение в этом деле.

Лично я не ошибусь, да и мне кажется, что со стороны и остального руководства прокуратуры не будет возражений, что основа здесь лежит в культурном уровне наших прокуроров.

Возьмем ряд приказов по линии отдела

ТКФ — так называется отдел прокуратуры по торговле, кооперации и финансов, — там большое количество приказов опротестовывают, и если бы везде приказы так читались и изучались теоретически грамотными людьми, они могли бы оттуда извлечь немало необходимого и полезного для борьбы за советский закон.

Судебный надзор очень важное дело, и когда вы исправляете ряд ошибок, это очень большое дело, но это несравнимо с делом общего надзора. Общий надзор — это величайшая работа.

Я мог бы на этом кончить свое выступление, но я не могу не воспользоваться этой трибуной, чтобы не сказать о самом основном вопросе, который является вопросом всех вопросов. Это вопросы следствия. Ни в одном деле недостаточная грамотность, а подчас и некультурность не скажется так болезненно, как в деле следствия.

Вопросам следствия наши прокуроры должны уделить особое внимание.

Если над вопросами следствия мы все серьезно не задумаемся, от руководства Прокуратуры до последнего звена, если мы вплотную за эти вопросы не возьмемся, — нам это не простят. Прокурор — это великое звание; оно должно быть оправдано делом. И если мы на этом фронте не добьемся перелома, мы отстанем от великих задач нашей эпохи, мы не сделаем того, что возлагает на нас обсуждаемый нами и во всем мире привлекший к себе исключительное внимание всех народов проект Сталинской Конституции. Суд и прокуратура — один из важнейших разделов этой Конституции, возлагающий на нас огромнейшие задачи. Мы должны доказать партии и правительству, что мы эти задачи выполним. Я надеюсь, что мы это сделаем.

Михтенев (прокурор Чечено-Ингушской области). — Задачи, которые поставлены партией и правительством в новой Конституции, отражены в тех мероприятиях, которые выработала Прокуратура Союза. Эти мероприятия, выработанные Прокуратурой Союза, безусловно правильны. Вот почему, если здесь выступали с замечаниями и дополнениями, то эти дополнения не носили принципиального характера. Все сделанные в докладе предложения и замечания я считаю совершенно правильными. Если мы, работники прокуратуры, сумеем как следует перестроить свою работу и осуществить эти мероприятия, которые выработала Прокуратура Союза, то мы действительно оправдаем свои задачи и обеспечим те успехи, которых от нас требуют партия и правительство и, в частности, Прокуратура Союза.

По вопросу о дисциплине. Совершенно правильно, что выработали дисциплинарный устав. Он должен обеспечить укрепление нашей дисциплины.

Целый ряд моментов, о которых говорили выступавшие товарищи и т. Рогинский в отношении нарушений дисциплины, вызывает тревогу. Если мы в дальнейшем не установим железной дисциплины, то в нашей работе успехов не будет. Совершенно правильно выдвигается в Дисциплинарном положении пункт об аресте. Его надо сохранить. Тов. Вышинский сказал, что может быть он ареста не будет накладывать, а сохранит его на всякий случай. От нас самих зависит, будет ли к нам применяться арест или нет. Если будут допускаться нарушения, которые нельзя отнести к обычным нарушениям, то будьте добры нести ответственность, и тут возможно и применение ареста.

Тов. Рогинский говорил, что мы плохо знаем свои кадры. Это верно. Но при такой системе, которая существовала до сих пор, мы не могли даже знать кадры, потому что не было Положения о прохождении службы, не было Дисциплинарного устава, не было целого ряда моментов, которые дали бы возможность изучить кадры. С сегодняшнего дня надо начать организовывать работу прокуратуры на основе всех намеченных мероприятий.

То, что районный прокурор будет назначаться прокурором Союза, коренным образом изменит положение и внесет известное улучшение как в области постановки работы, так и в области сохранения наших кадров.

О национальных областях. Очень многого от нас требует новая Конституция, Конституция, которую выработал наш великий вождь товарищ Сталин. В этой Конституции отражены интересы национальностей. Эта Конституция является не только результатом победы всего рабочего класса, всех трудящихся нашей страны, результатом победы социализма в нашей стране, но и результатом победы ленинско-сталинской национальной политики.

Ст. 110 Конституции — относительно судопроизводства на родном языке — касается большого вопроса. Если мы к этому вопросу не подготовимся и не проявим инициативы в этом деле сами, а будем ждать, пока нам помогут Прокуратура Союза или Прокуратура Республики, то мы провалимся. Вести судопроизводство на родном языке — это дело не легкое. Кадры нужно готовить.

Нужно продумать целый ряд мероприятий, для того чтобы, когда наша Конституция войдет в силу, встретить ее подготовленными и обеспечить судопроизводство на родном языке.

В Грузии и в других республиках, где до революции была своя письменность, в республиках, которые в экономическом и культурном отношении были более развитыми, этот вопрос легче разрешить. Необходимо поставить вопрос о подготовке национальных кадров в таких республиках и национальных областях, как Чечено-Ингушская, Черкесская и даже Осетия. Если мы вопрос о подготовке кадров не подготовим, мы ст. 110 не выполним и не обеспечим соответствующей демократии для трудящихся этих областей. Поэтому я считаю, что тут, в этом деле, большая инициатива должна лежать на нас самих. Мы должны помочь закону. Меня лично этот вопрос очень тревожит, но я думаю, что с этим мы справимся и обеспечим эту статью Конституции.

Последний вопрос — это бытовые преступления. Здесь представлены Узбекская, Закавказские республики — и ряд товарищей, работающих в национальных республиках и областях; они знают, что бытовые преступления, несмотря на то, что мы культурно растем и развиваемся, имеют еще место. На данном этапе нашего развития борьба с бытовыми преступлениями еще трудна. Совершаются похищения девушек, и на это своевременно не реагируют, хотя на этот счет имеется постановление партии и правительства, имеются указания прокурора Союза т. Вышинского. Нам даны указания взять под надзор жен-

щину, взять под охрану ее права и самостоятельность. Эти постановления требуют от нас перестройки работы, и нельзя думать, что это не имеет большого и серьезного значения. Бытовым преступлениям необходимо уделить большое внимание. Необходимо усилить репрессивные меры против нарушителей прав женщины, закона. Тов. Рогинский, на это надо обратить особое внимание. Бывают настоящие похищения женщин, но и бывают такие похищения, когда люди просто сходятся, хотят жить, а мы шаблонно подходим и не занимаемся этим делом как следует.

Я думаю, что теперь дело за нами. Сталинскую Конституцию мы имеем, указания от Союзной прокуратуры, настоящие, подлинные большевистские правильные указания мы имеем. Теперь дело за нами. Теперь, если мы перестроим свою работу, если мы эти указания претворим в жизнь и окажемся творцами этих указаний на местах, то победа нам будет обеспечена, и мы выполним все задачи, которые ставят перед нами Сталинская Конституция, партия и правительство.

Шляпочников (заместитель директора Института судебной политики). — Я хочу остановиться на двух вопросах; первый вопрос — о наших кадрах, вопрос, на котором останавливался т. Рогинский, потому что решение этого вопроса определяет возможность разрешения всех ответственных задач, которые стоят в свете нового Положения о прокуратуре перед органами прокуратуры и суда.

Важнейшей задачей здесь является овладение техникой работы, повышение квалификации.

Я хочу подчеркнуть одну особенность овладения техникой нашей работы — это то, что она является вместе с тем политикой. Вот почему, когда мы говорим об овладении техникой нашей работы, исключительное значение приобретает политическая вооруженность. Вооружение марксистско-ленинской теорией для нас, работников органов юстиции, очень важно.

Здесь очень много говорилось и в докладе и в выступлениях о тех мероприятиях, которые проведены в области повышения квалификации наших работников.

Опыт проведения юрминимума дал свои хорошие результаты. Мы сейчас хотим предложить расширить проведение в жизнь юрминимума и поставить сейчас на очередь вопрос об установлении юрминимума второй ступени. Многие товарищи, которые проработали и сдали юрминимум первой ступени, считают, что они достаточно повысили свою квалификацию. Я считаю, что будет правильно, если мы введем юрминимум второй ступени для тех товарищей, которые сдали юрминимум первой ступени.

Но юрминимумом не ограничивается вопрос повышения квалификации наших работников. Чрезвычайно большую роль играет вовлечение наших товарищей в научно-исследовательскую работу, ознакомление их с теми материалами и учебниками, которые выпустил наш Институт уголовной политики.

Тов. Вышинский бросил упрек научно-исследовательским институтам и, в частности, Институту судебной политики в том, что мы мало сделали и мало дали. Этот упрек был сделан правильно. Я только хочу подчеркнуть один момент, заключающийся в том, что даже то, что мы даем, очень мало используется в практической работе на периферии.

Я приведу пример в отношении одного очень ценного документа, который был издан нашим институтом. Это небольшая работа о следственных упражнениях, которая могла бы сыграть большую роль в деле повышения квалификации наших следственных работников, между тем эта работа используется совершенно недостаточно. Методические письма, учебник по криминалистике и другие работы, изданные институтом, в недостаточной степени осваиваются практическими нашими работниками.

Очень жаль, что мы не получаем с мест отзывов на эти работы, а также пожеланий в связи с этими работами. Это дало бы возможность улучшить нашу работу по выпуску методических материалов, учебников, развернуть эту работу и обеспечить помощь практическим работникам со стороны нашего института.

Мне бы хотелось, чтобы настоящее совещание, на котором нам справедливо был брошен упрек, вместе с тем послужило бы толчком к тому, чтобы наш институт ближе связался с практическими работниками периферии, что даст нам возможность освежить нашу работу.

Больше бдительности[1]

Товарищи судьи! На первый взгляд может показаться непонятным, почему дело двух скромных путевых обходчиков разбирает Верховный суд Союза советских социалистических республик. Но это только на первый взгляд. Недаром товарищ Сталин сказал, что «нет на транспорте людей ненужных или незначительных. Начиная от самых больших руководителей и кончая «малыми» работниками, вплоть до стрелочника, вплоть до смазчика, вплоть до уборщицы, — все велики, все значительны, ибо транспорт является конвейером, где важна работа каждого работника, каждого винтика».

И вот, на примере этого дела мы видим, как от путевых обходчиков зависит не только правильность и регулярность движения поездов, но и безопасность движения, и жизнь сотен людей.

Дело Бадикова и Соболькова является лучшим доказательством того, что чем более велики победы социалистического строительства, тем острее должна быть революционная бдительность. Враг, озлобленный своим разгромом, озлобленный победами социализма, идет на любую подлость, на любое преступление, чтобы напакостить советской власти, напакостить трудящимся.

Анализ дела, которое подвергалось подробному рассмотрению Верхсуда Союза, показывает это с исчерпывающей полнотой.

Перед нами два путевых обходчика Павелецкой линии Курской ж. д. — Бадиков и Собольков. Что они сделали?

---

[1] Обвинительная речь главного транспортного прокурора Союза Г. М. Сегала на заседании Транспортной коллегии Верхсуда СССР по делу путевых обходчиков Бадикова и Соболькова.

Бадиков 28 апреля этого года на перегоне Катино-Гагарино Павелецкой линии Курской ж. д. на 5-м пикете 621 км, около 9 часов утра, на 0,010 уклоне, на насыпи в 4½ метра высотой разрушил рельсовый стык, снял все болты и обе накладки.

При помощи эксперта суд установил, что если бы в это время со станции Гагарино вышел поезд, то ему потребовалось бы для покрытия расстояния между стан. Гагарино и местом разрушения стыка — всего каких-нибудь 3—5 минут. Мог ли, успел ли бы Бадиков до прохода поезда восстановить стык, если бы он увидел, что открылся семафор ст. Гагарино и оттуда вышел поезд. Нет, не мог, потому что, как мы установили точно, для того чтобы восстановить разрушенный Бадиковым стык, нужно было по крайней мере 15 минут, а между тем, в его распоряжении имелось бы всего 3—5 минут. Лучшее доказательство того, что это было именно так, заключается в том, что ко времени прохода дрезины Бадиков не восстановил стык; он успел заболтить только 2 болта. А ведь поезд, да еще под уклон, идет скорее, чем дрезина.

Ясное дело, восстановить путь он не мог бы. Он и ограждения разрушенного стыка не сделал, да и не мог сделать, потому что времени на это у него не было.

Отсюда совершенно ясно: если бы пошел поезд, а не дрезина, то этот поезд свалился бы под откос. В этом нет и не может быть никакого сомнения.

Знал ли Бадиков, пойдет поезд или дрезина? Он сказал, что расписания не знал, и ему совершенно не было известно, пойдет поезд или не пойдет. Таким образом, выходит, что Бадиков своими действиями совершенно сознательно и умышленно подготовил все условия для крушения поезда.

Злостность преступления Бадикова подчеркивается еще и тем, что когда он увидел, что идет дрезина, он ничего не сделал для ее остановки, а между тем при наличии в стыке всего 2 болтов могла погибнуть и дрезина.

Бадиков рассказывал суду, что мысль разобрать стык пришла ему в голову мгновенно, ни с того, ни с сего. Этому никто поверить не может. Так в жизни не бывает. При рассмотрении обстоятельств, которыми сопровождалось преступление Бадикова, мы приходим к выводу, что оно было заранее подготовлено и совершено не одним Бадиковым, а в соучастии с Гориным.

Перейду к другому подсудимому. Что сделал Собольков? В 3-м часу ночи с 6 на 7 мая 1936 г. на перегоне Ожерелье-Кашира Павелецкой линии Московско-Курской ж. д. на 0,011,5 уклоне, около мостика, на 3-метровой насыпи, Собольков вытащил все 6 болтов из стыка и расшил 4 шпалы. Собольков отлично понимал, на каком месте и в какой момент он это сделал. Он сам признал, что не случайно выбрал это место: он выбрал место, где все время идут закругления, где имеется крутой и затяжной уклон, где поезд развивает большую скорость, а видимость для машиниста небольшая.

Таким образом Собольков создал все условия для того, чтобы пассажирский поезд свалился под откос со всеми людьми, которые в этом поезде ехали. Вот что получилось бы, если бы поезд не остановился: оба паровоза, уткнувшись в мост, мгновенно превратились бы в мертвый тупик; вагоны, нагромождаясь и врезываясь один в другой, свалились бы под откос, и трудно себе представить, какая это была бы грандиозная катастрофа.

Приходится констатировать, что разрушительная работа, которая была проделана Собольковым, была сделана исключительно обдуманно и исключительно технически грамотно. Возьмите хотя бы выбор места. Лучшего места для крушения не придумаешь. Возьмите выбор нитки — была выбрана наружная нитка рельса на закруглении. Ясное дело, что не может быть лучшего условия для крушения, чем разрушение наружной нитки на кривой. Разболтив стык, Собольков расшил 4 шпалы, а из 5-й вытащил костыль наполовину. Это он сделал для того, чтобы создалось впечатление, что кто-то хотел вытащить еще костыль, но злоумышленнику помешали.

После этого Собольков создал довольно неплохо придуманную версию о том, что шел по пути, услышал стук, потом услышал два голоса и увидел 2 человек—одного в черной кепке и одного в серой кепке. Повидимому, он долго думал, чтобы эту историю создать. Это и подтверждается его собственными показаниями. Он показывал, что не сразу решил совершить преступление, а готовился к нему. Он даже репетицию делал. Он уже пробовал на этом самом месте вытащить костыль, чтобы посмотреть, как это получится.

Прямо поразительно, до чего тонко и обдуманно все это было сделано. Одно из двух, или у Соболькова голова очень грамотная, или тут была другая чрезвычайно грамотная голова, которая подсказала Соболькову, как действовать. В том и в другом случае приходится признать, что Собольков сделал все, чтобы вызвать грандиозное крушение пассажирского поезда № 73.

Какие же меры принимал Собольков к остановке поезда? Если, как я уже сказал, разрушение пути производилось им очень обдуманно и технически грамотно, то меры, которые он принимал к остановке поезда, были совершенно беспомощны. Он разложил петарды. Но как нужно раскладывать петарды? Петарды — это крайний способ предупреждения, и они действительны только в том случае, если расположены на достаточно солидном расстоянии, чтобы машинист мог, услышав их взрыв, остановить поезд. Петарды должны быть разложены на расстоянии 1200 метров от ограждаемого места. Он же разложил петарды всего на расстоянии 600 метров и там же стал давать сигналы. А эти сигналы машинист Малинин мог увидеть, при условии того профиля пути, который имеется на этом участке, при наличии окружающей растительности, всего только за 300 метров Таким образом, машинист Малинин мог заметить сигналы не больше, как на 900 метров от места разрушения пути. Не забывайте, что это происходит не на площадке, не на ровном месте, где поезд катится свободно и спокойно; это происходит на 0,011,5 затяжном уклоне, где поезд развивает большую скорость. Кроме того, поезд шел с опозданием, и машинист Малинин это опоздание старался нагнать и поэтому ехал со скоростью по крайней мере 50—55 км в час.

Если бы поезд не опоздал и если бы машинистом на паровозе ехал не т. Малинин, старый, опытный, испытанный и бдительный машинист, то ничто не могло бы предотвратить грандиозного крушения, грандиозной катастрофы.

Я представляю себе самочувствие т. Малинина, когда он увидел, над какой пропастью повис он сам, а с ним сотни человеческих жизней. Я думаю, что бдительность и преданность машиниста Курской дороги т. Малинина должна быть особо отмечена. Должно быть отмечено также образцовое отношение к делу главного кондуктора т. Верещака, который не растерялся в тяжелых условиях и не позволил Соболькову скрыть следы своего преступления. Когда Собольков хотел сразу же заболтить разболченный стык, Верещак сказал: нет, мы должны это дело расследовать; а кроме того, и нельзя собирать разболченный стык, когда нет соответствующих приборов — шаблона, уровня. Правильно сделал т. Верещак. Именно таким должен быть главный кондуктор, таким должен быть начальник поезда.

Я не могу не выразить свое изумление по поводу того, что газета Политотдела Курской ж. д. «Ударник Курской», вместо того чтобы использовать все это дело для поднятия революционной бдительности железнодорожников, вместо того чтобы дать противопоставление врагов, которые разрушают транспорт, героям железнодорожного транспорта, образцовым работникам, замалчивает этот процесс.

Я уже сказал, что в действиях Соболькова нас поражает контраст между обдуманностью и грамотностью разрушения пути и мизерностью мер, принятых к остановке поезда, а также глупостью объяснений, которые дает Собольков. Он великолепно учитывал и условия профиля, и возможность выписывания поезда из кривой и т. д. Прямо-таки инженерные знания проявил. А когда дело доходит до того, как он «предотвратил» крушение, то тут он проявляет поразительное скудоумие и глупость. Достаточно вспомнить, как Собольков утверждал, что никогда не допустил бы крушения, потому что смотрел на входной семафор ст. Кашира, который находился от него на расстоянии 800—900 метров. Всякий гражданин может часто видеть такую картину, что поезд останавливается у закрытого входного семафора. Это плохо, когда дежурный по станции держит поезд у закрытого семафора. Это результат нечеткости работы станции, результат отсутствия плана. Но таких случаев пока еще немало. Поэтому закрытое состояние входного семафора вовсе не означает, что на перегоне нет поезда.

Собольков это прекрасно понимает и просто глупостью можно назвать его наивные объяснения и наивные попытки доказать, что он не допустил бы крушения поезда, так как взирал на закрытый входной семафор ст. Кашира.

Вот что сделали Бадиков и Собольков, путевые обходчики, которых государство поставило как часовых для охраны социалистического железнодорожного пути.

Как объясняют Бадиков и Собольков свои действия? Бадиков и Собольков уверяют, что они сделали свое гнусное дело с целью показать свою ложную бдительность и получить премию за предотвращение крушения.

Если даже поверить, что это действительно было так, то и эта цель, о которой они говорят, достаточно подла, достаточно грязна. Собольков заявил суду, что хотел получить премию в несколько сот рублей. Так вот, для того чтобы получить несколько сот рублей, Собольков, по его же объяснению не остановился перед тем, чтобы обречь на верную гибель несколько сот человеческих жизней, — по рублю за человека. Это — по объяснениям, которые дают Собольков и Бадиков своим преступным действиям. Но эти объяснения остаются на их совести. Во всяком случае, они не подтверждаются их действиями. Действия их говорят о том, что оба они сделали все для крушения, сделали умышленно, сделали сознательно. Поэтому мы обязаны по всей совокупности обстоятельств дела делать вывод, что действия Бадикова и Соболькова могут быть объяснены только одной целью — сделать крушение. Пусть всякий подлец, который вздумает пойти по стопам Бадикова и Соболькова знает, что пролетарский суд не будет искать для него каких-либо смягчений или оправданий, а поступит с ними так, как поступают с врагами.

Тов. судьи, в советской печати опубликован Сталинский проект Конституции Советского Союза. Это всемирно исторического значения документ победившего социализма, великая хартия прав и обязанностей члена социалистического общества. Этот документ, разработанный под руководством великого вождя и друга трудящихся человечества товарища Сталина, результат великих побед социализма. Этот документ говорит о завоеванных в боях за социализм правах гражданина Советского союза — праве на труд: это не то лицемерное право на труд, о котором говорится в буржуазных конституциях; это — право, гарантированное работой: в Советском союзе нет и не может быть безработицы; право на отдых, право на образование — не голое, абстрактное право, а право, обеспеченное миллиардами ассигнований Советского государства на обязательное обучение, — право, обеспеченное тысячами учебных заведений, в которых учатся трудящиеся; действительное равноправие, независимое ни от национальности, ни от расы, ни от пола и т. д. Свобода слова, печати, собраний — в интересах трудящихся. Вот, товарищи, документ, который обрисовывает перед нами величественное здание социалистического общества. Этот документ вызвал великую радость и восторг трудящихся во всем мире. И он же вызвал звериную злобу врагов вовне и остатков классового врага внутри нашей страны, остатков еще не добитых, но тем более свирепых, тем более ожесточенных, тем более злобствующих. Как же им не злиться? Тут же сказано, что в Союзе ССР осуществляется принцип: от каждого по его способностям, каждому по его труду. Тут сказано, что труд является обязанностью каждого способного к труду гражданина, по принципу: кто не работает, тот не ест. Этот принцип бьет по самой душе капиталистического эксплоататорского общества. Поэтому понятно, поэтому естественно, что звериной злобой отвечают наши враги на Сталинский проект Конституции.

Но этот великий документ накладывает на граждан социалистического общества и почетные обязанности. Этот документ не говорит о том, что у нас уже окончилась классовая борьба; наоборот, он призывает трудящихся к величайшей классовой бдительности.

Ст. 130 проекта Конституции говорит: «Каждый гражданин СССР обязан соблюдать Конституцию Союза Советских Социалистических Республик, исполнять законы, блюсти дисциплину труда, честно относиться к обществен-

ному долгу, уважать правила социалистического общежития».

Ст. 131 говорит: «каждый гражданин СССР обязан беречь и укреплять общественную социалистическую собственность, как священную и неприкосновенную основу Советского строя, как источник богатства и могущества родины, как источник зажиточной и культурной жизни всех трудящихся. Лица, покушающиеся на общественную социалистическую собственность, являются врагами народа».

Товарищи судьи, разве не о Бадикове и Соболькове говорит ст. 131. Разве это не те самые враги народа, которые из гнусных и грязных побуждений не только не выполняли своего долга по охране соц. собственности, но совершили злодеяние, влекущее не только разрушение соц. собственности, но и возможную, вероятную, неминуемую гибель сотен советских граждан, сотен участников соц. строительства, членов социалистического общества?

Товарищи судьи, железнодорожный транспорт одержал великие победы под руководством своего железного наркома, лучшего Сталинского ученика Лазаря Моисеевича Кагановича. Страна, партия и правительство оценили заслуги железнодорожников. Сотни железнодорожников награждены высшими наградами Советского союза — орденами Ленина, Трудового Красного знамени, Знаком почета. Тысячи железнодорожников получили отличие в виде знака почетного железнодорожника. Это не даром. Заработали! Заработали славу, заработали уважение, заработали заслуженную гордость всего населения нашей великой социалистической державы советским железнодорожным транспортом.

Транспорт сейчас уже не является узким местом в нашем народном хозяйстве. Транспорт сейчас достаточно боеспособен, он готов удовлетворить любую потребность народного хозяйства, он в состоянии верой и правдой служить нашей советской социалистической родине в грозные дни, если на нас нападает враг.

Но мы не должны забывать ни на минуту, что враг тоже по-своему отвечает на эти успехи социалистического общества. Враг еще гнездится в порах железнодорожного транспорта и еще не выкорчеван оттуда. Это свидетельствует о том, что во многих звеньях транспорта еще нехватает бдительности, нехватает умения выловить, разоблачить классового врага, который все меры принимает к тому, чтобы подорвать успехи социалистического строительства, успехи транспорта. И главный метод работы врага на транспорте — организация крушений.

Есть прямые классовые враги, которые ищут удобного случая для того, чтобы дезорганизовать движение, чтобы устроить крушение. Не менее опасным является враг, который сидит в душе некоторых железнодорожников. Посмотришь — как будто бы человек свой, как будто бы не враг, а в душе у него еще крепко сидят остатки собственнического буржуазного сознания, являющегося злейшим врагом социализма. Мелкобуржуазная расхлябанность, наплевательское отношение к железной дисциплине, к святости сигнала, к графику движения, к расписанию, разве все это не враги социализма?

Кто такие Бадиков и Соболков? Не случайно эти люди и по их социальной физиономии и по их индивидуальной характеристике не принадлежат к числу пролетариев, не принадлежат к числу колхозников, активно участвующих в социалистическом строительстве. Как попал Бадиков на службу на железнодорожный транспорт? Мы выяснили, что он поступил в начале 1934 г. на Курскую ж. д. по рекомендации своего тестя. А тесть — контрреволюционный агитатор против колхозов, изгнанный с транспорта. Он устроил не только Бадикова, он протащил целую группу раскулаченных кулаков. Здесь выступал в качестве свидетеля дорожный мастер Крутилин; он знал тестя Бадикова, и, несмотря на то, что ему было известно, каким образом Бадиков попал на транспорт, он назначил его путевым обходчиком.

Брат Соболькова был раскулачен. Правда, может быть такое положение, что отец или брат раскулачены, а сам — честный гражданин, добросовестный работник.

Но здесь не тот случай, когда человек оторвался от чужой среды и сознательно и честно работает на пользу социализма. Каким образом Собольков ушел из колхоза? Он тут крутил, пытался вывернуться. А на предварительном следствии он прямо сказал: ушел потому, что коллективная жизнь мне не нравится. И такой человек попадает на железнодорожный транспорт на должность путевого обходчика.

Путевой обходчик — это человек, которому доверяет государство, который стоит на посту, чтобы охранять целость социалистического пути. От путевого обходчика зависит очень многое. Если он не усмотрел трещину на рельсе, если он не усмотрел, что разрушен стык, поезд летит под откос. Десятки людей могут погибнуть, на сотни и миллионы рублей социалистическое имущество может погибнуть. И все только потому, что путевой обходчик своевременно не заметил, что разрушен путь. Путевой обходчик на социалистическом транспорте — это часовой нашего социалистического пути, и на должность путевого обходчика нужно назначать только действительно проверенного человека, такого человека, которого можно поставить часовым с винтовкой в руках на любом важном посту.

А кого мы видим здесь в должности путевых обходчиков? Мы видим людей, которые вместо того чтобы быть часовыми социалистического пути — оказались его разрушителями. Если путевой обходчик по своей халатности не усмотрит, проглядит разрушение пути он — преступник. А если путевой обходчик делает так, как сделали Бадиков и Собольков, это — враг и изменник социалистической родины.

Товарищи судьи, я думаю, что нет ни одного честного железнодорожника, у которого нашлось хотя бы одно слово оправдания людям, сидящим здесь на скамье подсудимых. Этим людям не может быть пощады. Пусть не было крушения, пусть они принимали для видимости кое-какие меры для того, чтобы предотвратить крушение. Пусть они подавали сигналы, пусть это все так. Но их действия представляют собой злодеяние, создавшее такую грозную опасность не только для движения на железнодорожном транспорте, но и для сотен человеческих жизней, что они полностью заслужили наказание, предусмотренное ст. 59-6 УК.

О допросах

В работе следователя одно из основных мест занимает допрос. Говоря о высокой технике расследования, мы имеем в виду не только применение специальных научных приборов и специальных знаний (при вскрытии, анализе, экспертизе и т. д.), без чего следователь в определенных случаях бессилен справиться со своею задачею — раскрытием истины. Высокая техника расследования предполагает также овладение искусством допроса — искусством извлекать из памяти людей все воспринятое ими и имеющее значение для данного дела. Ибо какими бы объективными данными из мира мертвой природы ни располагал следователь при расследовании того или иного дела, не обойтись ему без связывающего и цементирующего в одно целое объяснения живого человека. И здесь в конечном итоге дело решают живые люди.

Но искусство допроса — далеко не легкое. Тут мы встречаем ряд серьезных затруднений: с одной стороны, добросовестное со стороны допрашиваемого заблуждение, вытекающее из способности не всякого восприять правильно события и факты, а также из особенности человеческой памяти растерять с течением времени ранее воспринятые впечатления. С другой стороны, мы сталкиваемся с сокрытием либо искажением фактов, направленными на умышленное запутывание следствия. Все это следователь должен учитывать, если хочет быть гарантирован от серьезных ошибок в своей работе.

Говоря о допросе лиц, проходящих по делу, мы имеем в виду три категории: потерпевших, свидетелей и обвиняемых.

Допросу потерпевшего следователь должен уделить исключительное внимание. Во-первых, никто физически не стоял ближе к событию преступления и никто так остро его не воспринял, как потерпевший. Кроме того, потерпевший обычно до начала и в самом процессе расследования проявляет личную инициативу в деле разоблачения виновного. Отсюда, как правило, следователь, не жалея времени, должен учинить ему подробный допрос и получить от него до мельчайших подробностей все данные, имеющиеся в его распоряжении. Тщательное и детальное выяснение обстоятельств совершенного преступления гарантирует следователя и от возможности быть введенным в заблуждение лжепотерпевшим, инсценирующим преступление. Не надо забывать, что вымысел может сойти за правду только в изображении его общими штрихами, общими местами («я его встретил вчера», «я был у него на квартире и застал там двух человек»), но вымысел этот рассеется как пыль, если подвергнуть его детализации («когда встретил, где, во что был одет, каково расположение квартиры, о чем шел разговор» и т. д.). Правдивый рассказ, отображение действительных фактов есть та же фотографическая пластинка, которая рядом с главным объектом не может не отобразить и всю окружающую побочную обстановку. Надо только умело через проверку отсеивать в этом отображении все наносное, вызываемое причинами непроизвольного характера (неточное восприятие, запамятование) либо субъективизмом потерпевшего, не всегда умеющего в своем положении пострадавшего лица сохранить полную беспристрастность.

Под проверкой показаний мы подразумеваем сличение передаваемых опрашиваемым событий и фактов со всеми данными, добываемыми следователем помимо него. Такими являются свидетельские показания других лиц либо имеющие отношение к расследуемым преступлениям материальные предметы (орудия преступления, следы преступления, документы и т. д.). Правдивое показание дает при таком сличении совпадение не только по основному событию, но и по привходящим обстоятельствам. Вот почему следователь, разматывая узел преступления, не должен пренебрегать выяснением таких обстоятельств, которые, хотя и безразличны с точки зрения определения состава преступления, все же являются точками, контролирующими степень правдивости допрашиваемого, — светляками, показывающими следователю путь, по которому ведет его допрашиваемый. Отсюда практический вывод: следователь при фиксировании побочных преступлению обстоятельств, излагаемых потерпевшим, должен остановиться на тех из них, которые, во-первых, так или иначе могут быть подвергнуты проверке, а, во-вторых, через проверку могут стать опорными пунктами при оценке степени правдивости рассказа потерпевшего о событии преступления.

Тот же принцип — установления контрольных пунктов — должен быть проведен и при допросе свидетелей. Последних, по степени их активности в деле выяснения истины, можно было бы разбить на три категории: 1) свидетелей, добросовестно излагающих ход событий так, как они их восприняли; 2) свидетелей, явно замазывающих известные им обстоятельства дела либо вносящих вымысел с целью обелить обвиняемого или, по крайней мере облегчить его участь, и 3) свидетелей, умышленно действующих против обвиняемого.

Добросовестному свидетелю следователю останется только помочь как можно полнее воспроизвести те или иные моменты расследуемого преступления, опять-таки неизменно строя допрос в сторону возможной последующей проверки излагаемых свидетелем обстоятельств. Помощь следователя тут должна выразиться, главным образом, в постановке вопросов, вызывающих по ассоциации в памяти свидетеля образы, факты и т. д., забытые им либо пропущенные при даче своих показаний.

Такие вопросы ни в какой мере не должно смешивать с наводящими, являющимися вопросами только по форме, а по сути содержащими уже готовый ответ, нуждающийся только в подтверждении его допрашиваемым. Наводящие вопросы — это оружие обоюдоострое: с одной стороны, они как будто приближают следователя к желанной цели, к скорейшему установлению картины преступления, с другой же стороны, поставленные так вопросы часто и предопределяют ответы, далеко расходящиеся с действительным положением вещей. Ибо нет ничего опаснее для дела выяснения истины, как подсказывание свидетелю определенных ответов — подсказывание, по сути, де-

монстрирующее перед опрашиваемым односторонний подход следователя в данном деле и желание его во чтобы то ни стало получить именно такой, а не иной ответ. Следователь, безусловно, должен затратить максимум энергии в своем стремлении во чтобы то ни стало воспроизвести истинную картину преступления, тем более там, где речь идет о совершении социально-опасного явления, имеющем свои корни в происках классового врага. Советский следователь должен, как учит нас тов. Ленин, допрашивать с пристрастием, т. е. вложить всю душу в дело обнаружения и всестороннего освещения перед судом врага социалистического нашего строительства. Но из этого вовсе не следует, что всякая гипотеза (предположение) следователя, в которую он сам уверовал, обязательно, наперекор действительным фактам, должна быть подтверждена свидетелями. Следователь должен помнить, что и среди добросовестных свидетелей встречается элемент недостаточно устойчивый, готовый в угоду следователю дать такое показание, какое последнему желательно, считая, что это, пожалуй, будет безопаснее. Нечего говорить о том свидетеле, который пришел на следствие с явным намерением его запутать и тут — в лице следователя, увлекшегося односторонним расследованием дела, — нашел, пусть объективно, но все же своего единомышленника и проводника преступных своих намерений.

Опасность быть использованным лжесвидетелем тем серьезнее для следователя, если он хотя бы на миг забывает ту обстановку заостренной классовой борьбы, в которой ему приходится действовать. Вот почему нельзя всех свидетелей подвести под одну рубрику. Нельзя расценивать их показаний с точки зрения абстрактного (отвлеченного) понятия свидетеля. Классовая бдительность следователя диктует ему необходимость детально выяснить физиономию, классовую принадлежность и связь с чуждым элементом свидетеля, стоящего перед ним на следствии. Следователь, пренебрегающий этим, легко может сделаться жертвой происков классового врага и, вместо разоблачения последнего, играть ему на-руку.

То же самое следует сказать и о потерпевшем.

Что касается очередности вопросов свидетелей, то при наличии нескольких свидетелей следователю следует придерживаться определенного плана. Как правило, раньше должны допрашиваться свидетели обвинения (если, конечно, они заранее известны как таковые), учитывая, что дело сохранения тайны показаний более обеспечено со стороны свидетелей обвинения, чем свидетелей защиты, нередко склонных передать обвиняемому еще до окончания следствия содержание своих показаний. Вообще свидетели обвинения должны быть допрошены как можно скорее, по горячим следам, во избежание возможных случаев обработки их обвиняемым, его родственниками, либо одномышленниками. На очередность допроса должно влиять также стремление следователя к расследованию дела в стройном порядке — по определенным эпизодам. Наконец, составляя план допросов, нужно учесть и другие обстоятельства, как-то: местожительство свидетеля, возможность его отлучки с работы и т. д.

Чтобы закончить со свидетелями, надо еще указать на порядок внешнего оформления их показаний, играющий большую роль для сути дела.

Речь идет об использовании свидетелем своего права, согласно примечанию 2 к ст. 165 УПК УССР, собственноручно написать свой протокол. Надо прямо сказать, что следователи наши злоупотребляют этим примечанием УПК. Подчас подменивая **желание** свидетеля **предложением** ему изложить на письме свои показания. В итоге получается поверхностный обходящий острые углы и по существу малоценный протокол, иногда очень слабо отражающий действительный допрос, учиненный свидетелю следователем. Мы тут имеем еще более безобразные факты, — опять-таки вытекающие из порой нездорового стремления следователя форсировать следствие, — когда следователь серьезного допроса и не чинит свидетелю, а, задавши ему пару вопросов, сажает его (а иногда сразу 2—3 человек) за свой стол и предлагает им написать «все, что им известно по делу». Ясно, что свидетель, предоставленный самому себе, большей частью ничего ценного дать не может и что такое ведение следствия иначе как профанацией назвать нельзя. С этим злом надо покончить.

Надо еще добавить, что не все следователи, которые хотя и детально опрашивают свидетеля и сами фиксируют его показания, уясняют себе значение требования ч. 2 ст. 162 УПК УССР, — записывать показания, по мере возможности, дословно. Не говоря уже о том, что вольная передача показаний свидетеля может привести к искажению мысли последнего, но ценность дословного изложения заключается еще в убедительности и бесповоротности этого показания для самого свидетеля, который никогда не сможет от него уйти на суде.

Теперь о допросе обвиняемого. Мы обсуждаем его последним вовсе не потому, что придаем этому допросу второстепенное значение. Наоборот, о допросе этой категории лиц необходимо сказать подробнее, учитывая частую недооценку отдельными следователями значения показаний обвиняемого для исхода дела.

В основе этой недооценки лежит некритическое отношение к первичным материалам, оправдываемое представлением о вероятной виновности привлеченного к следствию по одному уже тому факту, что именно он, а не кто-либо другой заподозрен по данному делу. А раз он виновен, незачем тратить напрасно время и энергию на выслушивание, записывание и проверку его объяснений. Нечего и говорить о том, что такой взгляд ничего общего не имеет с духом нашего советского законодательства, построенного на учении коммунистической партии о человеке, как о высшей ценности, ничего общего не имеет с указанием товарища Сталина о чутком отношении к человеку. Поверхностный подход к объяснениям обвиняемого, при неприятном для него стечении обстоятельств и искуственном создании вокруг него обвинения, приводит к напрасному отрыву от производства, от нормальной личной жизни невиновного человека и дискредитирует органы юстиции в глазах широких трудящихся масс. Легкое же отношение к показаниям и «объяснениям» действительного преступника, оставление их без проверки и опровержении использовывается им на суде, как факт недостаточной доказанности его вины, что влечет за собой направление дела на доследование. А ведь каждый из нас, судебных работников, прекрас-

но знает, что доследованное дело — это, если можно так выразиться, полутруп. И это понятно, так как быстрые темпы нашего движения вперед ставят каждодневно перед нами новые актуальные задачи, отодвигая на задний план и делая устарелыми задачи вчерашнего дня. Всякий судебный процесс есть политическая акция, долженствующая сыграть свою роль именно в данный момент и именно в данной обстановке. Вот почему самую резкую оценку должен получить тот следователь, который небрежным, «архиреволюционным» («что с таким негодяем разговаривать») подходом к обвиняемому, по сути, срывает дело своевременной борьбы с теми или иными вылазками классового врага. Больше того, следователь должен помнить, что чем крупнее пойманный враг, тем крепче нужно его связать, дабы этим самым дать суду возможность быстрым и метким ударом по классовому врагу мобилизовать массу на скорейшее преодоление его сопротивления.

Какой практической вывод отсюда следует? Следователь самым внимательным образом должен выслушивать обвиняемого и самым добросовестным образом проверять его показания. Быстрота следствия — одно из основных требований, которое сейчас ставится перед следователем всем ходом нашей жизни, и наше требование добросовестной проверки объяснений обвиняемого не должно итти за счет снижения темпов расследования. Точно так же проверка объяснений обвиняемого не значит, что обвиняемый, с целью оттягивания процесса, может выдвигать бесконечное число разных несущественных для дела объяснений, а следователь, плетясь в хвосте, должен без конца их проверять. Но нельзя ударяться и в другую крайность, как это делают некоторые наши следователи: собирают по делу доказательства, достаточные на их взгляд, для предания обвиняемого суду, после чего преъявляют заподозренному обвинение, допрашивают и тут же предъявляют следствие, оставив без всякого внимания все возражения, порой очень серьезные, обвиняемого и его требования путем осмотра материалов либо опроса таких-то лиц проверить правильность его утверждений. К чему ведет это, мы уже выше говорили и повторяться не будем.

На наш взгляд, как правило, привлеченного к следствию надо допросить до предъявления ему обвинения, как заподозренного. Конечно, допросить нужно на определенном этапе следствия — с учетом возможности, что после такого допроса он может помешать дальнейшему ходу следствия. Объяснения заподозренного надо проверять и, в зависимости от результатов проверки, давать делу то или иное направление.

Практика показывает и другой уклон следователя — чрезмерное доверие к обвиняемому, когда он признает себя виновным. Следователь считает это достаточным для направления дела в суд, забывая, что иной раз обвиняемый умышленно признает себя виновным частично с целью скрыть более серьезные свои преступления. А главное, при построении следователем обвинения исключительно на голом, объективно ничем не подтвержденном, признании обвиняемого, нет гарантии, что он на суде не откажется от своих прежних показаний и дело неминуемо закончится провалом. Во избежание подобных сюрпризов, следователь, не ограничиваясь признанием обвиняемого, должен вести допрос его в сторону выяснения ряда объективных обстоятельств, которые он обязан потом проверить и таким образом окончательно закрепить обвинительный материал.

Наконец, об очной ставке на предварительном следствии. Практика показывает, что очные ставки редко дают положительный эффект — признание со стороны обвиняемого. Правда, очная ставка, и при отрицании обвиняемым какого-либо факта, почти всегда безошибочно показывает проводящему ставку, на чьей стороне правда. Тут роль играют выражение лица, сила натиска друг на друга сведенных на очную ставку и т. п. нюансы, которые, к сожалению, следователь на письме не всегда может передать. Для состава же суда остается мертвый протокол, в котором указано, что сведенные на очную ставку лица остались каждый при своем утверждении. Но повторять очную ставку для суда мало смысла, свежесть такой очной ставки уже потеряна, поскольку она состоялась на предварительном следствии, которое в данном случае явилось для обвиняемого своего рода репетицией, подготовившей его к исполнению более выдержанно своей роли на суде.

К очным ставкам следователь должен прибегать лишь в крайне необходимых случаях.

А. Либерман

О судебном надзоре

В №№ 3 и 5 журнала «Социалистическая законность» напечатаны «Заметки о судебном надзоре» т. С. Березовской. Надо сказать, что автор и редакция журнала своевременно поставили этот очень важный для данного момента вопрос. В переживаемую нами Сталинскую эпоху самого внимательного и заботливого отношения к каждому гражданину нашей великой социалистической родины каждый приговор суда, вынесенный с нарушением этого принципа, должен привлечь к себе сугубое внимание органов судебного надзора, и отмена или исправление его должно последовать в кратчайший срок.

Права т. Березовская, когда она говорит: «Задачи органов суда и прокуратуры, занимающихся судебно-надзорной работой, сводятся не только к исправлению ошибок по отдельным делам, но и к исправлению работы судов, допускающих эти ошибки». Но к этому можно еще добавить, что плохая судебно-надзорная работа вредна вдвойне: она не только не устраняет отдельных ошибок и неправильностей, но, не устраняя их, тем самым множит их число в дальнейшем, способствуя превращению единичных ошибок в систему неправильных осуждений, систему игнорирования прав подсудимого, забвения великого ло-

зунга вождя народов Союза ССР о заботливом отношении к самому ценному капиталу — советским людям.

Отсюда — огромнейшая важность работы судебно-надзорных органов. Как же она проводится?

Приведу несколько примеров из ленинградской практики.

Народный суд Октябрьского района приговорил помощника завмага Родзика по ст. 109 УК к 2 годам лишения свободы и присудил с него в пользу истца около 4 тыс. руб. Обвинительный приговор был построен на противоречивых и не проверенных полностью на суде свидетельских показаниях. Завмаг Хрисанфов, один из главных свидетелей обвинения, даже не был вызван в суд. Приобщенные в конце предварительного расследования счета не были подвергнуты необходимой проверке, между тем как внимательный просмотр их сразу поставил бы под сомнение не только размер гражданского иска, но и выдвинутое против Родзика обвинение. Однако, кассационная коллегия Ленинградского областного суда нашла возможным приговор оставить в силе и лишь гражданский иск передать на новое рассмотрение. Родзик, все время отрицавший свою вину, кинулся к райпрокурору. Пом. прокурора Октябрьского района Брянский затребовал дело из нарсуда. Там сразу задержали дело для пересмотра гражданского иска; иска, впрочем не рассмотрели. Наконец прислали дело. Но тут т. Брянский узрел, что приговор еще не приведен в исполнение. Не выдержало его прокурорское сердце. Немедленно он вернул дело обратно, не удосужившись тут же познакомиться с ним, на что, кстати, требовалось очень немного времени. Приговор был приведен в исполнение. Преступник Родзик больше не разгуливает на свободе. Но тут, как на грех, обнаруживается, что завмаг Хрисанфов и еще кое-кто из «свидетелей» являются подлинными расхитителями. Их привлекают, потом судят. Тов. Брянский тем временем знакомится с делом Родзика, находит его жалобу основательной и через 5 недель после подачи жалобы пишет протест в президиум облсуда (что он мог бы сделать максимум через 5 дней, если бы не отнесся бюрократически к жалобе живого человека). Еще через 8 дней президиум облсуда приговор отменил. Благодаря несовершенству аппарата, потребовалось еще около месяца, чтобы Родзик, отбывавший наказание всего в нескольких стах километров от Ленинграда, был освобожден, пробыв зря под арестом два месяца. А в это время жена его мучилась дома с маленьким ребенком. Если прибавить, что Родзик — выдвиженец из рабочих, кандидат в члены ВКП(б), имеет большой производственный стаж с прекрасными характеристиками, ранее не судился, то станет ясным, что в данном случае, хотя и окончившемся благополучно, проявлено было глубокое забвение заботы о человеке.

Нарсуд Смольнинского района 2 июля 1934 г. рассмотрел дело группы работников общественного питания Смольнинского и Центрального районов. Из 15 обвиняемых явилось только 12, из которых главные были осуждены по закону от 7 августа 1932 г., а остальные по ст.ст. 109, 111 и 120 УК к лишению свободы и и.-т. работам. Среди трех не явившихся в суд обвиняемых был кладовщик одной столовой — Мысиков. Повестка с вызовом в суд была отправлена ему по его старому адресу, хотя в деле имелся и новый адрес. Вот в 1936 году, он получает повестку по новому адресу. Каким-то образом давно забытое дело было извлечено из архива, и ровно через 20 месяцев после осуждения основной группы привлеченных по этому делу лиц Мысиков предстал перед тем же нарсудом. Мысикову всего 25 лет, никогда он не был в суде. Естественно, что «ходатайств не заявлено» им в судебном заседании, как о том бесстрастно гласит судебный протокол. Между тем, ему, кроме злоупотребления по приему партии овощей, инкриминировалась недостача по кладовой, выведенная в 1934 г. без него в тот момент, когда он находился в предварительном заключении по этому же делу, а у него имелся документ на отпуск овощей; необходима была, вообще, бухгалтерская экспертиза, нужны были свидетели. Но где же ему разбираться в этих «тонкостях». К его чести, впрочем, надо сказать, что и нарсудья Киселевский не счел необходимым в них разбираться, и, имея перед собой одного Мысикова, при отсутствии не только свидетелей, но и гражданского истца по давным-давно предъявленному иску, поспешил тут же в судебном зале огласить приговор, по которому Мысикову дается 3 года лишения свободы и взыскивается с него 1068 руб. Получив такую «порцию», Мысиков спохватился: а как же с тем товаром, что я отпустил по записке перед самым арестом, да и почему завхоз Марков, осужденный еще за другую операцию, получил в 1934 г. 10 месяцев и.-т. работ по месту службы, а я в 1936 г.— три года тюрьмы. Эти вопросы, изложенные в кассжалобе, попали в судебно-кассационную коллегию облсуда, которая поступила, по сравнению с предыдущими случаями, шиворот-навыворот. Если там нельзя было передать гражданского иска на новое рассмотрение, не передав всего дела на дополнительное расследование, то здесь, при необходимости проверить гражданский иск бухгалтерской экспертизой, оставляя гражданский иск в силе, коллегия, исходя из давности дела и незначительности (!) ущерба, понизила меру наказания до 1 года и.-т. работ, причем порядок отбывания их не был объявлен при оглашении определения (при котором, между прочим, сказано было об исключении из приговора ст. 116, которой в приговоре и не было), а затем написано было «при НКВД». Защитник Мысикова обратился тогда с жалобой к пом. прокурора Смольнинского района т. Ерофееву. Тот обещал затребовать дело. И действительно затребовал. Полтора месяца дело находится в прокуратуре. Канцелярия отвечает на все запросы, что Ерофеев еще не дал заключения. Наконец, по телефонному запросу, обращенному непосредственно к нему, Ерофеев предлагает защитнику заехать в прокуратуру. Оказывается, Ерофеев не знает, где это дело. Через несколько минут, однако, выясняется, что рядом на окне это дело лежит себе совершенно спокойно, не подозревая о том, что его ищут... Ерофеев обещает через три дня дать ответ на жалобу. Через неделю защитник, не дожидаясь ответа, снова звонит Ерофееву. Ответ его краток: «Пишу протест». Проходит, однако, не менее месяца, и защитник неожиданно получает длинное постановление прокурора Дзержинского (бывш. Смольнинского) района т. Романовского об... оставлении жалобы без удовлет-

ния. При этом из мотивировки постановления отчетливо видно, что автор его не только не вник в дело, но и с жалобой не ознакомился, так как приписывает жалобщику смехотворную аргументацию, игнорируя действительную его аргументацию. Но «дальше в лес больше дров». В ответ на жалобу областному прокурору (в которой все это указано) очень быстро последовал краткий отказ пом. областного прокурора, тов. Филиппова, мотивированный тем, что «мера наказания соответствует составу преступления, и дело по существу разрешено правильно». Такой ответ, конечно, можно было дать скоро, так как для него не надо было требовать дело. Но что касается жалобы, то она и на сей раз, пожалуй, осталась непрочитанной... Впрочем, на этот счет т. Березовская правильно подметила в своих «Заметках» («Соц. законность» № 5): «Для того чтобы иметь надежду на проверку дела в порядке надзора, обвиняемые должны всеми силами стараться не получить по суду и.-т. работ или, «боже упаси», еще более мягкого наказания. Почти никого таким делом не заинтересуешь». Действительно, хоть проси запрятать поглубже...

Лучшей иллюстрацией правильности этой мысли может служить случай с Николаем Блинниковым. Он имел несчастье повеселиться у себя на квартире вместе со своим братом Иваном и другими знакомыми. Между гостями произошло столкновение. Иван Блинников кого-то ударил. Другие тоже были «на высоте». Про Николая говорится в материалах дела, что он «со стула не вставал». Между тем, нарсуд Василеостровского района именно его осудил по ч. 1 ст. 143 УК к 1 году и.-т. работ с удержанием 25% из его заработка (благо брат его Иван в суд не явился). Кассационная коллегия облсуда нашла возможным прекратить дело в отношении другого осужденного, который показывал, что был пьян, и, возможно, даже угрожал представителям домоуправления, явившимся после драки, в отношении же Николая Блинникова приговор оставила в силе. Пом. прокурора Василеостровского района т. Мартынов оставил жалобу Блинникова без последствий по тому основанию, что его вина доказана материалами дела. Старший пом. облпрокурора тов. Попов, отклоняя жалобу, был совсем лаконичен. Он сообщает, что «соглашается с мотивами, изложенными в постановлении райпрокурора от 10 марта 1936 г.». После этого была послана жалоба прокурору РСФСР, но вот уже третий месяц пошел, а ответа, несмотря на запрос о судьбе жалобы, все еще нет. Делу скоро будет год, Блинников скоро отбудет свой год и.-т. работ. Но никому не интересно вникнуть в это дело. В самом деле, речь идет о каких-то и.-т. работах.

Зато, если человек осужден за хулиганство, его и осуждение к лишению свободы не «спасет», в том смысле, чтобы его делом можно было заинтересовать надзорные органы. Здесь, как отмечалось уже в нашей юридической прессе, к сожалению, крепко укоренился шаблон. Вот дело Бакаева. 22-летний рабочий, комсомолец. Осужден тем же Василеостровским нарсудом по ч. 2, ст. 74 УК к 2 годам лишения свободы. Зимой с горушки катались ребята. Внизу произошла стычка. Целая орава погналась за Бакаевым, как за виновником стычки. Спасаясь от погони, он забежал во двор дома и, схватив попавшееся на пути полено, бросил его в сторону нападавших, но попал в постороннего человека. Взяли сначала не Бакаева, а другого. Узнав об этом, он сразу пошел в милицию и заявил, что полено бросил он. Задержанного отпустили и заведенное на него дело «перезавели» на Бакаева. При таких условиях, если даже признать его виновным (а Бакаев отрицал свою вину в стычке у горушки, и свидетельские показания были противоречивы, да и защищаться ему, в конце-концов, надо было), злостным хулиганом считать его, казалось бы, нет оснований. И вряд ли есть основания для применения ст. 74, ч. II УК. Все же приговор был оставлен в силе КК облсуда. Районный прокурор отклонил жалобу. Дальше уж не жаловались. Раз идет речь о хулиганстве, кто же будет вмешиваться. Пусть посидит...

Приведенные примеры ярко характеризуют то ненадлежащее отношение к делу, на которое иногда наталкиваются жалобщики в наших надзорных органах. Не являются редкостью и такие случаи, когда ответа на жалобу не дождаться никак. Особенно это относится к центральной прокуратуре и к Верхсуду РСФСР. В 1935 г. я обратился к председателю Верхсуда с жалобой по одному делу нарсуда одного из районов Ленинградской области. Я получил ответ секретаря зам. председателя, что жалоба не будет рассмотрена, пока не пришлю копию приговора. Ее у меня не было. Потом я случайно ее достал и послал. Ответа до сих пор нет.

Работу аппарата, безусловно, надо улучшить.

В своей речи на 54 пленуме Верхсуда Союза ССР 23 марта 1936 г. т. Вышинский сказал: «Судам нужно отказаться от приема жалоб и жалобщиков, оставив эту функцию за одной прокуратурой» («Соц. законность», № 4, 1936, стр. 5). Может быть, действительно, будет меньше надзорных органов, да они лучше будут осуществлять свой надзор. Правда, для этого потребуется изменение ст. 440 УПК.

В этой связи вспоминается, как т. Крыленко, выступая 19 февраля 1936 г. на совещании работников юстиции Ленинградской области, ответил на реплику одного районного прокурора, что предполагается лишить их права истребования дел. Мне представляется, что, действительно, во многих случаях районный прокурор является лишней инстанцией, которую вынуждены пройти жалобщики, не надеясь на опротестование им приговора, вынесенного при его участии. Да и по ст. 440 УПК он лишен права приостановить исполнение приговора. Поэтому, мне кажется, надо было бы установить, что районный прокурор вправе истребовать дело и принести протест, но осужденный не обязан с первоначальной жалобой в порядке надзора обращаться к нему и точно так же не обязан обращаться в областную прокуратуру, если приговор или определение вынесены с участием ее представителя.

М. Хватовкер

Своевременно[1]

Тов. Вышинский неоднократно подымал и ставил вопрос о коллегии защитников. Им же выдвинут вопрос о допущении защиты в подготовительных заседаниях суда.

Тов. Крыленко при обсуждении вопроса в президиуме Верхсуда о непорядках в Московской коллегии защитников сказал, что все это происходит от того, что институт коллегии защитников не дооценивается в общей системе судебных учреждений.

В журнале «Социалистическая законность» и в «Советской юстиции» за последнее время были помещены статьи защитников по вопросу о допущении защиты в подготовительных заседаниях.

Надо думать, что редакции придают этому вопросу большое значение и поставили его в дискуссионном порядке.

В Сталинском проекте Конституции защите также отводится весьма почетное место.

Согласно ст. 111 Конституции разбирательство дел во всех судах Союза ССР открытое, поскольку законом не предусмотрены исключения, с обеспечением обвиняемому права на защиту. Каждый гражданин, привлеченный к суду, может всегда рассчитывать на защиту.

Таков смысл и содержание ст. 111 Конституции. Таким образом, роль и значение советского защитника увеличиваются.

Быть советским защитником — чрезвычайно большое и почетное звание.

Это обязывает защитника быть исключительно квалифицированным юристом и политически грамотным.

Мало того, вся работа защиты должна во всех республиках, областях исходить из одного общего начала.

Между тем, если внимательно присмотреться к работе защитников, этого сказать нельзя. Не приходится уже говорить об отдельных республиках, но и в разных областях и даже районах каждая коллегия действует и работает за свой страх и риск. Недопустимое разнообразие в работе существует в разных местах.

Это дает свои плачевные результаты: история с Московской коллегией (это в самом центре!), Украинской, судебное дело Горьковской коллегии и т. д.

В настоящий момент обсуждается вопрос о самой организации защиты. Какая форма организации должна быть: коллективная, индивидуальная. Даже вопрос о коллективной форме может быть разрешен по-разному. Быть ли форме централизованной, как, например, в Ленинграде, или должны быть небольшие отдельные коллективы на добровольных началах.

Все эти вопросы решаются и разрешаются без прямого участия защиты, которая больше всего заинтересована в правильной и надлежащей ее организации. Помимо этого, актуальнейшего вопроса жизни коллегии защитников, имеются и другие важные и кровные интересы.

Правильная оплата труда защитников, специализация, такса играют также немаловажную роль в правильной работе защиты.

Между тем каждый город решает эти вопросы по-своему. Еще более важное значение имеют методы работы, способ защиты, ведение дел, массовая работа, пропаганда права и пр.

До настоящего времени у защиты не было места обмена опытом, не было организованного обсуждения всех этих первейшей важности вопросов.

Все профессии собираются на конференции, съезды и сообща разрешают вопросы. Сколько было съездов врачей за существование советской власти. Пожалуй, больше, чем за весь дореволюционный период. Все важные вопросы там были разрешены и проведены в жизнь.

Съезды инженеров разных специальностей сыграли огромнейшую роль в развитии нашей социалистической промышленности и строительства.

Одни лишь ЧКЗ действовали вразброд, каждый в одиночку. Сейчас это не может продолжаться и не может быть больше терпимо.

Каждый новый закон, каждое постановление разрешается ЧКЗ в самой гуще массы. К нам, защитникам, обращаются со всеми своими печалями и недоразумениями граждане. И мы им разъясняем содержание и смысл закона.

А имеются законы, требующие безусловного однообразного понимания их и единообразного толкования.

В работе защиты имеются достижения, но имеются, несомненно, и значительные недостатки. Их надо изжить.

Вот почему своевременно созвать совещание защитников.

На этом совещании должны быть поставлены актуальные вопросы и приняты соответствующие решения.

Совещание должно пройти под руководством и при самом ближайшем участии высших органов суда и прокуратуры.

Постановления этого совещания дадут основной фундамент для правильного и целесообразного решения основных и актуальных вопросов жизни защиты.

[1] В порядке предложения.

Жгутов

К вопросу возбуждения уголовного преследования[1]

Постановлением Наркомюста РСФСР от 23 августа 1933 г. запрещено райпрокурорам передавать следователям для расследования материалы, в которых нет указания на конкретные факты преступлений, а в случаях неясности по имеющимся материалам вопроса о наличии или отсутствии оснований для возбуждения уголовного дела обязанность первичной проверки и пополнения этого материала лежит непосредственно на прокуроре. Следователю

[1] В порядке обсуждения. — **Редакция.**

может передаваться лишь материал, содержащий определенные указания на конкретные факты преступления.

Этот пункт постановления является существенным мероприятием в деле освобождения следователя от исполнения несвойственных ему функций, а следовательно, и улучшения качества следствия.

Однако на местах (я имею в виду Калининскую область) среди большинства следователей и прокуроров нет единой практики в части проведения в жизнь этого постановления по крайней мере в трех и по моему основных вопросах, а именно:

1. Являются ли те или иные первичные материалы достаточными для возбуждения уголовного преследования или требуют так называемой последственной проверки?

2. В чем заключается эта доследственная проверка и отличие ее от процессуальных следственных действий?

3. Должен ли, а если должен, то в каких случаях, производить доследственную проверку следователь?

Безусловно есть достаточно много материалов, поступающих на распоряжение следователей с конкретными указаниями состава преступления, а иногда и лиц, совершивших эти преступления, но нередко прокуроры передают материалы, которые таких указаний не содержат, а если и содержат, то для подкрепления требуют проверки и пополнения.

Привести такого рода материалы по видам преступлений невозможно, так как они очень разнообразны, и каждый из них имеет специфические особенности, но я хочу остановиться для иллюстрации общего положения на нескольких конкретных примерах, чаще всего встречающихся в практике следователей.

Пример 1. Прокурор передал следователю материал с предложением провести следствие, заключающееся в акте или товарном отчете по магазину за определенное время, указывающий на недостачу ценностей в магазине на солидную сумму, причем из материала, усматривается, что сумма недостачи не уточнена, так как материально ответственное лицо при ревизии не участвовало.

Можно ли признать такой материал достаточным для того, чтобы приступить к расследованию? Безусловно нет, так как показанная в акте или отчете сумма недостачи не является достоверной, и в большинстве своем первое действие, вытекающее из такого материала, должно заключаться в назначении повторной ревизии с обязательным присутствием подозреваемого, что обязан, в соответствии с постановлением НКЮ от 11 декабря 1935 г., сделать прокурор до передачи материала следователю.

Пример 2. Прокурор передал следователю годовой баланс предприятия, свидетельствующий о том, что это предприятие понесло за год крупный убыток.

Можно ли признать такой материал достаточным для того, чтобы приступить к расследованию?

Безусловно нет, так как наличие убытка, понесенного предприятием, далеко не во всех случаях является результатом преступной деятельности тех или иных лиц.

В данном случае, как и в первом, на обязанности прокурора лежит силами того предприятия или специально им назначенных лиц произвести расшифровку суммы убытка.

Пример 3. Прокурор передал следователю акт Ревкомиссии колхоза о недостаче у казначея денег. В акте указывается, что счетоводство запущено, некоторые счета не выверены и т. д.

Можно ли признать такой материал достаточным для того, чтобы приступить к расследованию? Безусловно нет. Как и в предыдущих случаях прокурор обязан распорядиться о приведении в порядок счетоводства и о назначении новой ревизии.

Наряду с этим есть категории первичных материалов, не содержащих в себе прямых указаний на наличие или отсутствие признаков преступления, однако было бы ошибочным, если бы следователи стали на путь отказа в принятии таких материалов к расследованию по основаниям, отмеченным в названном выше пункте постановления НКЮ.

К этой категории нужно отнести материалы, которые требуют подчас немедленного вмешательства следственных властей и тщательного расследования.

Это дела о самоубийствах, несчастных случаях на строительствах, производствах, об изнасиловании, о производстве абортов и др.

В чем же заключается доследственная проверка, которую на практике нередко превращают в обыкновенные следственные действия?

Доследственная проверка ставит себе целью избежание ненужного, необоснованного дерганья трудящихся на допросы, необоснованного возбуждения против них уголовных преступлений и т. п.

Можно ли назвать доследственной проверкой, например, действия нарследователя Емельяновского района т. Смирнова, заключавшиеся в том, что по сообщению РО НКВД, подозревавшего мельника в краже муки с мельницы, Смирнов, не возбуждая уголовного преследования, допросил с соблюдением всех процессуальных правил в качестве свидетелей 7 человек? Ничего общего с доследственной проверкой это не имеет.

Этот материал, по существу являющийся следственным делом, следователь считает «проверочным материалом», и исход его, по мнению следователя, возможен двоякий:

1. Если следователь придет к выводу, что сообщение не подтверждено, он прекратит дальнейшую проверку.

2. Если сообщение таким путем будет подтверждено, то он поспешит вынести постановление о возбуждении уголовного преследования против конкретных виновников и следом же предъявит им обвинение.

Такого рода практика «доследственной проверки» есть не что иное, как метод искусственного снижения процента брака и искусственного сокращения сроков в работе следователя.

Должен ли следователь производить доследственную проверку и в каких случаях?

По моему мнению, должен, но только в тех случаях, когда первичный материал, требующий пополнения, поступил непосредственно к нему, минуя прокурора. Но эта обязанность сама по себе предполагает предоставление права следователю на назначение ревизий, т. е. того права, которое по постановлению НКЮ от 11 декабря 1935 г. предоставлено пока только прокурору.

Памяти тов. Л. А. Гребнева

28 июля с. г. умер прокурор Московской области, член ЦИК Союза ССР Леонид Александрович Гребнев.

Тов. Гребнев пробыл на этом посту ровно три года.

Еще будучи учеником Уральского Горного училища в Свердловске в 1905—1906 гг. тов. Гребнев уже принимал участие в работах подпольного кружка, а затем и организации РСДРП (большевиков), выполняя ответственные партийные задания.

Получив крепкую большевистскую закалку в уральской партийной организации, руководимой в то время Я. М. Свердловым, тов. Гребнев был избран в 1906 г. членом екатеринбургского окружного комитета РСДРП(б).

Жестокие пытки, тюрьму и отправку в николаевские арестантские роты, бывшие в то время штрафной тюрьмой для тех большевиков, которых не сломила обыкновенная царская тюрьма, — все это перенес т. Гребнев, оставшись стойким уральским большевиком.

Попав после пяти лет каторги в ссылку на поселение в далекую Сибирь, т. Гребнев и там вел систематическую подпольную партийную работу среди иркутских рабочих.

Только революция освободила т. Гребнева из ссылки.

После Октябрьской революции партия направила т. Гребнева на ответственные участки хозяйственной и партийной работы.

В Московскую областную прокуратуру т. Гребнев пришел из Московской контрольной комиссии, где он был заместителем председателя МКК—РКИ.

На всех участках работы т. Гребнев твердо проводил линию партии и указания вождя народа товарища Сталина, являлся образцом дисциплинированности и требовательности к себе и к другим. Большевистская принципиальность при разрешении больших и малых дел, исключительная чуткость — вот те качества, какими обладал т. Гребнев.

Под твердым большевистским руководством т. Гребнева Московская областная прокуратура вышла в передовые ряды в борьбе за социалистическую законность. Руководитель-энтузиаст т. Гребнев сумел заразить своим энтузиазмом и бодростью весь коллектив облпрокуратуры, сколотив его в крепкое ядро.

Проводя большую работу, т. Гребнев находил время для учебы, систематически работая над собой в области советского права. Это в значительной степени способствовало быстрому освоению т. Гребневым техники прокурорской работы.

Красной нитью во всей работе т. Гребнева проходит исключительно чуткое отношение к человеку. Особо внимательное отношение к жалобщикам, к рассмотрению дел, за которыми скрываются живые люди, может служить лучшим примером выполнения исторических указаний нашего вождя товарища Сталина.

Наряду с этим т. Гребнев постоянно требовал от всего коллектива лучших образцов работы, не раз говоря, что Московская областная столичная прокуратура должна служить примером в постановке своей работы.

Пройденный жизненный путь Леонида Александровича — это путь революционера-большевика, непримиримого пламенного бойца за дело рабочего класса, за победу социализма в нашей стране.

Несмотря на потерю из своих рядов лучшего большевика, Московская областная прокуратура, тесно сомкнув ряды и работая по образцу т. Гребнева под руководством МК ВКП(б) и Прокуратуры Союза ССР, с честью выполнит те ответственные задачи, которые возлагают на прокуратуру партия и государство трудящихся нашей великой родины.

Судебно-надзорная практика Прокуратуры Союза

12 сентября 1935 г. по делу работников Бюро представительств промкооперации в г. Москве Московским горсудом был осужден по ст. 109 УК к 3 годам лишения свободы уполномоченный Азово-Черноморского крайпромсовета Василевский Григорий Яковлевич.

Коллегия Верхсуда РСФСР приговор в отношении Василевского утвердила.

Суд признал Василевского виновным в том, что будучи уполномоченным Азово-Черноморского крайпромсовета в г. Москве, он, совместно с осужденными по этому же делу Файнштейном и Золотаревским, участвовал в незаконной покупке пряжи у представителя крымской промкооперативной фабрики «Орнэк» Униговского, в частности дал Файнштейну для покупки этой пряжи 5.000 руб. и предоставил для хранения пряжи оклад Бюро представительств. После реализации Василевский получил за участие в сделке 2—2½ тысячи рублей.

Обстоятельства, при которых была совершена сделка с пряжей, заключаются в следующем: приемщик сырья ф-ки «Орнэк» Униговский, получив для нужд фабрики через Всекопромсовет 2218 кило пряжи, по соглашению с работником фабрики Файнштейном, решил часть пряжи реализовать на сторону по спекулятивной цене. С этой целью Файнштейн предложил купить часть пряжи уполномоченному Азово-Черноморского крайпромсовета Василевскому, которому он обещал организо-

вать переработку пряжи на готовые изделия. Зная Файнштейна как работника фабрики «Орнэк», Василевский согласился купить 1 тонну по 5 руб. за кило и выдал Файнштейну в оплату пряжи 5 000 руб.

При покупке этой пряжи Василевский допустил ряд нарушений, а имено: купил пряжу без предварительного осмотра, уплатил за нее Файнштейну наличными деньгами с последующим оформлением покупки счетом.

По объяснению Василевского это имело место потому, что он лично доверял Файнштейну, зная его по совместной работе в промкооперации Крыма, наличными же деньгами за купленную пряжу он рассчитался вследствие того, что, как и все другие уполномоченные крайпромсоветов, не имел своего расчетного счета.

В дальнейшем покупка Василевским пряжи была оформлена счетом от имени фабрики «Орнэк», подписанным упомянутым выше Униговским и переданным Василевскому через Файнштейна.

Из 1 000 кило пряжи на склад Бюро представительств было завезено для Азово-Черноморского крайпромсовета лишь 590 кило. После этого Файнштейн заявил Василевскому о невозможности организовать переработку пряжи на готовые изделия, и Василевский потребовал возвращения ему денег и аннулирования сделки. В результате 5 000 руб. были возвращены Файнштейном Василевскому, а пряжа в количестве 590 кило вывезена со склада Бюро представительств и впоследствии реализована Файнштейном совместно с зам. уполномоченного Горьковского крайпромсовета Золотаревским без участия Василевского.

По показанию Файнштейна и Золотаревского Василевский за участие в указанной сделке получил 2—2½ тысячи рублей.

Никакими другими доказательствами получение этих денег Василевским не подтверждено. Наоборот, всеми обстоятельствами дела устанавливается, что показания Файнштейна и Золотаревского в отношении Василевского являются оговором.

Василевскому не было известно о том, что предложенная ему Файнштейном пряжа незаконно перепродается Униговским. Василевский не принимал в дальнейшем никакого участия в реализации пряжи, которая была перепродана Файнштейном и Золотаревским по спекулятивной цене уполномоченному Киркизского промсовета Рейнгольду. Являясь организатором преступной сделки с пряжей, Файнштейн не был заинтересован в участии Василевского в этой сделке, так как еще заранее, до предложения пряжи Василевскому, договорился с Рейнгольдом о продаже ему пряжи. Никакой необходимости в участии Василевского в сделке с пряжей в действительности не было, так как Рейнгольд в качестве уполномоченного республиканского промсовета пользовался одинаковыми правами с Василевским и имел полную возможность купить пряжу самостоятельно и завезти ее на склад Бюро представительств.

При этих условиях непонятно, за что же Файнштейн и Золотаревский дали Василевскому из полученных ими от перепродажи пряжи 2—2½ тысячи рублей. Единственное объяснение, которое можно дать действиям Файнштейна, который вовлек Василевского в сделку с пряжей, это — его намерение замаскировать следы совершенного им преступления и получить от Василевского за пряжу наличные деньги, так как Рейнгольд этой возможности не имел и рассчитывался с Файнштейном за пряжу преимущественно валютированными чеками.

При первоначальном допросе ни Файнштейн, ни Золотаревский об участии Василевского в сделке с пряжей не говорили, хотя достаточно подробно рассказали о всех обстоятельствах этой сделки. В дальнейшем Файнштейн заявил, что им было передано Василевскому через Золотаревского 2—2½ тысячи рублей за участие в сделке, однако, никаких объяснений о мотивах передачи этих денег Василевскому Файнштейн не представил. Золотаревский на предварительном следствии подтвердил передачу им Василевскому 2—2½ тысячи рублей, но на суде показал, что он не помнит точно размер суммы, которая была передана им Василевскому. Весьма возможно, показал Золотаревский, что эта сумма составляла 1 200 руб.

По показанию Василевского он действительно получил от Золотаревского 1 200 руб., но эти деньги причитались ему не за участие в сделке с пряжей, а в возврат долга Файнштейна в сумме 1 000 руб. и Золотаревского в сумме 200 руб. Василевский объяснил, что еще до сделки с пряжей он выдал Файнштейну 1 000 руб. в счет комиссионного вознаграждения по сделке с шелком. Сделка эта не состоялась, и Файнштейн остался ему должен 1 000 руб.

Что касается долга Золотаревского в 200 руб., то, по объяснению Василевского, эти деньги были выданы Золотаревскому на командировочные расходы по делам Азово-Черноморского крайсовета. Золотаревский данное ему поручение не выполнил и полученные деньги также должен был возвратить.

Объяснения Василевского нашли некоторое подтверждение и в показаниях Файнштейна и Золотаревского. В частности Файнштейн подтвердил свое участие в сделке с шелком, а Золотаревский подтвердил получение им поручения от Василевского.

Помимо того, что ни Файнштейн, ни Золотаревский сами не могли объяснить, за что именно они дали Василевскому деньги, факт оговора Василевского с их стороны вытекает как из самого характера сделки с пряжей, так и из содержащихся в показаниях Файнштейна и Золотаревского противоречий. Это устанавливается и тем, что Файнштейн и Золотаревский осуждены по настоящему делу еще за целый ряд преступлений, тогда как Василевскому инкриминировалось участие лишь в одной сделке с пряжей, купленной у Униговского.

Виновность Василевского по настоящему делу заключается в том, что он, покупая пряжу, не проверил ее происхождения, допустил расчет за пряжу наличными деньгами с неофициальным представителем фабрики «Орнэк» Файнштейном, а по аннулировании сделки не проверил возвращение пряжи ее законному владельцу.

Этими своими действиями Василевский объективно способствовал незаконной перепродаже пряжи Файнштейном и Золотаревским.

Поскольку корыстная заинтересованность Василевского в инкриминируемом ему преступлении не установлена, нет никакой необхо-

димости в назначении ему меры наказания в виде лишения свободы.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор Мосгорсуда в отношении осужденного Василевского Г. Я.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила определенное Василевскому Григорию Яковлевичу наказание — 3 года лишения свободы — считать условным, с испытательным сроком на 2 года.

***

Народный суд I участка г. Ташкента 11—12 декабря 1935 г. приговорил в числе других работников Чиркикского правобережного системного бюро в количестве 12 человек — начальника Чиркикского системного бюро Джалалова Абида по ст.ст. 152, 148 и 140 УК УзССР к 5 годам лишения свободы.

По сообщению прокурора УзССР Кассационная коллегия Верхсуда приговор нарсуда оставила в силе (определения Кассколлегии в деле нет).

Прокуратура Союза опротестовала приговор в отношении Джалалова по следующим основаниям:

В 1931 году было организовано Чиркикское Правобережное системное бюро «Чирпросис», в задачи которого входили работы, связанные с эксплоатацией ирригационной сети. Все работы проводились через 4 прорабов.

На должность начальника «Чирпросис» в 1931 г. был назначен Джалалов, а главным бухгалтером Семечкин Сергей Иванович.

Как видно из материалов дела, «Чирпросис», в лице его прорабств, имея дело с денежными расходами и материальными ценностями, в течение ряда лет не проверялся с точки зрения постановки там учета и отчетности.

И только в результате проверки финансового состояния «Чирпросис» НК РКИ УзССР была выявлена в этой системе запущенность учета и отчетности, что было подтверждено и актом бухгалтерской экспертизы.

Следствием и судом была установлена бездеятельность главного бухгалтера Семечкина в постановке учета и отчетности в системе — «Чирпросис», а также выявлены растраты и недочеты, исчисляемые в десятки тысяч рублей, со стороны отдельных работников этой системы.

Конкретно начальник «Чирпросис» Джалалов заочно был осужден за то, что (в протоколе судебного заседания указывается, что Джалалову повестка вручена) укомплектовал свой аппарат родственниками и близкими людьми, не считаясь с явной слабостью этих работников. В приговоре это обвинение не конкретизируется, а в обвинительном заключении указывается, что Джалалов принял на должность огородника подсобного хозяйства своего двоюродного брата Кадырова и дальних своих родственников — Мухамеджанова, Магрумова и Хусайнова. Джалалов в категорической форме отрицал, что аппарат был им укомплектован из своих родственников. Материалами дела степень родства Джалалова с указанными лицами не установлена.

Будучи в научной командировке, Джалалов в своем авансовом отчете сделал подлоги. Приговором суда не указывается, в чем конкретно выразились подлоги. В обвинительном заключении указывается, что Джалалов, получив 2 500 руб. за научную командировку, по возвращении представил авансовый отчет на 2 [illegible] руб., причем в некоторые счета были внесены исправления путем подчистки и приписки больших сумм. Материалами дела этот факт детально не был исследован, не был проверен на выдержку хотя бы один счет, для выяснения, соответствуют ли действительности внесенные исправления в счета. Бухгалтерией часть этих счетов, как сомнительных, от Джалалова не была принята. Джалалов показал, что в командировку брал с собой гр. Пайзиева, который вел запись расходов и представлял отчет. Это заявление Джалалова подтверждается справкой секретаря «Чирпросиса» Бухабаева. Кроме того, Джалалов заявляет, что средства на научную командировку ему были отпущены как премия, и отчет в их расходовании он не обязан был представлять, но бухгалтер Семечкин потребовал отчета.

Получив рис для рабочего снабжения, Джалалов разбазарил его.

Материалами дела этот вопрос освещается так: Джалалов приказал агенту для поручений Артюнову взять из кассы «Чирпросис», 900 руб. и уплатить Узбекторгу за рис, который пошел в столовую «Красный партизан»; деньги 900 руб. в кассу были возвращены. Следовательно, в данном случае со стороны Джалалова было допущено нарушение кредитной реформы, а не разбазаривание риса, как это сказано в приговоре.

Джалалову вменено в вину, что он дал распоряжение по телефону в 1932 г. завхозу верхне-суйского прорабства Рахманкулову зарезать на мясо имеющегося при прорабстве жеребенка и взял для себя лично мяса на 690 руб. Материалами дела подтверждается этот факт, но из показаний счетовода этого прорабства видно, что мясо убитого жеребенка отпускалось всем рабочим по 15 руб. за килограмм. По показанию Мусаджанова, Джалалов тоже взял 20 килограмм мяса, не уплатив деньги. Джалалов заявляет, что деньги были уплачены, но если допустить, что они не были уплачены, то непонятно, почему суд оценил это мясо в 620 руб.

Джалалову приговором суда предъявлено обвинение в растрате 2 849 руб.

Материалами дела и актом бухгалтерской экспертизы обвинение Джалалова в растрате указанной суммы опровергается. В число растрат суд отнес следующие суммы: 628 руб., неуплаченные за мясо, что, как сказано выше, точно не установлено; 1 467 р. 67 к. — перерасход на ремонт квартиры Джалалова, что также неправильно, так как ремонт квартиры был произведен завхозом, квартира принадлежит предприятию; поэтому считать эту сумму как растрату не было оснований; 762 р. 35 к. отнесены в число растрат также неосновательно, ибо эта сумма не принята от Джалалова по расходу его командировки, но актом бухгалтерской экспертизы эта сумма отнесена в начет Джалалову.

Кроме того, суд вменил в вину Джалалову ряд других мелких фактов (грызня с бухгалтером Семечкиным, принял на работу бухгалтером Хасанова без ведома ЦИУПР и др.).

Материалами дела устанавливается, что Джалалов за время своей работы в должности начальника «Чирпросис» с 1931 г. по 1934 г. действительно допустил ряд злоупотреблений: пользовался продуктами из подсобного хозяй-

ства, нарушал кредитную реформу и самое основное допустил полную запущенность учета и отчетности. Но в отношении последнего момента необходимо учесть заявление Джалалова, что в течение долгого времени он пытался снять с работы главного бухгалтера Семечкина, но встречал сопротивление со стороны бухгалтера ЦИУПР и только 2 августа 1933 г. без ведома ЦИУПР Семечкин был им снят с работы и что Семечкин, имея поддержку среди бухгалтерского состава работников ЦИУПР, игнорировал всякие указания Джалалова. Это заявление Джалалова подтверждается следующими данными: в то время как судом и бухгалтерской экспертизой было установлено, что учет и отчетность запущена в такой мере, что разобраться в ней сейчас не представляется возможным, — главные бухгалтера Попов и Будельман характеризуют Семечкина как прекрасного работника.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила — определенное Джалалову наказание — 5 лет лишения свободы снизить до 2 лет лишения свободы условно с испытательным сроком на 2 года.

**
*

4—5 февраля с. г. Линсуд МББ ж. д. в числе прочих работников Минского отделения (орса приговорил ст. бухгалтера Чаусова к принудительным работам сроком на 1 год, признав его виновным по ст. 196 УК.

10 февраля с. г. транспортная коллегия Верхсуда Союза ССР по заключению прокуратуры приговор линсуда отменила и дело направила на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования на предмет привлечения к уголовной ответственности нач. орса Головко и главного бухгалтера Ахрамовича.

28—30 марта с. г. при вторичном рассмотрении этого дела суд, не выявив в отношении Чаусова никаких новых обстоятельств, приговорил его к лишению свободы сроком на 1 год 6 месяцев.

Транспортная коллегия Верхсуда СССР этот приговор оставила в силе.

Из дела видно, что завмаг указанного орса Аверьянов с 1 января по 10 ноября 1935 г. растратил 36 486 руб. и, чтобы скрыть растрату, систематически представлял в орс подложные документы. Аверьянов по закону от 7 августа 1932 г. был осужден по этому же делу к 10 годам лишения свободы.

В ноябре, когда Аверьянов был снят с работы, Чаусов, замещая ушедшего в отпуск бухгалтера Беккерман, невнимательно отнесся к проверке двух денежных документов, представленных Аверьяновым, которые оказались подложными. По этим документам значилось, что Аверьянов деньги в сумме 17 500 руб. сдал, но Чаусов не проверил этого и составил справку о том, что за Аверьяновым задолженности не значится. Эту справку подписал главбух Ахрамович.

Из дела видно, что осужденный Аверьянов долгое время занимался хищением общественной собственности, лишь благодаря отсутствию контроля со стороны руководства орса, в частности работников бухгалтерии. Однако в этом меньше других виновен бухгалтер Чаусов, так как он был связан с отчетностью по магазину только по одному эпизоду и то в связи с уходом в отпуск постоянного работника — бухгалтера Беккерман. Действиями Чаусова ущерба государству не было нанесено, так как к этому времени Аверьянов уже был отстранен от работы.

По этим основаниям Прокуратура Союза опротестовала приговор линсуда и определением транспортной коллегии.

Судебно-надзорная коллегия Верхсуда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: определенное Чаусову наказание 1 год и 6 месяцев лишения свободы снизить до 1 года и.-т.-р., с удержанием из заработка 15%.

**
*

Народный суд 4-го участка гор. Таганрога 15 января 1936 г. признал гр. Калашникова Федора Тимофеевича виновным в систематической, на протяжении 1929—1935 г., скупке и перепродаже домов, и по ст. 107 УК приговорил его к 5 годам лишения свободы.

Кассационная Коллегия Азово-Черноморского краевого суда 8 февраля 1936 г. приговор народного суда оставила в силе, квалифицировав деяние Калашникова по ст.ст. 16 и 107 УК.

Прокуратура Союза опротестовала решение народного суда по делу Калашникова по следующим основаниям:

Калашникову инкриминированы три случая купли-продажи домов.

Продажа первых двух домов была произведена Калашниковым установленным законом порядком с разрешения коммунальных органов и соблюдением ст. 182 Гражданского кодекса, которая разрешает куплю-продажу немуниципализированных и демуниципализированных строений с тем, чтобы отчуждение строений владельцами их имело место не более одного раза в течение 3 лет.

Что касается третьего дома, то таковой был продан Калашниковым за ту же самую сумму — 6000 руб., за которую он был им куплен. Хотя при продаже этого дома и не был соблюден установленный ст. 182 ГК срок, однако, продажа дома произведена была Калашниковым по особому разрешению горсовета, ввиду необходимости уплаты им тресту ресторанов, в котором он работал, числящейся за ним недостачи в размере 1500 руб.

Внеся после продажи дома свой долг тресту ресторанов, Калашников на оставшиеся у него от продажи дома 4500 руб. купил пчел.

Таким образом при продаже последнего дома, ввиду того, что он был продан за ту же цену, за какую был куплен, и самая продажа вызывалась необходимостью уплаты долга государству, элементов спекуляции не устанавливается.

Что касается купли-продажи первых двух домов, то сделки производились в установленном законом нотариальном порядке, с соблюдением сроков владения этими домами, указанного в ст. 182 ГК.

При таких условиях не было данных считать, что сделки эти имели спекулятивный характер. За время длительного владения первыми двумя домами Калашников, как это видно из материалов дела, затратил большие суммы на их капитальный ремонт, так как дома были приобретены им в полуразрушенном состоянии. Цены на дома за это время менялись и, таким образом, нет никаких оснований

к выводу, что при последующей продаже домов Калашников извлек какой-либо нетрудовой доход.

Судом к тому же установлено, что цена проданных Калашниковым домов, не соответствовала их действительной стоимости.

К такому же выводу пришли и финансовые органы, которые, рассматривая вопрос об обложении Калашникова налогами, не нашли возможным принять в качестве источника его доходности полученые им суммы от продажи домов, указав в своем постановлении, что факт извлечения гр. Калашниковым нетрудовых доходов при продаже домов ничем не установлен.

Президиум Азово-Черноморского краевого суда, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил дело по обвинению Калашникова за отсутствием состава преступления производством прекратить.

**
*

Приговором Приморского областного суда 14 сентября 1934 г. ряд работников хлебного завода и магазинов по продаже коммерческого хлеба в г. Владивостоке были признаны виновными по закону 7 августа 1932 г. в систематических хищениях из хлебного завода хлеба и в продаже его главным образом через магазин № 35, заведующим которого был Чичикалов.

Тем же приговором был осужден по закону 7 августа зам. директора Пищеторга Коломейцев Леонид Михайлович.

Определением судебной коллегии Верховного суда РСФСР от 8 декабря 1934 г. деяние Коломейцева было переквалифицировано на ст. 109 УК и назначенный ему срок лишения свободы сокращен был до 5 лет.

Прокуратура Союза опротестовала квалификацию деяния Коломейцева по ст. 109 УК неправильной по следующим основаниям:

Коломейцев был признан виновным в том, что, вместо борьбы с хищениями, сам вошел в компанию расхитителей хлеба, с каковыми неоднократно пьянствовал как в магазине у Чичикалова, так и на квартире последнего и в ресторанах.

Из показания Коломейцева на предварительном и судебном следствии видно, что он выпивал с заведующим транспортом Пищеторга Сорокиным и, зайдя один раз в магазин № 35, заведующим которого был Чичикалов, проживавший при магазине, выпил по предложению последнего стакан вина. Второй раз он встретился с Чичикаловым в столовой и там он также выпил рюмку вина.

Кроме того, он один раз встретился в ресторане на вокзале с завмагом Гейно (который к хищениям не был причастен) и одолжил у него для временного пользования часы, которые через несколько дней вернул. Коломейцев признал также, что он брал заимообразно деньги у Ковальчука 45 руб., у Алхименко — 41 руб. и у некоего Карпенко 50 руб. Из этих лиц причастным к хищениям оказался впоследствии только Ковальчук. Зав. кадрами Пищеторга Алхименко осужден по ст. 111 УК за халатность.

На предварительном следствии Коломейцева оговаривал Чичикалов, но помимо общих заявлений о соучастии Коломейцева, Чичикалов конкретных фактов злоупотреблений Коломейцева не мог указать, показав лишь, что Коломейцев был также участником дележки, так как очень часто приходил в магазин вместе с Сорокиным и Лопаревым и видел, как последние забирали у него, Чичикалова, деньги.

На судебном следствии этого своего утверждения Чичикалов не подтвердил, показав дословно следующее: «Коломейцев, помощник директора, приходил с Сорокиным и Лопаревым, и все мы выпивали в магазине. Знал ли он о хищении, не знаю».

Других каких-либо показаний, изобличающих Коломейцева в том, что он пьянствовал с расхитителями общественной социалистической собственности, и знал об этих хищениях, в деле нет.

Обвиняемые по настоящему делу Рябченко и Зиновкин от оговора на предварительном следствии Коломейцева отказались, заявив, что о Коломейцеве они ничего не показывали и фамилия последнего в их показаниях записана по недоразумению.

Обвиняемый Лопарев показал: «Считаю, что Коломейцев в нашей организации по хищению хлеба не состоял и о хищении хлеба ничего не знал».

В приговоре содержится указание на то, что будто бы Коломейцев, зная о том, что Чичикалов скрывается, пришел к нему на квартиру 26 апреля и вместе с ним пьянствовал.

Вывод об этом суд делает на основании показания свидетеля Михайлова, утверждавшего, что он вместе с Коломейцевым 26 апреля заходил на квартиру Чичикалова.

Свидетель Михайлов, член ВКП(б), зав. кадрами Пищеторга, по делу ничем не опорочен. Между тем, если согласиться с выводами суда, то придется притти к заключению, что и Михайлов бесспорно знал о том, что Чичикалов скрывается, и вместе с Коломейцевым ходил к нему 26 апреля 1934 года на квартиру.

В данном случае в показание Михайлова, несомненно, вкралась ошибка.

Коломейцев точно даты посещения квартиры Чичикалова установить не мог, а сам Чичикалов показал, что Михайлов с Коломейцевым были у него 18 или 19 апреля.

Таким образом вина Коломейцева заключается только в том, что он из-за случаев личной связанности с подчинеными ему работниками ослабил наблюдение за их работой, что явилось одним из моментов, создавших благоприятную обстановку для хищений.

Деяние это должно было быть квалифицировано по ст. 111 УК.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил преступление Коломейцева Леонида Михайловича квалифицировать по ст. 111 УК, определив ему меру наказания 2 года лишения свободы.

**
*

Приговором народного суда Выборгского р-на г. Ленинграда от 31 января 1933 г. была осуждена группа работников ЗРК завода имени Сталина, из которых Фокин Василий Сергеевич, б. председатель правления ЗРК, Локачев Василий Алексеевич, б. зав. торготделом ЗРК и Бауер Иван Карпович, б. продавец магазина ЗРК, — по ст. 109 к 8 годам лишения свободы каждый.

Приговором от 13 апреля 1933 г. был осужден по ст. 109 к 8 годам лишения свободы Пиковский Цадик Борисович б. пом. зав. ма-

газина № 1 завода имени Сталина, привлеченный к ответственности совместно с Фокиным и др.

Преступление всех указанных выше лиц состояло в систематическом самоснабжении товарами и продуктами магазина завода имени Сталина и в незаконном снабжении ими своих друзей и знакомых.

Прокуратура Союза опротестовала указанные выше 2 приговора в отношении Фокина, Локачева, Бауера и Пиковского по следующим основаниям:

В отношении Фокина помимо общих указаний на снабжение им своих знакомых продуктами и товарами имеются показания свидетелей о том, что к Фокину на квартиру приносились пакеты с продуктами из магазина ЗРК и что у него в доме со времени работы на заводе им. Сталина появились изящные вещи, шелковые платья, туфли и пр. Однако по делу не доказано, что Фокин за время пребывания его на работе в ЗРК приобрел какие-либо значительные ценности или же производил большие траты. Имеется одно лишь указание на устройство Фокиным поминок по умершем брате.

Аналогичное положение устанавливается в отношении Локачева, Бауера и Пиковского. По показаниям свидетеля Копылова он по распоряжению Бауера приносил к последнему на квартиру из магазина мяса три раза в количестве по 25—30 фунтов, и кроме этого однажды принес ему сахарный песок (количество не указано).

Свидетельница Зайцева утверждала, что она несколько раз выносила для Локачева к остановке трамвая пакеты с мясом и другими продуктами.

По указанию свидетельницы Смирновой, Пиковский взял у себя в магазине двух гусей, а по объяснению обвиняемой Материной, Пиковский брал хлеб для корма гусей.

Точного количества разбазаренных продуктов по делу установить не удалось. Однако, судя по методам преступной деятельности Фокина и др., можно притти к выводу, что разбазаривание это не достигло крупных размеров.

Указаные выше лица брали для себя продукты и товары хотя и неоднократно, но в сравнительно небольших объемах. В таких же объемах отпускались ими продукты другим лицам по запискам.

Поэтому установление им наказания почти в высших пределах, предусмотренных ст. 109 Уголовного кодекса, является чрезмерно суровым. Фокин и другие являются трудящимися и до настоящего дела судимы не были.

Президиум Верхсуда РСФСР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановил снизить меру наказания Фокину, Локачеву, Бауеру и Пиковскому до 4 лет лишения свободы каждому.

**
*

Грузинский композитор К. В. Мегвинет-Ухуцеси заключил с дирекцией Тифлисской госоперы договор о постановке новой национальной оперы «Амирани».

Дирекция обязалась уплатить композитору 5 тыс. руб. за право постановки, как автору оперы, и 2 тыс. руб. ему же, как автору либретто. При этом было условлено, что композитор будет получать также установленные законом об авторском праве постановочные отчисления.

Дирекция приняла на себя обязательство исчерпать все возможности для постановки оперы во второй половине сезона, примерно — в конце марта 1935 г. или несколько позже, а если постановка не состоится в сезоне 1934—1935 г., то поставить «Амирани» в первой половине сезона 1935—1936 г.

В случае отказа от постановки оперы дирекция обязалась уплатить композитору неустойку в сумме 25 тыс. руб.

4 августа 1935 г. дирекция уведомила композитора, что, ввиду финансовых затруднений и сокращения репертуара, опера «Амирани» не может быть поставлена в сезоне 1935—1936 г.

Тогда композитор предъявил к дирекции иск о взыскании: а) недополученных 4 тыс. руб. за право постановки оперы и либретто и б) 25 тыс. руб. неустойки.

Нарсуд г. Тифлиса 14 августа 1935 г. удовлетворил иск.

ГКК Верхсуда Грузии 11 сентября 1935 г. оставила жалобу дирекции госоперы без последствий.

По протесту прокурора ССР Грузии президиум Верхсуда 25 октября 1935 г. отменил решение нарсуда и определение ГКК в части касающейся взыскания неустойки. Президиум нашел, что «нарсудом и ГКК не было принято во внимание то непреодолимое препятствие, какое встретила госопера после заключения договора, а именно: дирекции было дано твердое задание и бюджет, количество опер, которые должны были быть поставлены в предстоящем сезоне, и суммы, какие должны быть затрачены; вследствие этого дирекция лишена была возможности поставить оперу в первой половине 1936 г.».

Прокуратура Союза ССР опротестовала постановление президиума Верхсуда ССРГ по следующим основаниям:

Договор госоперы с композитором предусматривал срок постановки оперы «Амирани». Положение об авторском праве, утвержденное пост. ЦИК и СНК Грузии 30 августа 1929 г. в ст. 37 устанавливает, что если постановка не последует в обусловленный срок, то зрелищное предприятие обязано сполна уплатить автору обусловленный гонорар. Если же гарантированный минимум гонорара не обусловлен, то вознаграждение определяется согласно инструкции Наркомпроса Грузии.

По мнению Прокуратуры Союза ССР бесспорно, что вследствие непостановки оперы в срок композитор Мегвинет-Ухуцеси имел право требовать возмещения понесенных им убытков. Он потребовал уплаты ему неустойки в сумме 25 тыс. руб., рассматривая ее как упоминаемый в Положении об авторском праве «гарантированный минимум гонорара». Если сравнить потребованную им сумму с той суммой, которая следовала бы ему согласно инструкции Наркомпроса Союза ССР, то обнаруживается, что по инструкции ему причиталась бы еще большая сумма: 4½% за каждый акт, за всю оперу из 4 актов — 18%. От сбора это составляет за каждый спектакль 2 116 руб. (так как по смете, представленной в суд госоперой, сбор составляет 12 000 руб.). При осуществлении постановки в сезоне 1935-1936 г. опера должна была пройти не менее 15 раз, причем гонорар композитору составил бы свыше 30 тыс. руб.

Поэтому Нарсуд г. Тифлиса в своем решении правильно указал: «в случае постановки оперы истец получил бы гонорар, и когда суд сравнил ожидающийся средний гонорар истца за весь сезон с убытком, то нашел, что убыток почти превышает предусмотренную неустойку».

Композитор Мегвинет-Ухуцеси работал над оперой 10 лет; опера признана ценным вкладом в грузинскую музыку и оперное искусство; если госопера не смогла осуществить свое обязательство поставить оперу вследствие своих бюджетных затруднений, то это ни в какой мере не лишает композитора права на получение обусловленной договором неустойки.

Судебно-надзорная коллегия Верховного суда Союза ССР, рассмотрев протест Прокуратуры Союза, постановила: постановление президиума Верхсуда ССР Грузии от 25 ноября 1935 г. в части отказа в иске о взыскании с Тифлисской госоперы в пользу Магвинет-Ухуцеси неустойки 25 тыс. руб. отменить и оставить в силе решение Народного суда г. Тифлиса от 14 августа 1934 г. и определение кассационной коллегии Верхсуда ССР Грузии от 11 сентября 1935 г.

**

Артель им. Кариба в г. Грозном в 1932 и 1933 гг. получила лесорубочные билеты на право заготовки и вывоза лесоматериалов из государственных лесов. Эти билеты имели действие до 1 января 1934 г., после каковаго срока невывезенные из леса материалы должны были поступить в распоряжение леспромхоза и подлежали продаже на общих основаниях.

6 февраля 1934 г. артель им. Кариба, получив от грозненского отделения Госбанка ссуду, выдала сохранную расписку о принятии на хранение лесоматериалов (клепки), заготовленных артелью по указанным лесорубочным билетам; в расписке было указано, что лесоматериалы заложены Госбанку.

Артель им. Кариба задолжала Госбанку 160 000 руб. и была ликвидирована. Госбанк реализовал заложенные ему лесоматериалы артели, продав их (без торгов) 14 июня 1934 г. артели инвалидов «Свет» за 20 250 руб. Артель «Свет» уплатила эту сумму 29 июня 1934 г. и приступила к вывозке клепки.

В августе 1934 г. чечено-ингушский облфинотдел отдал распоряжение леспромхозу не допускать дальнейшего вывоза клепки и объявил о наложении ареста на материалы за задолженность артели им. Кариба по попенной плате.

Госбанк заявил облфинотделу о неправильности этих действий так как ласоматериалы, принадлежат Госбанку.

Облфинотдел ответил Госбанку заявлением о том, что лесорубочные билеты имели силу лишь до 1 января 1934 г., а потом сохранная расписка, выданная Госбанку артелью им. Кариба в феврале 1934 г., недействительна. Поэтому облфинотдел предложил Госбанку сумму, поступившую за лесоматериалы от артели «Свет» перечислить на счет облфинотдела и утверждал, что Госбанк не имел права продажи этих лесоматериалов артели «Свет».

До запрещения вывоза артель «Свет» успела из 81 000 шт. купленной клепки вывезти 30 000 шт. Ввиду воспрещения дальнейшего вывоза и возникшего между Госбанком и облфинотделом спора о праве на клепку, артель «Свет» предъявила иск о возврате ей 10 849 р. 36 к. (стоимость невывезенной, оставшейся в лесу клепки) и указала ответчикам оба споривших о праве на клепку госоргана: облфинотдел и Госбанк.

Чечено-Ингушский облсуд 7 мая 1935 г. удовлетворил иск артели, постановив взыскать 10 849 р. 36 к. с Госбанка и предоставив право последнему отыскивать эту сумму с облфинотдела.

ГКК Верхсуда РСФСР 8 июля 1935 г. отменила решение, указав, что «истец приобрел клепку у банка, реализовавшего ее в погашение долга артели им. Кариба, и тем самым приобрел право на эту клепку; но истец был связан предельным сроком вывоза этой клепки к 1 января 1935 г. и если он этого обязательства в срок не выполнил, то несет последствия за несвоевременный вывоз клепки».

Ошибочность этого определения ГКК была очевидна: срок вывоза клепки (срок действия лесорубочных билетов) наступил не 1 января 1935 г., а 1 января 1934 г., т. е. до покупки клепки артелью «Свет», и эта артель никаким сроком вывоза не была связана. Если бы срок вывоза был 1 января 1935 г., то облфинотдел не имел бы права запрещать вывозку в августе 1934 г.

При новом рассмотрении дела Чечено-Ингушский облсуд 5 августа 1935 г., руководствуясь указанием ГКК Верхсуда, отказал в иске артели. Мотивы решения облсуда были явно противоречивы. Облсуд нашел, что Госбанк «законно поступил, продав клепку для уменьшения своих убытков, причиненных артелью им. Кариба», а финотдел также поступил законно, наложив на эту клепку арест. По мнению облсуда, артель «Свет» была «связана с предельным сроком вывоза клепки, чего артель не сделала». Между тем, как указано выше, предельный срок вывоза клепки истек 1 января 1934 г., т. е. до покупки артелью клепки.

ГКК Верхсуда РСФСР 11 сентября 1935 г. утвердила это решение, не приведя никаких мотивов. В частном же определении ГКК указала, что артель «Свет», купившая клепку и уже начавшая вывозку ее из леса, ввиду ареста клепки облфинотделом, спорившим о ней с Госбанком, клепки не вывезла, в результате чего клепка на сумму 10 840 р. 36 к. сгнила полностью в лесу. Облпрокурор неоднократно предлагал Облфинотделу снять арест с клепки, разрешив вывозку артели «Свет», одновремено выяснив с Госбанком вопрос, кому должна быть уплачена артелью стоимость клепки, но облфо этих указаний не выполнило. Находя в действиях должностных лиц облфо элементы уголовного преступления, в результате которого полностью погибла буковая клепка, чем причинен государству ущерб в 10 840 р. 36 г., ГКК постановила: «довести о вышеизложенном до сведения облпрокурора».

В действительности же отказом в иске артели «Свет» убыток в сумме 10 840 р. 36 к. был возложен на артель.

Прокуратура Союза ССР опротестовала решение Чечено-Ингушского облсуда от 5 августа 1935 г. и утвердившее его определение ГКК Верхсуда РСФСР по следующим основаниям:

Суду прежде всего следовало установить, кому (облфинотделу или Госбанку) принадле-

жало право на клепку в июне 1934 г., когда Госбанк продал клепку артели «Свет». В зависимости от этого разрешался вопрос о действительности сделки с артелью.

Суд и ГКК Верхсуда оставили в стороне вопрос о праве на клепку и отказали в иске по несоответствующему действительности мотиву — пропуск срока на вывозку клепки.

Если артель «Свет» получила от Госбанка право собственности на клепку, то, как указывала Прокуратура СССР в своем протесте, облфинотдел не имел права налагать арест на клепку и, следовательно, должен уплатить артели отыскиваемую ею сумму.

Если же Госбанк передал артели «Свет» то право на клепку, которого он сам не имел, то исковая сумма в пользу артели должна быть взыскана с Госбанка. Но ни в том, ни в другом случае в иске артели не могло быть отказано.

Президиум Верховного суда РСФСР согласился с протестом Прокуратуры СССР и передал дело для вторичной проверки в ГКК Верхсуда.

Надзорная практика Верховного суда Союза ССР

8 сентября 1931 г. нарсуд 2 участка Буйского района Иваново-Промышленной области приговорил по ч. II ст. 61 к 8 месяцам и.-т. р. Баринова Дмитрия и Смирнову Ефросинью Михайловну.

Определением кассколлегии облсуда Иваново-Промышленной области от 3 октября 1931 г. приговор был отменен, и дело передано на новое рассмотрение в нарсуд на том основании, что суд не проверил социального положения осужденных и реальность данного им твердого задания; кассколлегия предложила суду в случае, если подтвердится, что хозяйства осужденных являются кулацкими, квалифицировать действия осужденных по ч. III ст. 61.

При вторичном судебном разбирательстве 29 ноября 1931 г. Баринов и Смирнова были опять приговорены по ч. II ст. 61 к 8 месяцам и.-т. работ каждый, причем учитывая, что у Смирновой было несколько детей, суд заменил ей исправительно-трудовые работы штрафом в 300 руб.

Кассколлегия 2 января 1932 г. нашла, что судом не выполнено ее определение от 3 октября 1931 г. и что приговор не соответствует действительности, так как оба хозяйства обложены индивидуальным налогом, Смирнов лишался избирательных прав, хозяйства являются кулацкими, и у суда не было никаких оснований считать их только зажиточными; приговор был отменен и дело направлено на новое рассмотрение.

В третий раз дело рассматривалось в нарсуде 21 февраля 1932 г., причем в отношении Смирновой заочно; суд по ч. III ст. 61 приговорил Баринова к ссылке с принудработами на 3 года и конфискации всего имущества, Смирнову — к конфискации всего имущества.

Определением кассколлегии Ивановского облсуда от 13 марта 1932 г. приговор был оставлен в силе.

6 марта 1932 г. нарсудья 2 участка Буйского района Брюханова вынесла определение о привлечении к уголовной ответственности председателя Игумновского сельсовета Соколова, который вводил в заблуждение нарсуд и облсуд говоря, что хозяйство Баринова является кулацким и индивидуально обложено, в то время как сын Баринова служит в Красной армии.

2 июня 1932 г. президиум Иваново-Промышленного облсуда дело в отношении Баринова производством прекратил.

Между тем на основании приговора суда в отношении Смирновой Игумновский сельсовет продал дом ее с торгов. Дом был куплен племянником осужденной — Смирновым Василием Павловичем за 300 руб. При покупке Смирнов уплатил 150 руб.; в 1932 г. вернулась Ефросинья Смирнова с семьей и стала жить вместе с племянником; в 1933 г. вернулся и ее муж Смирнов Алексей.

В 1935 г. Смирнов Василий обратился в сельсовет с заявлением о возвращении ему уплаченных за дом 150 руб., так как в связи с возвращением семьи Алексея Смирнова ему, все равно, из дома пришлось уехать.

Сельсовет обратился в Буйский нарсуд с иском о выселении Алексея Смирнова и его семьи из бывшего их дома.

28 июня 1935 г. нарсуд 2 участка Буйского района вынес решение о расторжении договора между Игумновским сельсоветом и Василием Смирновым и о выселении Алексея Смирнова с семьей.

Определением кассколлегии облсуда Иваново-Промышленной области от 5 августа 1935 г. приговор оставлен в силе.

На приговор суда по уголовному делу и решение суда по гражданскому делу Смирновым Алексеем Дормидонтовичем подана жалоба в порядке надзора в Верховный суд СССР.

При проверке дела в порядке надзора уголовно-судебная коллегия Верховного суда Союза ССР установила, что приговор от 21 февраля 1932 г. является неправильным, так как судом было проведено неполное и неправильное следствие.

1. Несмотря на указания кассационной коллегии, суд не проверил правильность возложения на Ефросинью Смирнову твердого задания и фактическую возможность его выполнения; между тем по материалам дела устанавливается, что сам Смирнов Алексей в 1931 г. находился в Ленинграде на заработках, а семья его состояла из жены и семи человек детей в возрасте от 1½ до 18 лет.

2. До 1931 г. семья Алексея Смирнова в индивидуальном порядке не облагалась; обложение 1931 г. было впервые установлено сельсоветом и никем не утверждено. В 1928—29 г. Смирнов платил единый сельхозналог в сумме 22 р. 55 к., а в 1929—1930 г. — в сумме 56 р. 47 к. Согласно окладному листу на 1929—1930 г. у Смирнова на 9 едоков было 4,82 десятин пахотной земли, 3,69 десятин сенокоса, 2 лошади, 2 коровы, 2 головы мелкого скота.

3. Никаких официальных документов о том, что семья Алексея Смирнова является кулацкой, в деле нет; Смирнова Ефросинья никогда

права голоса не лишалась; Смирнов Алексей был лишен права голоса в 1926 г. за участие в частной лесосправочной артели, но восстановлен в 1929 г. на том основании, что в артели он был всего один год, все время работая в сельском хозяйстве без применения наемного труда, причем хозяйство его является маломощным (справки, представленные Смирновым, вместе с жалобой).

4. Характеристика Смирнову Алексею и его семье и сведения о их хозяйстве давал тот самый председатель сельсовета Соколов кс. торый, согласно определению нарсудьи Брюхановой, должен был быть привлечен к уголовной ответственности за дачу неправильных сведений и введение суда в заблуждение относительно Баринова; этот же Соколов являлся основным свидетелем и в гражданском деле о выселении Смирновых в 1935 г.

5. Ввиду того, что кулацкое состояние хозяйства Алексея Смирнова не установлено, осуждение его жены по ч. III ст. 61 нужно признать неправильным, неправильной является следовательно и установленная судом конфискация имущества, поскольку конфискация предусмотрена лишь ч. III ст. 61.

По предложению председателя уголовно-судебной коллегии Верховного суда Союза ССР уголовная коллегия Верховного суда РСФСР пересмотрела приговор нарсуда и определение КК и определила: в порядке ст. 8 УК, дело по обвинению Смирновой в уголовном порядке прекратить, конфискованное у нее имущество ей возвратить.

Отменить также решение нарсуда 2 уч. Буйского района от 28 апреля 1935 г. и определение КК Иваново-Промышленного облсуда от 5 августа 1935 г. по этому делу.

**

16 мая 1934 г. нарсуд 5 участка Дзержинского района г. Москвы по ст. 17—107 УК РСФСР приговорил к 5 годам лишения свободы Асинчукова Хасьяна Абубекаровича.

Асинчуков, работавший сторожем Мосремонта, был осужден за то, что у него при обыске 7 августа 1934 г. было обнаружено 4 посылки чаю, весом 13 кг 400 г, и, кроме того, на его имя было получено по почте еще 3 посылки, задержанные милицией.

Определением кассколлегии Московского городского суда от 2 июня 1934 г. приговор был отменен и дело возвращено на новое рассмотрение со стадии предварительного следствия. Основанием для отмены послужило то обстоятельство, что органами расследования были предприняты совершенно недостаточные меры к обнаружению основных виновников в спекуляции чаем.

По протесту горпрокурора президиум Московского городского суда 10 августа 1934 г. отменил определение кассационной коллегии и оставил в силе приговор нарсуда.

При проверке дела в порядке надзора, уголовно-судебная коллегия Верховного суда Союза ССР признала приговор суда и определение президиума Мосгорсуда неправильным по следующим соображениям:

Асинчуков, как указано в приговоре, не являлся непосредственным виновником спекуляции и сам не занимался продажей чая, а только получал и хранил его до приезда отправителей.

Не установлено, была ли у него договоренность с отправителями и какого именно характера.

Следственные органы почему-то безоговорочно поверили показаниям Бегаева и Кенмасова о том, что они не посылали чай Асинчукову и даже с ним незнакомы, не обратив внимания на то, что Кенмасов однажды уже был осужден за спекуляцию чаем и что в акте изъятия чая с почты в качестве отправителя отмечено именно это лицо.

Президиум Мосгорсуда нарушил постановление 20 пленума Верхуда Союза ССР, установившего, что в случае удовлетворения протеста на определение кассколлегии, смягчившей приговор, определение кассколлегии должно быть отмечено с передачей дела на новое рассмотрение.

По предложению председателя уголовно-судебной коллегии Верховного суда Союза ССР УК Верховного суда РСФСР пересмотрела приговор и определение КК Мосгорсуда и определила с предложением председателя УСК Верхсуда Союза ССР согласиться, приговор суда и постановление президиума Мосгорсуда отменить и дело передать в тот же суд иного состава для рассмотрения со стадии предварительного расследования. Предложить суду обсудить вопрос об изменении меры пресечения Асинчукову.

**

10 июля 1935 г. Нарсуд Клинцовского района Западной области по ч. I ст 73 и ч. II ст. 74 УК РСФСР приговорил к 2 годам лишения свободы Шитого Алексея Дементьевича, колхозника, счетовода Мартьяновского сельсовета.

Определением КК Западного облсуда 23 июля 1935 г. приговор был оставлен в силе.

Жалоба, поданная Шитым в порядке надзора, была оставлена без последствий отделом жалоб Верховного суда РСФСР.

Обстоятельства дела, согласно приговору, заключаются в следующем:

3 июня 1935 г. зам. председателя Клинцовского РИК Кофман, нач. спецчасти Маслов и шофер Давыдов выехали на легковой машине в совхоз «Душкино» по служебным делам. По дороге они встретили счетовода Мартьяновского сельсовета Шитого в нетрезвом состоянии и предложили его подвезти до села. Узнав, что Шитый везет с собой около 3 тысяч рублей денег, предназначенных для зарплаты учителям, Кофман, приехав в сельсовет, предложил Шитому сдать эти деньги. Последний отказался. Когда же насильно начали отнимать у него портфель с деньгами, он оказал сопротивление, начал ругаться и укусил Кофмана и шофера за руки.

При проверке приговора в порядке надзора уголовно-судебная коллегия Верховного суда Союза ССР признала, что суд не учел всех обстоятельств дела и не принял во внимание личности осужденного.

Шитый, отказываясь выдать деньги, объяснял, что он за них несет ответственность.

Свидетельскими показаниями устанавливается, что насильственные действия Шитого были вызваны насилием, примененным по отношению к нему со стороны Кофмана. Так, на судебном следствии председатель Мартьяновского сельсовета Шкуратов показал: «...тогда Кофман схватил Шитого, своей головой ударил его и стал отнимать у него портфель». По показаниям шофера Давыдова... «Шитый

хотел уйти, Кофман его схватил за руки; Шитый вырвался и укусил руку Кофмана; последний обозлился и ударил головой Шитого».

Требование Кофмана, чтобы Шитый отдал ему деньги ввиду его нетрезвого состояния, вообще не вызывалось необходимостью, поскольку Шитый был доставлен к месту назначения в свой сельсовет и о привезенных деньгах был извещен председатель сельсовета. Степень опьянения Шитого никем не была установлена.

В деле имеются справки, характеризующие Шитого, как толкового работника и хорошего общественника; Шитый ни в пьянстве, ни в хулиганстве никогда не был замечен. С другой стороны, в приобщенной к делу газете «Труд» от 12 июля 1935 г. отмечаются неоднократные факты грубости со стороны Кофмана.

Суд механически повторил предусмотренную обвинительным заключением квалификацию преступления Шитого по двум статьям, не проверив квалификации в подготовительном заседании. Применение к Шитому ст. 74 явно неправильно. Хулиганскими поступками являются действия озорные, поступки же Шитого были вызваны предъявленным ему требованием, которое он считал незаконным, и примененным к нему физическим насилием.

По предложению председателя уголовно-судебной коллегии Верховного суда Союза уголовно-судебная коллегия Верховного суда РСФСР пересмотрела приговор и определение КК и определила: приговор нарсуда от 16 июля 1935 г. и определение УКК облсуда от 23 июля 1935 г. отменить и дело в уголовном порядке производством прекратить, освободив Шитова Алексея немедленно из-под стражи.

***

Приговором нарсуда по делам госторговли и кооперации Октябрьского района г. Москвы от 19 января 1934 г. в числе других осуждены Петрухин Александр Михайлович, Архипов Иван Александрович, Митрошин Сергей Иванович и Чиликина Александра Алексеевна по закону от 7 августа 1932 г. к 10 годам лишения свободы каждый. Из остальных 5 обвиняемых двое — Кристаль и Зубков приговорены к лишению свободы на 2 года каждый, а трое — Савенков, Королев и Один — к исправтрудработам. Со всех осужденных солидарно взыскан гражданский иск в сумме 33 888 р. 87 к. в пользу Октябрьского районного общества потребителей.

Кассколлегия Мосгорсуда 1 февраля 1934 г. в отношении осужденных Митрошина и Архипова переквалифицировала деяния по ст. 109 УК и снизила наказание Митрошину до 3 лет лишения свободы, а Архипову до 5 лет лишения свободы. Кроме того осужденному Зубкову заменила лишение свободы исправительно-трудовыми работами. В остальном приговор оставила в силе.

Судебная коллегия Верховного суда РСФСР 25 июля 1934 г. в отношении осужденного Митрошина приговор отменила и дело о нем прекратила, а в отношении остальных приговор оставила в силе.

Петрухин, Архипов и Чиликина были осуждены за то, что они, будучи: Петрухин — зав. булочной, Архипов — его заместителем, а Чиликина — хлеборезом-продавцом, в 1933 г. расхищали хлеб, отпускали знакомым и родным без талонов, самоснабжались, пьянствовали; в результате всего этого образовалась недостача хлеба по магазину около 10 тыс. килограмм. Кроме того осужденные обвешивали покупателей.

При проверке дела в порядке надзора уголовно-судебная коллегия Верховного суда Союза ССР установила, что самый размер недостачи хлеба — 10 т. кг — необоснован и явно преувеличен. Суд не принял во внимание и не проверил указаний обвиняемых, что значительная часть недостачи объясняется тем, что хлеб с хлебозавода доставлялся с большими недостачами против количества, обозначенного в препроводительных накладных, о чем составлялись акты (таких актов имеется приблизительно на 1200—1500 кг). Также суд не проверил указаний обвиняемых, что с хлебозавода хлеб отпускался совсем горячий и законной скидки не давалось, что было утеряно хлебных талонов более чем на 100 кг при отправке талонов в контрольную группу, что экспедиторы часто по ночам принимали хлеб без веса, а поштучно, что весы были слишком малы и неисправны, а также, что без веса передавался хлеб продавцам в подотчет. Совершенно ясно, что при такой системе работы могли возникнуть довольно большие недостачи хлеба. Что обвиняемые самоснабжались и разбазаривали хлеб, это установлено. Но по делу не установлено (ни предварительным следствием, ни судом), сколько расхищено хлеба и сколько каждый из обвиняемых в отдельности расхитил хлеба.

При таких обстоятельствах применение закона 7 августа 1932 г. к обвиняемым является необоснованным, и нужно было квалифицировать их действия по ст. 109 УК.

Из сказанного следует, что и размер присужденного гражданского иска необоснован. Кроме того неправильно солидарное взыскание всей суммы недостачи со всех осужденных, так как степень вины их различна, размер принесенного каждым из них ущерба кооперативу различен и взаимную договоренность их совместно расхищать хлеб по делу нельзя считать установленной. Например, суд в приговоре говорит, что обвиняемые Королев, Один и Савинков занимались «мелкими хищениями хлеба». Несмотря на это, с них присуждено солидарно 33 883 руб. Этот факт формального подхода к разрешению дела оставили незамеченным не только кассколлегия Мосгорсуда, но также и судебная коллегия Верховного суда РСФСР.

По предложению председателя уголовно-судебной коллегии Верховного суда Союза ССР Президиум Верхсуда РСФСР пересмотрел приговор и определение УК Верховного суда и постановил: определение судебной коллегии Верховного суда от 25 июля 1934 г. за необоснованностью отменить и дело в целом передать на вторичную проверку в судебную коллегию Верхсуда для окончательного разрешения его по существу, без обращения его к доследованию.

По союзным республикам

РСФСР

За высокое качество следствия

Следователи 23 районов Калининской области — участники состоявшегося 29 мая 1936 г. совещания районных следователей и руководителей Калининской и Московской областных прокуратур при прокуроре Союза ССР т. Вышинском, обсудив указания, сделанные т. Вышинским на этом совещании, о требованиях, предъявленных партией и правительством к работникам следствия и к качеству их работы по расследованию преступлений, приняли на себя следующие обязательства:

1. Сознавая всю важность и значение работы по расследованию преступлений, как одного из основных звеньев работы органов юстиции в осуществлении задачи решительной борьбы со всеми вылазками классового врага и его агентуры, в осуществлении задачи воспитания трудящихся к дисциплине, искоренения из их сознания пережитков капитализма, мы обязуемся быть классово бдительными и быстро наносить удар по всякому, кто пытается воспрепятствовать социалистическому строительству, кто покушается на общественную, социалистическую собственность, кто нарушает социалистическую законность, и в то же время чутко и с душой относиться к человеку, беречь охраняемые нашими законами права и интересы трудящихся от всяких на них покушений, от кого бы они ни исходили.

Мы обязуемся выше всяких наших интересов ценить доверенную нам партией и правительством работу и берем на себя ответственность за ее результаты, добиваясь четкого выполнения каждой нашей работы.

2. Для полного осуществления этого основного нашего обязательства, для очищения нашего собственного сознания от пережитков капитализма мы будем вести неустанную и повседневную работу над собой, прежде всего самих себя считая ответственными за конечную успешность нашей работы.

Наряду с этим мы обязуемся овладеть всей необходимой суммой общеобразовательных и специальных правовых знаний и уже к 1 января 1937 г. ликвидировать грубые недостатки в овладении устной и письменной формами нашего языка.

Мы обязуемся вступить в число студентов Заочного института права и до 1 января 1937 г. успешно сдать зачеты по всем дисциплинам 1 семестра.

3. В своей производственной работе на основе строгого и требовательного отношения к себе и к своей работе—повысить производительность своего следственного участка, обеспечив полноценным и технически грамотно проведенным расследованием все важнейшие возникающие в районе дела.

Нами не будет допущено ни одного случая неосновательного возбуждения уголовного преследования и вместе с тем ни одного случая несвоевременного возбуждения преследования и неосновательной затяжки расследования по делам, имеющим общественно-политическое значение.

Сознательной и упорной работой над выполнением поставленных перед нами партией и правительством задач мы добьемся чести быть достойными сынами и дочерями нашей великой родины, добьемся чести стоять в передовых рядах борцов за ее непобедимое могущество.

Да здравствует коммунистическая партия большевиков!

Да здравствует вождь народов товарищ Сталин!

Что дало открытое следствие

12 апреля с. г. пассажирский пароход «Туркменистан», идя из Баку в Астрахань, в дельте реки Волги потерпел аварию: столкнулся с идущей на буксире навстречу баржей «Мюрдань». Первичные материалы (акт об аварии, составленный капитаном, и второй — портнадзором, протоколы расследования портнадзора и пр.) свидетельствовали о том, что «когда было замечено встречное, идущее сверху судно, от которого пароход принял отмашку разойтись левыми бортами и поднимаясь к правому берегу, пошли самым малым ходом. Не доходя до встречного судна на расстоянии 150 м, пароход вдруг рискнул влево, отчего создалась угроза аварии. Лоцман сразу же отдал команду рулевому «право на борт», то же самое повторил капитан, но, поскольку судно руля не слушалось, то вслед за командой «право на борт», отдали «стоп машина», «правая полный назад», а вслед за этим «левая полный ход». Машины начали отрабатывать, но и в это время получился удар.

Одним словом первичный материал сводил дело на форсмажор (непреодолимая сила), ибо со стороны лоцмана и капитана были приняты все меры предосторожности, однако предотвратить аварии не могли.

Как бы то ни было, но в материалах проглядывали места, указывающие на то, что здесь не все было в порядке, что имелись субъективные причины аварии. Прокурор бассейна т. Бунов и старший следователь бассейна решили произвести по делу открытое следствие прямо на пароходе. Практически это прошло таким образом: в красном уголке собрали всю команду, туда же пригласили двух человек с баржи «Мюрдань», доложили сущность первичных данных и приступили к публичному допросу, предоставили право задавать вопросы присутствующим и предложили жела-

ющим дать показание. Результат оказался очень хороший.

Прежде всего опровергли утверждение о том, что маневры машинами были даны своевременно. Машинная команда в лице старшего механика и стоящих на вахте помощников сообщила, что команда «правая и левая назад» последовала тогда, когда уже получился первый удар. Это значит, что маневрировать машинами начали в момент аварии, когда уже маневрирование было бесполезно.

Далее вскрылось характерное обстоятельство такого порядка: когда пароход приблизился к встречному судну на близкое расстояние и наступила угроза аварии, то лоцман, вместо принятия немедленных мер, растерялся, забегал по мостику и, ударяя по бедрам руками, кричал: «батюшки, авария, батюшки».

Наконец было вскрыто третье чрезвычайно важное и пожалуй основное в этой аварии обстоятельство, а именно: если первичные материалы указывали на то, что пароход по принятии отмашки от встречного каравана стал придерживаться правого берега, то на самом деле было обратное явление. Оказывается, что впереди у правого берега стоял рыболовецкий караван, благодаря чему пароход при движении вперед не мог держаться правого берега и уклонялся влево и в результате при расхождении с встречным караваном оказались все суда на одной линии, т. е. в три пыжа; таким образом, пароходу некуда было деваться. При таком положении лоцман не должен был двигаться вперед, поскольку впереди стоял караван, а должен был отойти вправо, остановить ход и ждать парохода встречного каравана.

Кроме этих трех случаев открылись и другие менее значительные обстоятельства. Одним словом, причины аварии целиком были раскрыты на открытом следствии, и следователю оставалось привлечь соответствующих лиц к уголовной ответственности, выполнить требования уголовно-процессуального кодекса и оформить все необходимые следственные акты.

Изложенный опыт расследования аварии оказался весьма положительным как в смысле открытия подлинных причин, так и в смысле значительного сокращения времени следствия.

Но особое значение открытого следствия в данном деле проявилось в том, что следователю удалось преодолеть до сих пор распространенные во многих звеньях водного транспорта традиции «своих не выдавать», когда команда судна выгораживает своих водителей и сваливает вину на вахту другого судна. Данное дело явилось наглядным уроком, из которого многие смогли для себя сделать вывод, что «солидарность» в «староволжском» понимании этого слова не имеет ничего общего с советской практикой и самокритикой.

Несомненно, что далеко не по всем делам можно вести открытое следствие; в ряде случаев такой метод может запутать дело и дать возможность действительным виновникам уйти от ответственности.

Успех в таком следствии будет обеспечен лишь тогда, когда следователь правильно организует его, правильно будет руководить собранием и сумеет правильно направить инициативу масс.

В. Волков

УССР

Пора поставить точки над „и“[1]

В связи с неполадками, обнаруженными в последнее время в Московской коллегии защитников, коллегии, которая уже по своему центральному положению должна служить образцом порядка, четкости и добросовестности в работе, стали больше говорить об упорядочении правового и материального положения ЧКЗ.

Нужно полагать, что следствием последних выступлений на страницах печати явятся кое-какие сдвиги к тому, чтобы советским ЧКЗ не на словах, а на деле дали возможность стать действительно полноправными работниками органов юстиции наравне с судьями и прокурорами.

Открытие специального отделения по подготовке защитников с 3-летним курсом обучения при Ленинградском институте советского права («Известия» от 28 июня с. г. № 149) является, пожалуй, первой ласточкой, возвещающей о наступлении новой весны для ЧКЗ.

Ведь до этого времени на всех правовых курсах (по крайней мере так говорилось) как будто всегда намечался определенный контингент в защитники, но, как правило, после окончания курсов в корпорацию защитников вливались крохи, а то и совсем ничего не попадало.

Вот почему коллегии защитников варились в собственном соку, вот почему в коллегию защитников принимались люди, ничего общего с работой ЧКЗ и органов юстиции вообще не имевшие (вроде пресловутого т. Казакова из Фрунзенского коллектива г. Москвы) и, естественно, ничуть неспособствовавшие поднятию авторитета и уважения к этой категории работников юстиции.

На протяжении почти всего времени существования коллегии защитников отношение к ней и со стороны отдельных работников юстиции и целых организаций было неполноценным — двойственным. С одной стороны, ЧКЗ признавались неотъемлемой частью органов юстиции и, с другой стороны, они не признавались за полноправных трудящихся в Советском союзе и их долго даже не принимали в члены профсоюза.

Сколько было изломано перьев, исписано бумаги, потрачено энергии на выдумывание разных, часто нелепых, мотивов в доказательство того, что ЧКЗ нельзя принимать в члены профсоюзов. Все вертелись вокруг да около и никто не хотел прямо сказать, что раз ЧКЗ являются неотъемлемой частью органов юстиции, допущены к работе по положению о судоустройстве, несут очень ответственные обязанности и ответственность в своей работе как должностные лица в советских республиках, не может быть и речи о недопущении ЧКЗ в профсоюзные организации. А ведь это самое профсоюзное членство для всех коллегий защитников сослужило медвежью услугу — лучшие силы ушли из коллегии в юрисконсульты, плановики, экономисты и т. д.

Все прежние предложения того или иного товарища по поводу коллегий защитников, как

[1] В порядке обсуждения. — **Ред.**

правило, не выходили далее предложения надоевшей до оскомины чистки коллегии защитников и каких-либо технических предложений в смысле применения таксы и распределения заработка между ЧКЗ, что, конечно, сущности ненормального положения ЧКЗ не меняло.

Все это повторяется и сейчас. Например, т. Абрамов в своей статье («Соцзаконность», 1936, № 4) пишет, что в Азербайджанской КЗ, еще до появления статьи т. Казначеева («Соцзаконность», № 1) **нащупали** (подчеркнуто мною—**Ю. П.**) те основные каналы, по которым надлежит направить работу коллективов, чтобы она стала действительно коллективной, и тут же приводит 7 пунктов — каналов, в которых излагается структура будущей коллективной работы КЗ.

Подробно на предложениях т. Абрамова мы не останавливаемся, хотя бы потому, что, например, у нас на Украине коллективы существуют с 1929 г. и с этого времени мы перепробовали всякие формы работы, в том числе и бригадные. Все испробованные у нас методы тоже положительной роли в жизни коллегии защитников не сыграли, ибо, опять-таки, все новшества не шли дальше так называемой чистки и распределения сумм, поступающих в коллегию.

И до сих пор никто не хочет прямо сказать, что ненормальность положения коллегии защитников, положения какого-то придатка на теле органов юстиции, объясняется только ненормальностью правил, согласно которым ЧКЗ добывают себе средства к существованию.

Существование коллегии защитников на хозрасчете и является той ненормальностью, которая до сих пор держит коллегию защитников на отшибе от остальных работников юстиции. Например, у нас на Украине заведен порядок оплаты труда ЧКЗ в твердых месячных ставках, которые устанавливаются для каждого ЧКЗ в зависимости от разряда тарифной ставки, к которой он отнесен. А разрядов этих 10. Как известно, были в свое время окружные суды, потом межрайонные, потом областные. В соответствии с судами конструировались и коллегии защитников, причем каждый новый президиум считал своей обязанностью перетарифицировать подведомственных ему ЧКЗ, а 10-разрядная сетка давала возможность варьировать и вносить отсебятину, благодаря чему один и тот же защитник при одном президиуме относился к одной категории по зарплате, а при новом президиуме к другой. Бывали случаи понижения ЧКЗ сразу на 2 разряда без всякого объяснения причин такого понижения (Черниговская облколлегия). Случаи повышения разряда ставки редки и зависят, главным образом, от наличия в президиуме своего человека.

Вот почему все рецепты по упорядочению оплаты труда ЧКЗ в их современном виде, на наш взгляд, нужно отбросить и перейти к более радикальному изменению положения о коллегии защитников.

Существование коллегии защитников отдельно от остальных органов юстиции на каком-то хозрасчете и вносит до сих пор разнобой во взглядах на коллегию защитников и порождает все те ненормальности в отношениях судработников и работников прокуратуры и ЧКЗ, которые мы имеем и до сего времени. Существование ЧКЗ на хозрасчете (пусть даже бригадном и т. д.) вносит неприятный привкус о ЧКЗ, как о членах какой-то (пусть даже коллективной) организации, берущей плату за свой труд, которого клиент органически ощутить и оценить не может. Все существующие таксы оплаты труда ЧКЗ, вне зависимости от их построения, служат для ЧКЗ только одной цели — как можно больше выкачать за месяц. Все это часто порождает нездоровую практику, оставшуюся в наследство от частного кабинета — урвать побольше. Продукция работы ЧКЗ существенно отличается от продукции какой-либо хозяйственной организации, где продукция имеет точную расценку и занимает определенное и точное место и на самом производстве и на товарном рынке. Уточнить же и оценить каждое выступление ЧКЗ, каждый вид юридической помощи и определить их качество, которое служило бы критерием для сравнения в нашей работе и для определения сложности этой работы, невозможно.

С какой точки зрения ни подойти, но положение — когда одна часть органов юстиции получает содержание от государства, а другая сама обязана изобретать способы для выколачивания средств от трудящихся — безусловно ненормальное и требует радикального изменения.

Переход к такой оплате труда ЧКЗ, которая в корне бы изменила существующий порядок и раз навсегда положила конец тому ненормальному положению коллегии защитников, которое мы имеем сейчас, — на наш взгляд — вопрос сегодняшнего дня.

Мы предлагаем ввести огосударствление коллегий защитников в смысле приема оплаты их труда на государственный счет. Это мероприятие само по себе большим бременем на государственный бюджет не ляжет, ибо часть средств (и нужно полагать довольно солидная) будет поступать в доход казны, как, например, судпошлина от судов, нотпошлина от нотариата и т. д.

В связи с этим необходимо: 1) на все виды юридической помощи трудящимся и их объединениям и государственным учреждениям и предприятиям установить твердую таксу, которая не исключала бы некоторых видов юрпомощи и категорий трудящихся, получающих эту помощь бесплатно, 2) установить для всех ЧКЗ оплату труда, как специалистам, по поясам, или же по разрядам, которых должно быть не более 3. Для особо квалифицированных ЧКЗ следует ввести персональные ставки. 3) упразднить областные, окружные и краевые президиумы коллегий защитников, возложив функции надзора за работой ЧКЗ на председателя или его заместителя соответствующего облсуда, 4) учредить республиканские органы при верховных судах — в виде президиума коллегии защитников при Верховном суде — для руководства деятельностью КЗ, назначением ЧКЗ и определением им ставок зарплаты. 5) на всех правовых факультетах и курсах выделить определенный твердый контингент слушателей для соответствующего обучения и направления на работу только в коллегии защитников с обязательством прослужить в коллегии защитников не менее 2 лет.

Главный упор при этом нужно взять на укомплектование низовых районных юридических консультаций и на улучшение материального положения ЧКЗ этих юридических консультаций, ибо работники периферии (возможно и в ущерб своей специальности) поневоле должны

быть универсалами, а не узкими специалистами в определенной отрасли юридической работы.

Только при таком порядке оплаты труда ЧКЗ будут уничтожены причины, служившие, до сего времени основанием отчужденности ЧКЗ от остальных работников юстиции, только при таком порядке можно и необходимо требовать от ЧКЗ самой доброкачественной работы, только при таком порядке ЧКЗ будут равноправными работниками органов юстиции и не будут представлять собой и для работников суда и прокуратуры и для клиентуры какой-то обособленной организации, существующей на каких-то меркантильных расчетах.

Только при таком порядке ЧКЗ смогут полностью выполнить свою историческую роль в общей работе органов юстиции по охране установленного в Стране социализма правопорядка.

Здесь, конечно, возможны разговоры о нарушении таким порядком принципов демократизма в структуре коллегии защитников и т. д.

На это можно только ответить одно: все мы служим одному делу, стремимся к одной цели— построению социализма в нашей стране, и этой главной цели должны быть подчинены все взгляды и принципы.

Ю. Пассевин.

Совещание секретарей районных прокуратур и камер народных следователей Киевской области

Сложность задач, стоящих сейчас перед прокурорскими и следственными органами, требует усиления внимания также и к вопросу организации работы канцелярий прокуратуры и камер народных следователей.

В целях обеспечения проведения на местах необходимой перестройки работы технического аппарата прокуратур и камер народных следователей прокурором Киевской области был созван ряд кустовых совещаний секретарей прокуратур и камер народных следователей для обсуждения ряда связанных с этим вопросов.

21—22 мая с. г. в Киевской областной прокуратуре состоялось первое такое кустовое совещание, на котором присутствовало 50 чел. секретарей прокуратур и камер народных следователей районов, города и аппарата областной прокуратуры.

На повестке дня совещания были поставлены следующие практические вопросы.

1. Об организации делопроизводства.
2. Об учете, статистике и информации.
3. О хранении документов и работе по архиву.
4. О повышении квалификации.

По заслушании докладов выступавшие в прениях товарищи останавливались на недочетах как своей работы, так и на недочетах в работе техаппарата областной прокуратуры.

Из недочетов в работе на местах отмечался недостаточный контроль выполнения. Секретари на местах недостаточно проверяют наряды и это приводит к затягиванию разрешения жалоб.

Тов. Яблонская (секретарь народного следователя Белоцерковского р-на) указала, что плохо отражается на работе техаппарата частая смена работников у следователей. На протяжении последних 4 лет сменилось 5 секретарей.

Как на недочеты аппарата областной прокуратуры некоторыми из выступавших товарищей указывалось то, что сроки для выполнения тех или иных заданий иногда устанавливаются нереальные, что по отдельным перепискам на места получаются вторичные предложения о высылке тех или иных материалов, уже после того, как такие материалы в областную прокуратуру были направлены, что еще до сих пор имеют место задержки ответов на запросы районных прокуратур и народных следователей.

Немало внимания выступавшими товарищами было уделено тому, как районные прокуроры и народные следователи организовывают вместе с секретарями работу канцелярии.

Выступление секретаря прокуратуры В. Дубечанского района т. Доманской вскрыло, что со стороны прокурора Дымерского района т. Крыжановского, временно исполнявшего обязанности прокурора В. Дубечанского района, отсутствовало какое бы то ни было руководство работой секретаря. Прокурор на протяжении месяца не являлся в прокуратуру, когда же необходимо было составить отчет, прокурор по телефону предложил секретарю взять все материалы и ехать к нему для составления отчета.

Большинство выступавших товарищей из районов отмечали, что районные прокуроры и следователи работой техаппарата интересуются и руководят ими.

В своих выступлениях работники периферии жаловались также на перебои в обеспечении их карточками первичного учета, происходящие в результате несвоевременного централизованного снабжения. Ряд выступавших на совещании товарищей делились опытом постановки работы канцелярии.

Выступления показали, что мы еще отстаем от тех требований, которые предъявляются к нашей технической работе.

Сейчас перед работниками прокуратуры и следствия стоит задача возможно скорее наладить свой технический аппарат с таким расчетом, чтобы он обеспечил всю нашу работу.

Вопросу о работе секретарей над повышением своей квалификации было посвящено специальное заседание.

По окончании совещания секретари прокуратур и камер нарследователей возвратились в районы с ясным пониманием как задач, стоящих перед прокурорско-следственными органами, так и своей роли в деле выполнения этих задач.

Г. Чирский.

Постановление оперативного совещания прокуроров при генеральном прокуроре УССР

27/VII 1936 г.

Заслушав доклад зам. генерального прокурора УССР т. Радченко Ф. П. о работе всесоюзного прокурорского совещания от 13—16 июля 1936 г., оперативное совещание прокуроров констатирует:

I.

Резкая критика, которой была подвергнута работа Украинской прокуратуры по отдельным

конкретным делам, является совершенно правильной.

Органы Прокуратуры УССР нечетко, без надлежащей оперативности, с недопустимыми темпами выполняли ряд поручений Прокуратуры Союза. Допущенная волокита, неточное исполнение ряда поручений объективно создавало впечатление игнорирования поручений Прокуратуры Союза со стороны Прокуратуры УССР.

Такого рода положение резко противоречит принципам прокурорской дисциплины и дискредитирует органы Прокуратуры УССР.

В условиях единой сугубо централизованной системы, выполнение поручений вышестоящего прокурора, подчинение всем его приказам является залогом высококачественной и оперативной работы.

Ряд работников органов Прокуратуры УССР не осознали всей важности соблюдения строжайшей дисциплины и это привело к жестокой, но вполне правильной и заслуженной критике Украинской прокуратуры со стороны руководства Прокуратуры Союза.

II.

Мероприятия, направленные на усиление дисциплины, отраженные в проекте Устава о дисциплинарных взысканиях, мероприятия, направленные на укрепление кадров работников прокуратуры и следствия, отраженные в проекте Устава о прохождении службы и, наконец, четкое определение правовых и организационных принципов построения прокуратур, отраженное в проекте положения о прокуратуре, — все эти мероприятия оперативное совещание считает вполне своевременными и в основном их одобряет.

III.

Совещание считает совершенно своевременным и целесообразным реорганизацию прокуратуры и переход на отделы: судебный, следственный, общего надзора и т. д., поскольку это даст широкие возможности поднять качество прокурорской и следственной работы.

Совещание считает ошибочной точку зрения отдельных товарищей о нецелесообразности организации бюро жалоб.

Для того, чтобы претворить в жизнь те предварительные указания, которые получены на всесоюзном совещании в Москве, совещание считает необходимым:

1. Всем заведующим секторов Прокуратуры Республики, всем областным прокурорам лично в трехдневный срок проверить все невыполненные поручения Прокуратуры Союза и принять решительные меры к окончанию этих поручений максимально в декадный срок.

2. Установить порядок, при котором все поручения Прокуратуры Союза в Прокуратуре Республики рассматривает обязательно в день их получения лично прокурор Республики, а в областях поручения Прокуратуры Союза и Прокуратуры УССР — лично областной прокурор.

3. Установить специальный учет и график исполнения по Прокуратуре Республики и областным прокуратурам поручений прокурора Союза и Прокуратуры Республики, докладывая руководителям прокуратуры каждые 5 дней о движении материалов по этим поручениям.

Всю работу по контролю прохождения поручений Прокуратуры Союза и Прокуратуры Республики сосредоточить в секретариате Прокуратуры Республики и облпрокуратурах соответственно у специальных лиц.

4. Предупредить всех оперативных работников прокуратуры и следствия об их серьезнейшей личной ответственности за малейшее промедление в исполнении поручений Прокуратуры Союза и Прокуратуры Республики.

5. Приступить и провести всю подготовительную работу как в Прокуратуре Республики, так и в областях по реорганизации и ликвидации секторов, наметив распределение людей, объем работы и т. д. с тем, чтобы к моменту получения приказа прокурора Союза о реорганизации перестроить работу без ущерба для дела и без периода освоения новой системы.

6. Во исполнение приказа прокурора Союза от 3/VI 1936 г. № 37/23, немедленно организовать в областных прокуратурах и Прокуратуре Республики бюро жалоб, на которые возложить отсев жалоб, не подлежащих разрешению Прокуратуры Республики или областной прокуратуры, учет и контроль по срокам и по существу прохождения и разрешения жалоб как в Прокуратуре Республики, так и на периферии.

Совещание выражает уверенность, что органы прокуратуры Украины учтут допущенные ошибки, извлекут соответствующий урок из всего того, что было предметом обсуждения на совещании, и перестроят свою работу в соответствии с указаниями Прокуратуры Союза, чтобы вместе со всей системой Прокуратуры Союза быть на высоте тех политических требований и задач, которые сейчас ставятся перед прокуратурой проектом новой Сталинской Конституции.

Врид народного комиссара юстиции и генерального прокурора Республики

Ф. Радченко.

Приказ по Прокуратуре Республики

27 июля 1936 года № 5/21.62.

О НАРУШЕНИИ РЕВОЛЮЦИОННОЙ ЗАКОННОСТИ КИЕВСКОЙ ОБЛАСТНОЙ ПРОКУРАТУРОЙ

Нарушение революционной законности Киевской областной прокуратурой, которое было допущено незаконным выселением из дома жителей — рабочих, получило заслуженную суровую оценку со стороны уполномоченного Комиссией советского контроля при СНК СССР по Киевской области.

Уполномоченный Комиссии советского контроля наложил дисциплинарное наказание на ряд ответственных работников Киевской областной прокуратуры.

Уполномоченный КСК осудил также поведение представителя Прокуратуры Республики, который сделал попытку приостановить незаконные действия областной прокуратуры, однако не сумел добиться в этом направлении реальных результатов.

Прокуратура Республики, расценивая постановление уполномоченного Комиссии совет-

ского контроля, как целиком правильное, одновременно считает необходимым со своей стороны заострить внимание всех работников системы прокуратуры УССР на этом печальном случае и сделать из этого соответствующие выводы как для Киевской областной прокуратуры, так и для всех работников прокуратуры.

Вина работников Киевской областной прокуратуры усугубляется еще и тем, что после опубликования постановления уполномоченного КСК, в котором было указано на необходимость обратного вселения в дом, занятый облпрокуратурой под дачу, незаконно выселенных оттуда жителей, облпрокуратура не осознала действительного значения этого постановления.

Вместо того, чтобы немедленно очистить дачу и дать возможность выселенным жителям, которые находились в тяжелых условиях, вселиться в принадлежащие им квартиры, врид облпрокурора т. Косман стал на путь саботирования этого мероприятия и уклонился от его осуществления даже после того, как он получил об этом категорическое предложение от Прокуратуры Республики.

Лишь на второй день удалось произвести обратное вселение в дом его законных жителей.

За эти действия моим приказом от 22 июля т. Косману объявлен строгий выговор с предупреждением.

Таким образом Киевская областная прокуратура помимо своего основного проступка — нарушение революционной законности — допустила еще и грубое нарушение прокурорской дисциплины, не подчинившись приказу Прокуратуры Республики, который был направлен на исправление незаконных действий областной прокуратуры.

Это нарушение прокурорской дисциплины со стороны Киевской областной прокуратуры является не случайным. Оно является результатом специфической атмосферы «особого режима», который господствовал в Киевской областной прокуратуре.

Исходя из вышеизложенного, в дополнение к постановлению уполномоченного Комиссии советского контроля, приказываю:

1. Киевскому областному прокурору т. Старовойтову за недостойные действия работников областной прокуратуры, которые заключались в незаконном выселении граждан из дома, занятого областной прокуратурой под дачу, и в несвоевременном исполнении приказа Прокуратуры Республики о восстановлении выселенных граждан в их законных правах — поставить на вид.

Этой мерой считаю возможным ограничиться потому, что т. Старовойтов признал свою вину и обещал в дальнейшей работе исправить допущенные им ошибки.

2. Предупредить работников всей системы прокуратуры УССР, что всякие случаи нарушения революционной законности со стороны прокурора в дальнейшем повлекут за собой самые суровые меры вплоть до предания суду.

Настоящий приказ разослать всем областным, городским и районным прокурорам УССР.

Врид. генерального прокурора УССР
Ф. Радченко.

БССР

Лучше охранять интересы матери и ребенка

27 июня 1936 г. Центральный исполнительный комитет и Совет народных комиссаров СССР приняли закон о запрещении абортов, увеличении материальной помощи роженицам, установлении государственной помощи многосемейным, расширении сети родильных домов, детских яслей и детских садов, усилении уголовного наказания за неплатеж алиментов и о некоторых изменениях в законодательстве о разводах.

Новый закон свидетельствует о фактическом равенстве мужчины и женщины в нашей стране, о громадной заботе нашего социалистического государства о матерях и детях. В нашей стране созданы все необходимые условия для того, чтобы женщина-мать могла выполнять свои обязанности перед семьей и государством.

«Ни в одной стране в мире женщина не пользуется таким полным равноправием во всех областях политической общественной жизни и в семейном быту, как в СССР» (из постановления ЦИК и СНК о запрещении абортов, о помощи роженицам и т. п.).

Новый закон с большевистской прямотой поставил вопрос об усилении борьбы за охрану интересов матери и ребенка, о строгом наказании лиц, нарушающих эти интересы, разрушающих советскую семью. Этот закон подчеркнул с достаточной ясностью те задачи, которые стоят перед органами юстиции, охраняющими права матери и ребенка.

Проверка, произведенная бюро жалоб уполномоченного Комиссии советского контроля по БССР, показала, что органы юстиции БССР еще недостаточно развернули свою работу по охране интересов матери и ребенка.

Народные суды еще зачастую неправильно рассматривают по существу алиментные дела и присуждают совершенно мизерные суммы денег на воспитание детей. При рассмотрении алиментных дел народные суды в ряде случаев не учитывают материального положения отца (ответчика), не имеют в деле документов об его зарплате и зачастую присуждают матерям незначительные суммы денег на воспитание ребенка.

Народный судья 2 участка г. Минска т. Альтшулер гр-ке Копелевич при зарплате ответчика 200 руб., присудил на воспитание ребенка 15 руб., т. е. 7,5%.

Народный судья 3 участка г. Минска т. Манько присудил гр-ке Толстик на содержание детей 75 руб. в месяц, совершенно не учитывая и не зная материального положения отца.

Народный судья 3 участка г. Гомеля т. Шафранский гр. Минарской присудил с ее б. мужа Вайсмана, при его зарплате 500 руб. только 65 руб.

Народный судья 5 участка г. Гомеля т. Лейкинд по иску работницы Крепостиной к б. мужу Бритько присудил ей алименты в сумме 60 руб. при зарплате ответчика в 514 руб.

Такое же положение выявлено и в народном суде Логойского р-на, где нарсудья т. Калюто по иску колхозницы Мороз к учителю Свидрагайло, при зарплате ответчика 200 руб.

в месяц, присудил алименты на воспитание ребенка 30 руб. В народном суде Логойского района из 54 дел 1935 г. в 42 делах совершенно отсутствовали документы об имущественном положении ответчика, а нарсудья Калюто, несмотря на это, рассматривал дела и не принимал мер к тому, чтобы получить необходимые ему документы.

По ряду алиментных дел вскрыта недопустимая волокита. В народном суде 2 участка г. Минска народный судья Альтшулер рассматривал дело по иску гр. Хацкевич 6 месяцев (с 7/VIII 1935 г. по 26/I 1936 г.). В этом же народном суде народный судья Шпилевский рассматривал алиментное дело по иску гр. Сачковой на протяжении пяти месяцев. В народном суде Заславльского р-на дело по иску Садовской к Нестеровичу, поступившие 30/XI 1934 г., было рассмотрено нарсудьей Гризелем 19/II 1935 г. (через 2,5 месяца). Будучи обжалованным в Верховный суд, дело пролежало там 10 месяцев (до 15/XII 1935 г.) и переслано пред. гражданско-кассационной коллегии Верховного суда БССР т. Андрейчиком нарсуду 3 участка г. Минска, где было рассмотрено 15/I 1936 г. Волокита по этому делу по вине народного судьи Гризеля и председателя ГКК Верховного суда т. Андрейчика тянулась более года. Дело по иску Выстрих к Станкевичу рассматривалось народными судьями 3 участка г. Минска тт. Барановым и Манько на протяжении одного года.

В народном суде Логойского района (народный судья т. Калюто) дело по иску гр. Миклашевской к Вашкевичу рассматривалось 5 месяцев. Дело по иску Козловской к Рабицкому рассматривалось 6 месяцев.

В народном суде 1 участка г. Гомеля вскрыт следующий факт бюрократического и невнимательного отношения к рассмотрению алиментных дел. Гр. дер. Покалюбичи Гомельского р-на Баранова Елизавета обратилась в народный суд с просьбой присудить ей алименты на содержание ребенка с бывш. мужа Баранова И. К заявлению была приложена справка загса о рождении сына Барановой в 1930 г. Народный судья т. Горелик, прочитав заявление Барановой, несмотря на наличие в деле метрики, написал на заявлении следующую резолюцию: «Вернуть и разъяснить, что, как видно из отношения сельсовета, ребенок имеет 25 лет, таким образом, на алименты права не имеет». После этого заявление Барановой с резолюцией народного судьи пролежало месяц в канцелярии суда и лишь потом было возвращено ей. На день проверки алименты в пользу ребенка Барановой были присуждены, а народный судья Горелик привлечен к ответственности.

Алиментные дела лежат долгое время в нарсудах не рассмотренными из-за непринятия народными судами решительных мер к выяснению местожительства и материального состояния ответчика. В народном суде 5 участка г. Гомеля на протяжении 3 и 5 месяцев лежит 20 нерассмотренных алиментных дел. В народном суде 1 участка г. Минска дело по иску гр. Фангауз не рассматривается в течение целого года.

По ряду дел исполнительные листы выдавались на руки истицам не сразу после вынесения решения народного суда, а через 15 и более дней. Например, в народном суде 5 участка г. Гомеля по делу № 2167 истице Копейкиной Г. исполнительный лист выдан через 12 дней после решения нарсуда, по делу № 255 истице Бритько исполнительный лист выдан через 18 дней после решения народного суда.

В народном суде Логойского района по иску гр. Прахари к Алисеенко решение народного суда было 21/IV 1932 г., а исполнительный лист выдан истице 16/X 1934 г., т. е. через 2 года и 6 месяцев.

Совершенно слабо поставлена работа судебных исполнителей по вопросу взыскания алиментов. Учет исполнительных листов и делопроизводство отсутствуют. Судебные исполнители, получая исполнительные листы на взыскание алиментов, бездействуют и не принимают мер к быстрому исполнению решений суда. Большое количество исполнительных листов лежит без всякого движения у судебных исполнителей целыми годами.

У судебного исполнителя 1 участка г. Минска т. Шинкевича исполнительный лист гр. Бастун лежит без движения с мая 1935 г. Этот же судебный исполнитель по делу гр. Будай, несмотря на то, что ответчик находится в Минске, возвратил исполнительный лист истице для того, чтобы она сама взыскивала алименты с бывш. мужа.

У судисполнителя 2 участка г. Минска т. Быховцова исполнительный лист гр. Вайтович лежит невыполненным с января 1936 г. У судебного исполнителя 3 участка г. Минска т. Литвинковича исполнительный лист гр. Костюк лежит невыполненным с 1/I 1935 г.

Не лучшее положение и у судебного исполнителя 4 участка г. Минска т. Айзиковича, у которого исполнительный лист гр. Львовой Ю. лежит без движения с 5/XI 1934 г.

У судебного исполнителя Логойского р-на т. Поршнева исполнительный лист гр. Михальчик лежит невыполненным с 6/IV 1934 г. Судебный исполнитель до нашей проверки ничего не сделал, чтобы привлечь к уголовной ответственности гр. Белановского, уклоняющегося от уплаты алиментов гр. Михальчик.

Отдельные судебные исполнители не только не привлекают к ответственности злостных неплательщиков алиментов, но, наоборот, либерально относятся к ним. Так, например, судебный исполнитель г. Гомеля Червонцев посоветовал милиции прекратить уголовное дело, возбужденное на гр. Громыко, уклоняющегося от уплаты алиментов в течение 2 лет, на том основании, что Громыко пообещал ему выплачивать деньги. Этот же судебный исполнитель у гр-н Гапенко и Курганского брал взятки якобы за «труды», отданные им при взыскании денег. Судебный исполнитель Логойского р-на Поршнев 4 месяца не взыскивал алименты с врача Трич в пользу гр. Савицкой, а прокурор Логойского района т. Цингиссер, несмотря на вмешательство прокурора БССР т. Кузьмина, не привлек Трича к уголовной ответственности и не заставил его до нашей проверки ликвидировать задолженность по алиментам. Никаких мер не принято судисполнителем Логойского района к гр. Алисеенко, уклоняющемуся от уплаты алиментов своей жене в течение трех лет.

Большинство получаемых исполнительных листов по алиментным делам судебные исполнители пересылают предприятиям и учреждениям по месту работы ответчика. При пересылке исполнительных листов судисполнители не выясняют тщательно место работы ответ-

чика, а вызвав его, спрашивают, где он работает, после чего и направляют исполнительный лист на то или другое предприятие или учреждение; очень часто исполнительные листы возвращаются назад судебным исполнителям так как ответчики указывают неправильно место своей работы. Так например, судебный исполнитель г. Гомеля Шестаков, получив 21/III 1936 г. исполнительный лист о взыскании алиментов с гр. Мильбоера Самуила Борисовича, продержав его 3 месяца без движения, потом вызвал ответчика, узнал, что он работает на элеваторе, и переслал туда исполнительный лист. Оказалось, что Мильбоер обманул судебного исполнителя, так как на элеваторе он никогда не работал.

Контроль за выполнением исполнительных листов, пересланных предприятиям и учреждениям со стороны судебных исполнителей, отсутствует. Некоторые предприятия, получив исполнительные листы, не производят отчислений от зарплаты ответчика и не высылают алиментов матерям. Так например, в ремонтно-инструментальном цехе завода «Госсельмаш» по вине бухгалтера с 17/VI 1935 г. не взыскиваются деньги по исполнительному листу с гр. Марковского Антона. На заводе имени Ланцуцкого (Гомель) в сборном цехе бухгалтер Борщевский самовольно и необоснованно прекратил взыскание алиментов по 9 исполнительным листам. В вагонном цехе незаконно прекращено взыскание алиментов с гр. Адамович Е. Выявлено, что на заводе имени Ланцуцкого пересылка истицам взысканных алиментных денег производится не сразу, а через 7—11 дней после удержания с зарплаты.

Вскрыты факты, когда взыскиваемые деньги не пересылаются истицам долгое время. Так например, по иску гр. Борисенковой Н. к гр. Ткаченко судисполнителем г. Гомеля Червонцевым было взыскано в октябре 1935 г. 200 руб., которые истице не переводились 8 месяцев.

Судебный исполнитель Логойского р-на по иску гр. Слонской взыскал в январе 1936 г. алименты за один месяц, которые также не пересланы истице до нашей проверки.

Со стороны народных судей отсутствует всякий контроль за работой судебных исполнителей. Нет также никакого контроля за их работой со стороны Верховного суда БССР и Прокуратуры республики. Никакой борьбы с волокитой при взыскании алиментов народными судами и Верховным судом БССР не ведется.

Проверкой выявлено невнимательное и бездушно-бюрократическое отношение к жалобам женщин-матерей о невыплате им алиментов, а также неправильное рассмотрение этих жалоб по существу со стороны органов прокуратуры.

В Прокуратуре республики (пом. прокурора по гражданским делам т. Улезло) вскрыта безобразная волокита по вопросу рассмотрения алиментных жалоб. Получаемые алиментные жалобы Прокуратура республики пересылает районным прокурорам, у которых они маринуются не только по 4 и 5 месяцев, но и годами. Контроль за правильным рассмотрением алиментных жалоб в районах со стороны прокуратуры БССР совершенно отсутствует. Многие районные прокуроры, получая алиментные жалобы от Прокуратуры республики, маринуют их и не отвечают ей о результатах рассмотрения этих жалоб, а Прокуратура БССР не принимает никаких мер к тому, чтобы наказать волокитчиков, маринующих алиментные жалобы. Нередки факты отсылки жалоб тем райпрокурорам, на бездеятельность которых жалуются женщины. Так например, жалоба гр. Широковой пролежала без всякого движения в Прокуратуре БССР три недели, после чего была направлена пом. прокурора БССР т. Иоффе прокурору Ушачского р-на, куда, как пишет жалобщица, она уже в течение 10 месяцев обращалась и не могла добиться получения алиментов от бывш. мужа. Жалоба гр. Бондаренко Марии пролежала в Прокуратуре БССР без всякого движения 40 дней, после чего 15/II 1936 г. была переслана прокурору Сиротинского района. Как разрешена эта жалоба, Прокуратура БССР не знает, так как, несмотря на ряд напоминаний, сиротинский прокурор ей не отвечает.

Жалоба нарсудьи Кимрского р-на Западной области т. Малышева о безобразной волоките со взысканием алиментов в пользу гр. Коршуновой А. Д. лежит нерассмотренной целый год (с 3 мая 1935 г.). Несмотря на вмешательство в это дело гражданско-кассационной коллегии Верховного суда СССР и ст. пом. прокурора СССР т. Сольца, предложившего лично прокурору БССР т. Кузьмину принять срочные меры по жалобе Малышева, все действия Прокуратуры БССР ограничивались посылкой трех запросов прокурору Борисовского р-на Котику, который так и не ответил Прокуратуре республики до настоящего времени. Прокуратура БССР не привлекла к ответственности ни одного районного прокурора, маринующего жалобы.

Общее собрание профгруппы прокуратуры БССР, подытоживая итоги проверки работы по алиментным жалобам, в своем решении от 19/VI 1936 г. признала, что работа по рассмотрению алиментных жалоб поставлена неудовлетворительно и что со стороны Прокуратуры Республики не принимались меры против волокитчиков-прокуроров, маринующих жалобы.

В Прокуратуре БССР вскрыты факты невнимательного отношения к рассмотрению алиментных жалоб.

Например, при рассмотрении жалобы гр. Сидорчук Насти, проживающей в с. Острова Киевской области, пом. прокурора БССР т. Бобков невнимательно отнесся к этой жалобе и перепутал фамилию Сидорчук с селом, где она проживает, написав запрос прокурору Мозырского района о причинах невзыскания алиментов в пользу гр. Островой Насти, а не Сидорчук.

Не лучшее положение с рассмотрением алиментных жалоб вскрыто в прокуратуре г. Гомеля (прокурор т. Хомяков). Так, например, по жалобе гр. Куровской об уклонении от уплаты алиментов бывш. мужем Климовичем, работающим председателем колхоза «Искра» Ст. Терешковичского сельсовета, пом. прокурора г. Гомеля т. Токарев ограничился запросом у Климовича о причинах невыплаты алиментов, который никакого объяснения Токареву не прислал, и жалоба гр. Куровской лежит невыполненной два месяца. Никаких мер не принято прокурором г. Гомеля по жалобе гр. Вергейчик М. о злостном уклонении от уплаты алиментов в течение 5 лет бывш. мужа Юрченко, проживающего в колхозе «Кр. партизан» Ст. Дятловичского сельсовета. По этой

жалобе также ограничились запросом в колхоз и, не получив ответа, положили жалобу под сукно.

Получая жалобы об уклонении от уплаты алиментов «отцов», органы прокуратуры ограничивались вызовом этих граждан повесткой в прокуратуру и не принимали никаких мер к ним, если они не являлись в прокуратуру. Так, например, по жалобе гр. Хамазюк В. П. об уклонении от уплаты алиментов гр. Хамазюк, прокуратура г. Гомеля вызывала Хамазюка 19/III и 10/VI 1936 г. и, так как он не явился, не приняла никаких мер к розыску этого злостного уклонителя от уплаты алиментов.

В Прокуратуре г. Минска (прокурор т. Гинзбург) по жалобе гр. Павловой ограничились вызовом ответчика Шведчикова, а так как он не явился, то жалоба ее осталась без всякого движения с 14 января 1936 г. В таком же положении находится жалоба гр. Горавцовой о невзыскании алиментов с Глушакова, поступившая в прокуратуру г. Минска 1/I 1936 г. и по которой решительных мер до сего времени прокуратурой не принято.

Органы прокуратуры не принимали решительных мер к розыску отцов, злостно уклоняющихся от уплаты алиментов и не привлекли их к уголовной ответственности. Прокуратурой г. Гомеля в 1936 г. возбуждено 10 дел против уклонителей от уплаты алиментов, из них два дела на день проверки не были окончены, 7 прекращены и только одно дело передано в суд для рассмотрения. Благодаря безнаказанности злостных неплательщиков алиментов многие женщины годами не могут добиться получения алиментов на воспитание детей от бывш. мужей. Так например, гр. Герман Хася 1 г. и 3 месяца обращается к прокурору г. Гомеля т. Хомякову с просьбой разыскать ее бывш. мужа Робермана Самуила и никакого толку добиться не может.

Уполномоченный Комиссии советского контроля при СНК СССР по БССР предупредил врид. наркома юстиции т. Глезерова и председателя Верхсуда БССР т. Кудельского о недопустимости в дальнейшем отсутствия контроля с их стороны за работой судебных исполнителей и нарсудов по вопросам разбора алиментных дел и жалоб; наркому юстиции БССР предложено принять конкретные меры к улучшению работы по рассмотрению алиментных дел и жалоб и привлечь к строгой ответственности лиц, виновных в волоките и невнимательном отношении к алиментным делам и жалобам, в результате чего судебный исполнитель г. Гомеля Червонцев за преступную бездеятельность и злоупотребления с работы снят и отдан под суд. Народному судье Логойского района Калюто за волокиту при рассмотрении алиментных дел, отсутствие контроля за работой судисполнителя объявлен выговор. Судебным исполнителям г. Минска Шинкевичу и Логойского р-на Поршневу сделано указание на недопустимость проявленного ими отношения к выполнению судебных решений по алиментным делам. Сделано также указание пом. прокурора БССР т. Улезло и прокурору Логойского р-на на отсутствие с их стороны надлежащего реагирования на алиментные жалобы и им предложено улучшить свою работу по этим делам.

Необходимо отметить, что общественные, профсоюзные организации не помогают органам юстиции проводить борьбу с нарушителями прав матери и ребенка. Нами вскрыты факты, когда некоторые организации умышленно скрывают злостных неплательщиков алиментов, допуская этим самым издевательство над правами матери и ребенка.

Приведу следующий характерный случай.

Редактор Крупской районной газеты Леоненко Михаил Григорьевич бросил жену и ребенка. Жена Леоненко обратилась в нарсуд г. Гомеля с иском на алименты. Народный суд г. Гомеля запросил 25/X 1935 г. председателя Крупского рика т. Аноцкого о зарплате Леоненко — ответа не получил; 19/XII 1935 г. запросил Крупский райком партии о зарплате ответчика — ответа нет; 23/I 1936 г. запросил прокурора Крупского р-на, который сообщил, что Леоненко переведен редактором районной газеты в Пропойский район. 20/IV 1936 г. запрашивают прокурора Пропойского р-на — ответа нет. Только при помощи НКВД народный суд узнает, что Леоненко работает и получает зарплату свыше 350 руб., после чего назначает дело к слушанию. В день слушания дела жена Леоненко получает от него следующую телеграмму: «Выслал телеграфом триста рублей завтра их получишь прошу сними дело буду аккуратным—Михаил». Денег этих жена Леоненко, конечно, не получила, а народный суд присудил в ее пользу алименты на воспитание ребенка в сумме 50 руб. в месяц. Исполнительный лист был переслан Пропойскому РК КП(б)Б, который алиментов с Леоненко (член бюро РК КП(б)Б) не взыскивает и до настоящего времени. 9/II и 14/IV прокурор г. Гомеля запросил Пропойский РК КП(б)Б о причинах невзыскания алиментов с Леоненко — ответа нет. 25/III и 10/V запросил прокурора Пропойского р-на — ответа также нет. Таким образом, налицо имеется укрывательство злостного неплательщика алиментов Леоненко, члена партии, редактора районной газеты как районным комитетом партии, так и райпрокурором.

Член партии Гутарев, нач. политотдела совхоза «Коммунар» Уваровичского района, более года уклоняется от уплаты алиментов своей жене.

Органы юстиции вместе с общественными организациями, профсоюзами должны усилить борьбу, направленную на охрану прав матери и ребенка.

Е. Прусакова.

Аз. ССР

Год работы суда по делам о несовершеннолетних в Баку

Закон от 7 апреля 1935 года ЦИК и СНК СССР «О мерах борьбы с преступностью среди несовершеннолетних» является историческим документом в деле успешной борьбы и окончательной ликвидации такого отвратительного прошлого, как детская преступность.

Только один год нас отделяет от момента издания этого исторического закона, но этот год полон богатейшим опытом борьбы с детской преступностью. Наша практика показывает, как школы, увлекаясь поднятием качества учебы, иногда забывают о самом основном — о воспитании, в полном смысле этого слова, ученика. Пока еще редко дирекция и

педколлектив школы интересуются жизнью школьника вне стен школы. Ребенок, болтающийся без надзора, до поры до времени безобидно созерцает окружающее его, с интересом, присущим его возрасту, любознательно проникает везде и всюду, незаметно для себя и для родителей вовлекается в самую гущу преступлений, в среду классовых врагов, которые используют детей для своих грязных целей. Об этом говорит, например, дело по обвинению Гаджиева (который приговорен к 7 годам тюремного заключения). Гаджиев Мамед подчинил своему влиянию 11-летнего Белова, который совершал кражи под руководством и в пользу Гаджиева. Белов — сын рабочего, материально вполне обеспечен.

В нашей практике были дела, когда несовершеннолетние совершали кражи в результате бездушно-преступного отношения к ним воспитателей, например, дело 5 воспитанников детдома № 12 Феофанова и других.

В процессе судебного следствия по этому делу было установлено, что воспитание в этом доме было поставлено крайне безобразно: обслуживающий персонал отличался грубостью, доходящей до мордобития. Вследствие растраты завхозом дома 3 тыс. руб., для восстановления этой суммы была снижена норма питания воспитанникам. Дети не получали и 50% установленной нормы, в силу чего они решили (5 воспитанников) ограбить склад детдома, что и сделали.

Из всех приговоренных за год по нашему суду наибольший процент составляют имущественные преступления (178 чел. приговорены за кражи). Все они материально вполне обеспечены, если не считать беспризорных, которые после постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР от 31 мая 1935 года были помещены в детдома. После опубликования этого постановления в производстве нашего суда почти не было дел по обвинению беспризорных.

Второе место после имущественных преступлений занимает хулиганство. Всего осуждено за хулиганство 33 чел. и преступления против жизни, здоровья и достоинства личности — 9 человек.

Наша практика в борьбе с хулиганством показала, что отдельные школы неправильно поняли значение закона от 7 августа 1935 года. Они считали, что в силу этого закона нужно каждого дезорганизатора школы привлекать к уголовной ответственности и изолировать от общества.

Таково, например, дело ученика 22 школы Октябрьского района Меджидова Гамида. На судебном следствии по этому делу из допроса педагогов и завшколы было установлено, что эта школа в связи с изданием закона считала лишним вести систематическую работу с дезорганизаторами.

В производстве нашего суда аналогичных дел было не мало. Из общего числа обвиняемых 67 чел. являются учениками, которые, будучи в стенах школы, совершили те или иные преступления. Было установлено также, что все остальные обвиняемые были, незадолго до совершения преступления, учениками. Бросается в глаза, что школьники и бывшие школьники, почти все являются второгодниками. Часть их совершает преступления будучи еще школьником — второгодником, а другая часть, бросив школу, совершает те или иные общественно-опасные деяния.

Из допросов педагогов, самих обвиняемых и родителей нами было установлено, что второгодники обычно начинают свои отставания с того, что невнимательно относятся к учебе, перестают аккуратно посещать школу, манкируют, а затем, естественно, попадают в число отстающих. Школа и родители обычно спохватываются очень поздно. К сожалению, не во всех школах борьба с второгодничеством поставлена на должную высоту.

Характерно, что рост преступлений особенно велик в июле и августе. Это объясняется тем, что это каникулярное время школьников и последние находятся вне педагогического надзора. Это лишний раз подчеркивает, что летняя оздоровительная работа далеко еще не поставлена на должную высоту. Несмотря на эти недостатки органы юстиции, проводя советские законы, которые всегда только способствуют укреплению моральных качеств трудящихся, поднимая чувство человеческого достоинства и с другой стороны направляя острие ревзаконности против деклассированных элементов, толкающих несовершеннолетних на преступный путь, проделали огромную работу. Об этом свидетельствует резкое снижение детской преступности по г. Баку. Если среднее поступление в месяц в баксуд по делам несовершеннолетних за 1935 год составляло 50—55 дел, то за январь 1936 г. поступило всего 11 дел. Это явилось результатом твердого проведения закона от 7 апреля 1935 года.

Но было бы вредно успокоиться на достигнутых успехах. Необходимо, чтобы все органы, ведущие воспитательную работу, увязав работу друг с другом (что отсутствовало в 1935 г.), на основе закона от 7 апреля 1935 года и пост. ЦИК и СНК СССР от 31 мая 1935 г. и по примеру величайшего друга и заботливого отца детей, по примеру товарища Сталина, включились на борьбу за окончательную ликвидацию таких пережитков прошлого, как детская преступность.

Галукян

Договор социалистического соревнования в Азербайджанской коллегии защитников

Основным вопросом Азербайджанской коллегии защитников является вопрос о качестве работы защитников.

Этому центральному и главному вопросу подчинены все другие вопросы и в частности вопрос о формах работы — вопрос о коллективах.

Мы вслед за Москвой прошли все фазы развития коллективов. У нас была окладная система оплаты труда, не оправдавшая себя, существует ныне так называемая сдельная система, которая загнала нас в тупик и требует срочной и коренной перестройки.

Мы ждем, что скажет Москва, которая повидимому вплотную занялась вопросами коллегии защитников.

К сожалению, мы должны сознаться, что до самого последнего времени мы как-то мало уделяли внимания вопросам качества нашей работы.

Работа защитников находилась вне наблюдения совета коллегии.

Защитники выступали в судах, удачно или неудачно, а совет не контролировал работу защитников.

Это нужно объяснить отчасти и неправильной структурой совета коллегии и коллективов.

До самого последнего времени мы не ставили, да и не могли разрешить вопроса, как применить в нашей работе социалистические методы труда, как поднять качество нашей работы.

Правда, три года назад, мы заключили договор социалистического соревнования с Коллегией защитников Грузии, но этот договор реализован не был, остался на бумаге и был сдан в архив.

Была попытка вызова на социалистическое соревнование отдельными товарищами друг друга, но это тоже ни к чему не привело.

Совет занимался текущей работой, посылкой защитников в районы, назначением «казенных» защитников, разного рода дисциплинарными делами, а вопрос о качестве защиты, т. е. вопрос основной и центральный проходил мимо совета.

15 мая с. г. Военный трибунал гарнизона г. Баку предложил Совету коллегии защитников заключить с Трибуналом договор социалистического соревнования. Был прислан и проект договора.

Советом было созвано общее собрание защитников, на которое явились председатель Военного трибунала И. А. Тагиев и его помощник А. Г. Парсаданов.

Договор был принят единогласно.

ДОГОВОР СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО СОРЕВНОВАНИЯ

(Июнь—декабрь м-цы 1936 г.)

Военный трибунал гарнизона г. Баку в лице его председателя т. Тагиева И. А.

Аз. Коллегия защитников в лице председателя совета т. Александрова И. А.

БЕРУТ НА СЕБЯ ОБЯЗАТЕЛЬСТВО

1. Обеспечить членам Коллегии защитников выступающим по делам Военного трибунала, культурную обстановку для ознакомления с делом, обеспечить свидание с подзащитным. В течение 24 часов обсудить все ходатайства защиты, представляемые до слушания дела. При разрешении этого вопроса на подготовительном заседании обязательно приглашать защитников.

Извещения о назначении защиты по делам о воинских преступлениях вручать в коллегию не позже 48 час. а по спецделам не позже 72 час.

1. Обеспечить выступления защиты в Военном трибунале достаточно квалифицированными защитниками, своевременное и тщательное ознакомление с делом и подзащитным, своевременное представление ходатайств по делу.

2. По заслушании дела в течение 24 час. вручать осужденным копию приговора (выписку из приговора по спецделам). В течение 24 час. иметь готовый протокол (по спецделам в течение 72 час.) с полным отражением в нем хода судебного заседания.

2. Тщательное ознакомление с протоколом судебного заседания, при наличии упущений принести замечания на протокол. По требованию осужденного или по собственной инициативе в течение 5 суток с момента оглашения приговора составить мотивированную обоснованную кассационную жалобу.

3. Обеспечить культурной обстановкой работу защитника на судебном заседании. В течение 48 час. после получения кассжалобы дело направлять в кассационную инстанцию.

3. Тщательная подготовка защитника по судебному разбирательству дела, умело и культурно помогать суду в разрешении разбираемого дела.

Помня указания т. Сталина о том, что «культурная революция и революционная законность есть явления одного и того же порядка», соревнующиеся берут на себя обязательство полного осуществления указаний вождя народа.

Арбитрами были избраны секретарь парткома НКЮ, парторг Коллегии защитников и парторг ВТ и ВП.

Из приведенного договора легко усмотреть, что обязательства, которые возлагаются на защитника, являются обычными для каждого добросовестного защитника, так как тщательно ознакомиться с делом, во-время заявить ходатайства, проверить протокол судебного заседания и подать на него замечания, при надобности в срок подать мотивированную кассационную жалобу и т. д. — все это входит в круг наших обычных обязанностей.

Но наш договор преследует не только эту цель, центр тяжести заключается не в том, что делает защитник, а как он это делает. Этот договор поднимает на принципиальную высоту вопрос о качестве нашей работы и обязывает нас оказывать Военному трибуналу помощь хорошего качества.

Примеру Военного трибунала несомненно последуют и другие наши суды.

Чтоб с честью выполнить принятые на себя обязательства, мы должны поднять квалификацию защитников, мы должны поднять на новую высшую ступень качество нашей работы.

Хр. Ходжаев.

Уз. ССР

Заочное образование в Узбекистане

При помощи центрального заочного правового института при НКЮ Узбекской ССР в октябре 1935 г. открылся филиал заочного правового института. Идея заочного правового образования нашла живой отклик среди массы практических работников суда и прокуратуры и вместо контрольной цифры в 150 человек было принято 230 человек. Создано 3 ком-

сультпункта, вокруг которых было сгруппировано около 70% заочников. Низкий общеобразовательный уровень практических работников НКЮ Узбекистана заставил перенести центр тяжести на организацию предметно-цикловых отделений; так, из всего количества студентов удалось организовать лишь одну очную группу судебно-прокурорского факультета. Благодаря систематической и своевременной помощи ЦЗПИ нам удалось, несмотря на позднее начало занятий, добиться выполнения учебного плана за 1 семестр. В зачетной сессии за 1 семестр было сдано около 80 зачетов, причем имеются студенты, сдавшие все дисциплины, пройденные в первом семестре. Обращает на себя внимание тот факт, что наибольший процент отсева и «хвостов» падает на ответственных работников.

Значительным дефектом, не дающим нам возможности освоить всех заочников периферии, является отсутствие специальной литературы на узбекском языке. 85% работников районов составляют националы недостаточно подготовленные, оторванные от центра и вследствие этого не получающие систематической помощи. Включиться в систему заочного образования они не могут, так как всякая учеба, а заочная в особенности, без литературы ничего не может дать. Всю их литературу составляют весьма и весьма устаревшие кодексы. Вопросами издания юридической литературы на узбекском языке никто не занимается.

Наш филиал наметил к началу будущего учебного года перевод хотя бы обеих частей юрминимума.

К 1 января 1937 года по предметно-цикловому отделению предполагаем выпустить 40 человек.

Кроме работы по своему филиалу нам приходится оказывать учебно-методическую помощь таджикскому и узбекскому секторам.

При помощи специальной литературы на родном языке заочное образование в Узбекистане может сыграть большую роль в деле овладения работниками юстиции техникой своего производства и повышения качества их практической работы.

Аренберг.

Право-процесс-судоустройство в капиталистических странах

ЮГОСЛАВСКИЙ УГОЛОВНЫЙ КОДЕКС 1929 ГОДА

I.

ОБЩИЕ ПОНЯТИЯ И НАЧАЛА

Образовавшаяся в результате империалистической войны и насильственного присоединения несербских областей к Сербии Юго-Славия («королевство сербов, хорватов и словенцев») имела множественное уголовное законодательство. В Сербии действовало Уголовное уложение 1860 г., основанное на прусском уложении 1851 г. в Черногории уголовное уложение 1905 г., скопировавшее сербское уложение 1860 г., В Словении, Долматии, Боснии и Герцоговине, Кроатии и Славонии — австрийское уголовное уложение 1852 г.; в Воеводине — венгерское уголовное уложение 1878 г. с новеллами 1908 г.

В 1920 г. начались подготовительные работы по унификации уголовного законодательства Юго-Славии в специально образованной для этого комиссии при министерстве юстиции. В 1926 г. был внесен в парламент («народна скупщина») составленный комиссией при активном участии профессора Живановича проект нового УК. Проект этот пролежал в парламенте до 1929 г., подвергаясь многократному обсуждению.

Военно-фашистский переворот 1929 г. реализовал эту попытку унифицировать уголовное законодательство Юго-Славии на основе более новых иностранных образцов. После переворота увидел свет построенный на принципах неоклассической школы криминалистов югославский УК от 27 января 1929 г., введенный в действие королевским указом с 1 января 1930 г.

Помимо самого кодекса надо иметь в виду следующие законы: закон от 16 апреля 1929 г. о введении в действие УК и УПК; закон от 6 января 1929 г. об охране государственного мира и внешней безопасности Юго-Славии; закон о печати от 6 января 1923 г. с дополнениями от 6 января 1929 г., закон об исполнении мер охраны (обеспечивающих мер) от 13 января 1930 г.

Кроме того, надо иметь в виду закон от 9 октября 1931 г. о дополнениях и изменениях УК, изданный вследствие «перехода от диктатуры к законному режиму». С внешней стороны УК Юго-Славии, состоит из трех частей, 28 глав, содержащих 404 статьи.

УК делится на следующие главы: 1) общие положения (ст.ст. 1—14); 2) нарушения и виновники их (ст.ст. 15—34); 3) о наказаниях (ст.ст. 35—49); 4) о мерах охраны (ст.ст. 50—59); 5) о применении по совокупности уголовных законов и правил о нарушениях (ст.ст. 60—64); 6) об условном осуждении (ст.ст. 65—68); 7) о нарушениях, совершенных осужденными ст. 69); 8) о назначении наказания (ст.ст. 70—77); 9) о давности (ст.ст. 78—83); 10) об утверждении предложений и о жалобах в порядке частного обвинения (ст.ст. 84—87); 11) о реабилитации (ст. 90); 12) о преступлениях против государства (ст.ст. 91—126); 13) О преступлениях против органов власти (127—134); 14) о посягательствах против правосудия (ст.ст. 135—153); 15) о посягательствах против государственного порядка и общественного спокойствия (ст.ст. 154—166); 16) о посягательствах

против жизни и здоровья (ст.ст. 167—186); 17) о посягательствах против публичной безопасности (ст.ст. 187—203); 18) о посягательствах против безопасности путей сообщения (ст.ст. 204—213); 19) о фабрикации поддельных документов и неправильных весов (ст.ст. 214—233); 20) о подделке монеты (ст.ст. 234—241); 21) о посягательствах против личной свободы и безопасности (ст.ст. 242—250); 22) о нарушениях чужой тайны (ст.ст. 251—253); 23) о посягательствах против публичного порядка (ст.ст. 254—268); 24) о посягательствах против публичной морали (ст.ст. 269—289); 25) о посягательствах против брака и семьи (ст. ст. 290—296); 26) о посягательствах против чести (ст.ст. 297—313); 27) о посягательствах на наследство (ст.ст. 314—383); 28) о посягательствах против обязательств по службе (ст.ст. 384—404).

Виды преступных деяний. В 14 статьях первой главы сформулированы основные положения УК в этой плоскости.

УК разделяет догматичный и абстрактный принцип классической школы о том, что нет преступления без закона и нет наказания без закона.

Там же указывается о принципе непридания обратной силы закону за исключением уголовных законов, смягчающих наказуемость. Приводится также принцип согласования УК с международным уголовным законодательством. Принцип этот сформулирован в том смысле, что для согласования надо иметь в виду территориальные и личные признаки. Указывается также о нераспространении УК на лиц, наказуемых по специальным законам. Приводится разделение несовершеннолетних на три категории (ненаказуемые до 14 лет, наказуемые правонарушители от 14 до 17 лет «более молодые», наказуемые правонарушители от 17 до 21 года «более зрелые»).

Все преступные деяния делятся на преступления, проступки и нарушения. Критерием для этих различий оказывается непосредственная ссылка на карательные санкции УК и на отдельные правила о нарушениях.

Условия совершения деяния и вменения в вину. Определения умысла и небрежности сходны с германскими проектами 1919 и 1925 гг. Основой этих определений являются теория представления (Лист), согласно которой в действиях субъекта преступления должны быть элементы хотения и предвидения преступного результата, и теория непрямого умысла (Франк), согласно которому субъект преступления не имеет расчета на какое-либо определенное обстоятельство, которое способно предотвратить преступный результат.

Однако в понятие умысла внесена поправка, принадлежащая одному из творцов УК проф. Живановичу: «Умысел существует всегда, когда имеется налицо сознание последствий». Этот вывод проф. Живанович защищает утверждением о том, что умысел только тогда может быть определен, когда теория представления сочетается с теорией непрямого умысла в плоскости непредвидения последствий.

Принцип неосторожности тоже согласован с указанными утверждениями.

Невменение в вину выражено в следующем виде: «Не несет ответственности тот, кто во время совершения деяния не сознавал его природы и последствий по причинам: душевного расстройства, помрачения сознания, духовной неполноценности или душевной болезни».

Также не вменяются в вину деяния, противозаконность которых не установлена. Например, не наказуется деяние, совершенное в состоянии необходимой обороны, так как оно не является противозаконным. Тут же разрешены вопросы о невменении в вину деяний, совершенных более молодыми несовершеннолетними, если они не сознавали природы и последствий деяний, но с принятием в отношении несовершеннолетних мер охраны.

Покушение. Карается покушение как оконченное, так и добровольно оставленное. Мера наказания определяется по смешанной теории — исполнитель наказывается в меньшем размере, чем за оконченное преступление. Покушение, которое не было доведено до конца вследствие абсолютной невозможности довести его до конца, ненаказуемо.

Соучастие. Указываются две особенности наказуемости участия: соучастник наказуется более мягко, нежели исполнитель; принимаются во внимание обстоятельства, которые устанавливаются, как смягчающие и отягчающие, в личности исполнителя и соучастника.

II.

НАКАЗАНИЯ

Наказание построено по принципу возмездия за вину. В защиту этого принципа приводим два высказывания: один из творцов УК проф. Живанович заявляет, что «Наказание по своей сути есть только возмездие за вину и ничего больше». Профессор Белградского университета Доленц утверждает, что наказание по принципу возмездия за вину вполне соответствует национальной идее народов Юго-Славии.

Наказания бывают основные и дополнительные, позорящего и непозорящего характера. К первой категории принадлежат: смертная казнь, тяжкое тюремное заключение, сопряженное с каторжными работами («робья»). Ко второй категории принадлежат: тюремное заключение («заточенье»), арест и штраф. К дополнительным наказаниям относятся: лишение прав гражданских, родительских и занятия профессией.

Смертная казнь. Смертная казнь применяется через повешение и приводится в исполнение публично по правилам, изложенным в статьях 415—417 югославского УПК.

Наказания, поражающие свободу. Приведенные выше тяжкое тюремное заключение, тюремное заключение и арест являются по УК наказаниями, поражающими свободу. В карательных санкциях соответствующих статей УК имеются ссылки на два вида этих наказаний (один более строгий, другой менее строгий).

Тюремное заключение. Тяжкое тюремное заключение применяется пожизненно или на срок и отбывается в специальных тюрьмах. Тюремное заключение ограничено сроком до 20 лет.

Ст. 40 УК устанавливает следующее: отбывание наказания начинается заключением в одиночной камере, продолжается в общей, сопровождается работами с изоляцией на ночь и во время прогулок, затем продолжается в переходной тюрьме для освобождающихся и заканчивается условным освобождением.

Как это видно из ст. 40 УК, в Юго-Славии применяется ирландская система. Система эта сходна с английской системой, причем в первых двух своих стадиях она совпадает с первой стадией английского уголовного рабства.

Порядок отбывания наказания обязательно указывается в приговоре. Отсрочка исполнения приговора может иметь место на срок не свыше одного года. Осужденные распределяются с учетом индивидуальных особенностей (социального положения), срока и пола. Отбывание наказания должно быть организовано «без вреда для здоровья». Необходимо отметить, что по специальному закону от 13 февраля 1929 г. отбывание части срока в одиночке сопряжено не только с изоляцией в одиночке, но и на прогулке, в школе и в церкви. Осужденных два раза в неделю должны посетить: директор тюрьмы, врач, учитель, священник и начальник охраны. Вторая часть срока отбывается в общей камере, в которой должно находиться от 5 до 10 человек. Курить разрешается только во время пребывания в общей камере и в специальных местах. Каждый осужденный должен работать зимой в течение 9 час., летом в течение 11 час. Ношение специального костюма для заключенных является обязательным. Вся плата за труд заключенного поступает в доход тюрьмы. Условное освобождение может иметь место по отбытии двух пятых срока, если наказание было установлено на срок более года. Для условного освобождения помимо отбытия двух пятых срока нужно добровольно провести в одиночке больше того срока, который является обязательным. Заключенный должен зарекомендовать себя с хорошей стороны. Об условном освобождении надо обратиться в тюремный совет, состоящий из тех пяти лиц (директор тюрьмы, врач, учитель, священник, начальник охраны), которые указаны выше, и одного представителя от городского самоуправления. В случае совершения нового преступления или нарушения других условий, под которыми заключенный был освобожден, он может быть вновь водворен в место заключения.

Несовершеннолетние «более взрослые» должны отбывать тюремное заключение отдельно. Режим для них должен быть построен так, чтобы он содействовал их «духовному и физическому укреплению». В тюрьме их должны обучать ремеслам. Одежда должна быть отличной от одежды взрослых заключенных. Дисциплинарные взыскания для взрослых (жесткое ложе, темная камера и кандалы) могут применяться и к этой категории несовершеннолетних. По достижении 21 года несовершеннолетний заключенный, не отбывший срока, переходит под охранительный надзор. Несовершеннолетние «более молодые» должны отбывать наказание в специальных колониях. Порядок отбывания определяется судом. Учреждения для этих несовершеннолетних могут быть государственными и частными. В день осуждения над несовершеннолетним прекращается действие родительской и опекунской власти. Все связанные с отбыванием несовершеннолетними наказания вопросы разрешаются судьей по делам несовершеннолетних по представлению государственного обвинителя, (прокуратуры в Юго-Славии не существует). Под представлением надо иметь в виду не протест государственного обвинителя, а соглашение его с судьей. Условное освобождение может иметь место только при отбытии не менее одного года тюремного заключения с обязательным применением к освобожденному охранительного надзора.

Всякое условное освобождение может иметь место только после утверждения министерством юстиции.

Надо тут же отметить, что ни одного специального места лишения свободы для несовершеннолетних в Юго-Славии не существует.

Арест. Арест бывает строгий и обыкновенный. Строгий арест (от 7 до 5 лет) отбывается в тюрьмах при судах.

Штраф. Штраф ограничивается минимумом в 25 динаров (динар — четверть копейки), максимум в законе не установлен. В случаях, когда преступление совершено по корыстным мотивам, суд вправе, если за данное деяние угрожает только строгий арест, заменить штрафом до 250 000 динаров. Штраф обращается в фонд тюремных учреждений. По желанию оштрафованного, штраф может быть отработан.

Если принять во внимание, что минимальный заработок рабочего в Юго-Славии достигает 80 динаров в месяц, то можно сделать вывод, что минимум штрафа является очень серьезным наказанием.

Меры охраны. (обеспечивающие меры). Меры охраны применяются по постановлению суда как в отношении взрослых, так и несовершеннолетних. Профессор уголовного права в Белграде Доленц утверждает, что меры охраны не являются наказаниями, а являются «особыми санкциями, перечисленными в УК». В УК перечислены следующие меры охраны: превентивная изоляция, помещение в исправительный дом с принудительным трудом, помещение в психиатрическую больницу и помещение в лечебницу для алкоголиков. Ст. 60 УК предусматривает издание специальных правил о применении мер охраны. Такие правила содержатся в законе от 17 января 1930 г. Превентивная изоляция может быть применена в отношении рецидивистов (рецидивистом признается осужденный три раза в течение 5 лет). Под рецидивом понимается совершение любого повторного преступления «по сходным мотивам». Осуждение иностранным судом приравнивается к осуждению судом Юго-Славии. Помещение в исправительное учреждение с принудительным трудом может иметь место в отношении профессиональных преступников, бродяг, проституток, нищих и вообще лиц, проявляющих отвращение к труду. Целью помещения закон указывает необходимость приучить их к труду. Помещение в психиатрическую больницу может иметь место в отношении невменяемых и полувменяемых. Кроме того может иметь место в качестве меры охраны конфискация плодов преступления. Меры охраны могут применяться как каждая в отдельности, так и несколько одновременно в случае необходимости.

Условное осуждение. Условное осуждение применяется только в случаях избрания меры наказания в виде строгого ареста от 6 месяцев или простого ареста до 1 года, если «суд найдет, что есть основания ожидать, что осужденный не совершит под влиянием осуждения нового преступления». На практике суды часто применяют, как удостоверяет проф. До-

ленц, условное осуждение для того, чтобы освободить места в тюрьме, так как их нехватает.

Испытательный срок определяется судом в пределах от одного до пяти лет. Это правило не применяется к тем, кто за последние десять лет был приговариваем к строгому аресту до одного месяца. Суд может поставить дополнительное условие, чтобы осужденный в течение срока не свыше одного года загладил причиненный им вред.

Назначение наказания. Ст. 70 указывает, что при определении меры наказания должны быть приняты во внимание все обстоятельства, которые делают наказание более или менее большим, имея в виду и личность совершителя. По ст. 71 УК суд был вправе, установив одно или несколько обстоятельств, смягчающих вину, перейти к более мягкому наказанию. При неуказании низшего предела применялся предел в один год тюрьмы. По новой редакции ст. 71, измененной в 1931 г., каторжные работы в этих случаях заменяются тремя месяцами тяжкого тюремного заключения, а тюремное заключение строгим арестом на один месяц. Суд вправе по ст. 73 УК освободить совершителя преступного деяния от ответственности, когда деяние это основано на ошибке совершителя, и последствия этого деяния исключают необходимость наказания. В качестве отягчающих обстоятельств по ст. 75 УК рассматривается сильное проявление совершителем преступной воли или тяжелые последствия. Суд обязан также по своему внутреннему убеждению исходить при определении наказания из оценки «других обстоятельств, которые заключаются в наследственности осужденного и его жизненных условиях, если они имели влияние на совершенное».

III.

ВИДЫ ПРЕСТУПЛЕНИЙ

Мы приведем здесь только те преступления, которые наиболее ярко характеризуют социальные отношения в Юго-Славии и их классовую природу.

Преступления против государства (ст.ст. 91—126). Глава об этих преступлениях почти целиком содержит в себе с поправками и дополнениями исключительный закон о защите государства от 3 июля 1921 г. Острие этой главы направлено против тех, кто посягнет на незыблемость государственного строя в Юго-Славии, жизнь ее короля и неприкосновенность ее границ. Приготовление государственного преступления карается как оконченное преступление. Групповым признается приготовление при наличии не менее двух участников. Карается не только организация тайных обществ, которые поставили себе целью изменить государственный строй Юго-Славии, но и самый факт принадлежности к такому обществу. Наказаниями являются: смертная казнь, тяжкое тюремное заключение, сопряженное с каторжными работами, пожизненно и на 20 лет, последнее — при наличии смягчающих вину обстоятельств. С 1931 г. законодательные учреждения Юго-Славии тоже защищаются УК от преступных посягательств.

Преступления против органов власти (ст.ст. 127—134). Сопротивление органам государственной власти, совершенное в целях воспрепятствования ее нормальной деятельности, карается тяжким тюремным заключением. Если сопротивление оказано членам правительства, то наказание усиливается до смертной казни включительно. Всякий, кто поддержит насильственные действия, направленные против отдельных групп населения по мотивам политических или социальных убеждений, карается тяжким тюремным заключением.

Преступления против жизни и здоровья. (Ст.ст. 167—186). Убийство из низменных побуждений карается смертной казнью. Детоубийство карается тяжким тюремным заключением.

Имущественные преступления. Простая кража карается тяжким тюремным заключением. Наказание повышается, если виновный поставил потерпевшего в тяжелое положение, если похищение имело место в церкви, если виновный проявил особое умение, силу и ловкость. Если виновные были вооружены или если виновные являются преступниками-профессионалами, то наказание повышается до максимального предела.

Практика применения нового югославского УК дает возможность установить нижеследующее:

Наблюдается большой рост количества осужденных (если взять за 100 количество осужденных в 1930 г., то количество осужденных в 1932 г. будет 162). Имеющиеся 11 тюрем для взрослых мужчин и 3 для взрослых женщин переполнены до ужасающих пределов. Режим для заключенных является настолько бесчеловечным, что за один 1934 г. имели место 77 голодовок. Подавление этих голодовок происходит в такой трагической обстановке (дело Милетич, Прика и Ивак), что никакие сведения об этих голодовках в югославскую печать не проникают.

Такова система уголовной репрессии югославского фашизма.

И. Сашер.

В институте уголовной политики

Судебная практика по авторским делам

В первой половине текущего года группой исключительных прав Секции гражданского права и процесса Института судебной политики было организовано изучение авторских дел, прошедших за 1935 г. в Москве через специальную камеру нарсуда по авторским делам и Московский городской суд. Для производства этого изучения была сформирована бригада из специалистов по авторскому праву — судебных работников, работников писательских общественных организаций и издательств. В состав бригады вошли: тт. Самбур, Винавер, Крутиков, Танин, Шафров и Пертцик. Бригадой в течение 2—3 мес. было обследовано около 2000 авторских судебных дел. Собранный материал был систематизирован, подвергнут анализу, и на его основе в течение апреля и мая м-цев с. г. в Институте судебной политики был проведен ряд докладов членов бригады по актуальным вопросам авторского права.

Первым докладом прошел доклад т. Винавера А. М. на тему: «Солидарная ответственность и договор литературного заказа в законе и судебной практике». Докладчик констатировал, что в судебной практике нет единой твердой линии по вопросу о солидарной ответственности авторов по издательским договорам. В некоторых случаях суд допускает применение солидарной ответственности авторов, в других случаях — отвергает эту ответственность, но в решениях по этим делам отсутствуют мотивировки, что свидетельствует о колебаниях судебной практики по данному вопросу.

Давая общую характеристику солидарной ответственности авторов, А. М. Винавер указывает, что солидарная ответственность (круговая порука) представляет большие удобства для кредитора (издательства) как материального, так и чисто процессуального характера, позволяя ему обращать взыскание по договору, в случае его неисполнения, на другого контрагента и представляя издательству возможность большей свободы в выборе территориальной подсудности.

Если применить элементы солидарной ответственности к договору авторского заказа, то при нарушении автором условий договора и одновременном причинении издательству имущественного вреда, издательству вовсе не нужно опираться на формулу солидарной ответственности, а следует прибегнуть к действию ст. 408 ГК и, наоборот, поскольку нарушен только договор соучастия, но нет нарушения деликтного характера — оговорка о солидарной ответственности должна получить полную силу.

Но в вопросах применения солидарной ответственности необходимо различать два случая. Если предметом авторского договора является произведение, состоящее из нескольких самостоятельных (самодовлеющих) частей, каждая из которых пишется определенным автором — солидарная ответственность по таким договорам не должна применяться.

Если же авторы заключили с издательством договор на составление одного целого, законченного монолитного труда, в котором трудно различить, где кончается работа одного и где начинается труд другого — в этом случае авторы за непредставление работы должны отвечать солидарно. Но эта солидарная ответственность наступает не в силу имеющегося о ней упоминания в договоре, а в силу ст. 116 ГК.

При расторжении авторского договора по причине непредставления рукописи — вопрос о возврате авансов, выданных соавторам должен разрешаться не по принципам солидарной ответственности, хотя бы таковая и была предусмотрена в договоре, а по принципу индивидуального подхода и выяснения того, сколько фактически авансовых сумм получил каждый из соавторов.

Резюмируя выводы, докладчик отметил, что на практике в договорах литературного заказа солидарная ответственность занимает небольшое место, но если она действительно возникает, то не столько в силу договора, сколько в силу закона, либо в силу того, что данные действия неделимы, либо в силу того, что закон и без этого установил солидарную ответственность во всех деликтных обязательствах.

Выступивший в прениях по докладу т. Самбур (Мосгорсуд указал, что в московских судах авторских дел с солидарной ответственностью сравнительно немного, причем эти дела в большинстве связаны с возвратом авансов. Тов. Самбур считает, что авторские договоры являются больше трудовыми договорами, чем договорами, регулируемыми Гражданским кодексом. Поскольку нельзя допустить солидарную ответственность по трудовым договорам, она неприменима и к авторским договорам.

Тов. Штейнберг высказал противоположную точку зрения, считая, что солидарная ответственность в авторских договорах допустима, обосновывая это свое мнение ссылкой на ст. 5 Основ авторского права, устанавливающую возможность соавторства.

Т.т. Домбровский и Орлов считают, что солидарная ответственность может быть предусмотрена не только по закону, но и по авторскому договору. Это вызывается соображениями общественного интереса и необходимостью стимулирования договорной дисциплины авторов.

Тов. Шафров (Литфонд СССР) полагает, что основные тезисы доклада А. М. Винавера правильны, поскольку советский писатель является трудящимся и членом профсоюза — необ-

ходимо подходить к автору с трудовой меркой, а не как к «лицу свободной профессии». Нормы действующего ГК в настоящее время во многом устарели. Солидарная ответственность по ГК установлена для взаимоотношений коммерческого порядка, а потому к авторским договорам, как разновидности трудовых договоров, она неприменима.

Тов. Крутиков (союз писателей) считает, что солидарная ответственность в авторских договорах вызывается удобством для издательства в тех случаях, когда оно требует возвращения сумм. Между тем, издательство должно нести ответственность за подбор авторов, привлекаемых к данной работе, входить в более тесное общение с соавторами и с каждым из них устанавливать непосредственные материальные отношения.

Тов. Городецкий (управление по охране авторских прав) отметил, что нельзя делать одного автора ответственным за работы других. Смысл солидарной ответственности заключается в том, что несколько лиц приняли на себя эту ответственность, и если один не выполнил работу, другой выполнит. В литературном труде такая замена невозможна.

Тов. Борисов (Прокуратура СССР) считает, что авторское право является ближайшим родственником трудового права, и никто от этого тезиса отказаться не может. Основной политический смысл установления солидарной ответственности по ГК заключался в необходимости охраны интересов госпредприятий от частников. В отношении авторов должен быть совсем иной подход. Установление солидарной ответственности для авторов будет прежде всего огромной премией и огромной льготой для издательств. Она избавляет издательство от обязанности конкретного изучения каждого автора. Кроме того, солидарная ответственность по авторским договорам не стимулирует коллективные формы работы авторов, а, наоборот, отпугивает их. От солидарной ответственности по авторским договорам следует отказаться, в целях повышения бдительности издательства и стимулирования коллективных форм творчества. Солидарная ответственность, вытекающая из деликта, должна быть сохранена, ибо этим мы будем бить не по квалифицированному автору, а по человеку, ничего общего не имеющему с трудовым правом.

Вторым докладом, проведенным в Институте судебной политики, был доклад т. Крутикова Н. В. (Союз советских писателей) на тему «Судебная практика по авторским делам».

Этот доклад систематизировал практику московских судебных органов по делам авторов с издательствами и охватывал круг следующих вопросов: исполнение издательского договора, объем рукописи, представление рукописи в готовом для печати виде, расчеты по договору, тираж издания, просрочка представления рукописи, качество рукописи, просрочка выпуска первого издания, отказ от выпуска издания по независящим от издательства обстоятельствам.

Наиболее интересные моменты судебной практики следующие:

Печатный лист является единицей измерения авторского труда. Объем рукописи исчисляется в печатных листах и определяет размер авторского гонорара. Это обстоятельство требует единого для всех издательств метода исчисления печатного листа.

Способ исчисления печатного листа в законодательном порядке не установлен. В типовом издательском договоре имеется лишь указание — «учет количества печатных знаков производится способом, принятым для типографских работ». Способы исчисления печатного листа для типографских работ в издательствах неодинаковы. Это влечет за собой неточность определения объема рукописи, и следовательно, неточность расчета с автором. При различных методах подсчета разница в определении объема рукописи может составлять до 15%. Отсутствие общего и обязательного для всех издательств способа исчисления печатного листа — существенный пробел нашего законодательства.

Ст. 3 типового издательского договора обязывает автора сдать труд лишь в одном экземпляре, переписанном на пишущей машинке или в удобочитаемом рукописном виде. Переписка на пишущей машинке удобочитаемой рукописи должна производиться за счет издательства. Обычно издательство включает в договор условие, обязывающее автора представить труд в количестве 2 экз. (издательства «Художественная литература», «Советский писатель» и др.), иногда в 3 экз. (изд-во «Академия») и даже в 4 экз. («Востокфильм») и стоимость размножения рукописи в необходимом для издательства количестве экземпляров относят за счет автора.

Судебная практика правильно относит стоимость перепечатки рукописи на пишущей машинке за счет издательства.

По вопросам просрочки представления рукописей суд обычно отказывается признать, просрочку представления труда со стороны автора, если просроченная рукопись принимается издательством для просмотра по истечении срока сдачи рукописи по болезни автора.

Суд считает уважительной и просрочку сдачи рукописи по болезни автора.

Дела о взысканиях с авторов авансов составляют основную массу судебных дел, прошедших через народный суд за 1935 г. (от 75 до 80%). Большая часть этих дел — дела бесспорные и не переходящие в кассационную инстанцию.

Наблюдаются отдельные случаи процессуальных нарушений — дела заслушиваются в отсутствие ответчика и при отсутствии сведений о вручении повесток.

При выявлении недобросовестных тенденций со стороны авторов в получении аванса, судом вынесены особые определения, направленные в союз писателей.

Суд правильно отказывает в исках о возврате аванса (25%), если труд, независимо от качества, выполнен и сдан автором издательству, а также в случаях, если труд отклонен без указания причин отклонения.

По одному из авторских дел Кассколлегией Мосгорсуда было вынесено принципиальное, разъяснение о производственном и юридическом значении аванса: «поскольку в действиях автора нет недобросовестности, аванс есть — производственный расход автора, и поскольку последний работал — нет оснований к возврату аванса».

Отсутствие конкретных указаний на характер переработки представленного автором труда влечет за собой обязанность для издательства произвести выплату второго аванса (35%).

Суд правильно отказывает в исках о возврате аванса также в случаях, если работа ав-

тором выполнена, и требование о возврате аванса, связано с сокращением лимита, исключением из издательского плана или не подходит к тематике издательства или представлено автором в иной форме изложения.

При отсутствии расписки в приеме рукописи суд считает бесспорным доказательством сдачи рукописи отметки в редакционной карточке.

Издательства при превышении норм основного тиража и выпуска неполного повторного, иногда устанавливают потысячный расчет с авторами, соответственно фактическому тиражу. Нарсуд в таких случаях разрешает споры в соответствии со ст.ст. 4 и 5 постановления Совнаркома РСФСР от 20 ноября 1928 г., исходя из потиражного принципа оплаты гонорара.

Интересен вопрос о массовых изданиях.

Массовое издание преследует основную цель — дать широким кругам читателей дешевую популярную книгу. Понятие массового издания определяется доступной ценой (удешевленное издание) и популярностью содержания. Третий признак, указанный в ст. 3 постановления СНК РСФСР от 20 ноября 1928 г., — «объем» произведения, в наших условиях имеет второстепенное значение.

Нередко издательства под маркой массового издания выпускают нормальные издания — увеличенным тиражем.

В этих случаях страдают интересы только авторов. Со стороны суда такие издания должны вызывать исключительно внимательное отношение.

В вопросах отклонения рукописи следует различать две причины отклонения труда автора — непригодность и недобросовестность автора.

В первом случае (непригодность) издательство имеет лишь право расторжения договора, без возврата автором выданного ему аванса.

Во втором случае — недобросовестность автора в исполнении его труда должна быть — установлена судом, и только в этом случае к автору может быть предъявлено требование о возврате аванса.

Однако в решениях суда не проводится четкого разграничения между непригодностью рукописи и недобросовестностью автора в исполнении его труда.

В случаях представления автором полноценного труда и отказа от использования этого труда со стороны издательства по соображениям, не зависящим от автора, а лишь от издательства, у суда нет четкой линии в отношении определения размеров оплаты авторского гонорара. В этих случаях суд обязывал выплатить за полноценную работу 100% авторского гонорара по другому делу — 50%, по третьему — 60%.

В случаях невозможности для издательства осуществить издание по причинам, не зависящим от него (стабилизация учебников, типизация, слияние и т. д.), судом установлена практика при расторжении договора, если срок осуществления первого издания истек, авторский гонорар выплачивается в размере 100% и в размере 60%, если срок осуществления издания еще не истек.

Значительное количество авторских дел заканчивается мировыми соглашениями, но суд не проверяет условий мировых соглашений.

Большое количество решений, в которых явно предполагается расторжение договора, не содержит указаний о расторжении договора и судьбе рукописи.

Основной вывод доклада т. Крутикова сводился к тому, что работу суда по авторским делам следует признать вполне удовлетворительной. Выделение авторских дел в особую камеру вполне целесообразно и полностью оправдало себя. Только этим путем могла быть создана единая судебная практика и единообразное применение действующего законодательства об авторском праве.

Третьим докладом по группе авторских прав прошел доклад т. Танина Г. М. на тему: «Защита неимущественных интересов автора в законе и судебной практике».

К неимущественным правам автора относятся: право на обозначение имени автора на обложке и титульном листе произведения, право на точное воспроизведение, право требовать выпуска своего произведения в свет.

Докладчик констатировал, что в судебной практике отсутствует сколько-нибудь значительное количество дел о неимущественных правах автора.

Однако по тем немногим делам, которые прошли в московских судах, следует признать, что судьи чрезвычайно внимательно и углубленно разбирались во всех случаях претензий авторов на неимущественные интересы.

Причиной небольшого количества судебных дел о неимущественных правах авторов, по мнению докладчика, заключается в отсутствии у авторов достаточной уверенности в силе судебного авторитета, поскольку суд, даже признав правоту автора-истца, не обладает, за отсутствием такого рода норм, возможностью привести в исполнение решение, например, об обязанности произвести те или иные действия, направленные к восстановлению нарушенного нематериального интереса.

Доклад Г. М. Танина не вызвал сколько-нибудь значительных возражений. Единодушно было признано, что неимущественные права авторов, предусмотренные законом, должны охраняться судом не с меньшей силой и решительностью, чем материальные интересы авторов.

Библиография

Проф. М. С. СТРОГОВИЧ. УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС. Учебник для правовых школ и юридических курсов. ОГИЗ. Гос. Изд. «Советское законодательство», 1936 г., стр. 131, ц. 2 р. 10 к.

Новое, третье издание учебника проф. М. С. Строговича значительно дополнено по сравнению с предыдущим — и эти дополнения, разбросанные по всему учебнику, касаются в основном наиболее важной его части, именно

щих проблем советского уголовного процесса. Это в значительной степени изменило профиль учебника, сделало его более серьезным содержательным. Однако и в переработанном виде учебник не свободен от некоторых весьма существенных недостатков. Автору был задан элементарный учебник для правовых школ и юридических курсов. Это задание во многих отношениях автором «перевыполнено» (однако далеко не во всех, как мы увидим из дальнейшего). Вместе с тем, не секрет, что учебник проф. М. С. Строговича служит пособием также для правовых вузов. Если подходить с этим масштабом к учебнику, то задание явно «недовыполнено»: предельная краткость и элементарность идут очень часто за счет надлежащей разработки материала.

Не подлежит сомнению, что издание серьезного, стоящего на надлежащей теоретической высоте учебника для правовых школ и юридических курсов нужно только приветствовать. Однако нам кажется, что автор и особенно издательство поступили бы более правильно, если бы поставили себе задачей выпуск учебника именно для правовых вузов, который одновременно в извлечении мог бы служить пособием для правовых школ и юридических курсов. Учебник мог бы оставаться кратким, рассчитанным на то, чтобы учащийся дополнительно обращался к пособиям монографического характера — старым и новым (и в первую очередь к монументальной работе А. Я. Вышинского и В. С. Ундревича), а также к журнальным статьям по тем или другим отдельным вопросам.

**
*

В таком виде учебник производит двойственное впечатление: чувствуется, что автор ориентировался на вузовца, но был связан целевой установкой учебника на учащегося более низкой квалификации. В результате изложение некоторых проблем обрывается ранее, чем исчерпана тема (напр., когда речь идет о буржуазных теориях уголовного процесса), с другой стороны некоторые проблемы получают чрезмерно детальную разработку не только исходя из их бесспорной важности (такова, например, проблема свидетельских показаний), но прямым образом в силу их более легкой усвояемости.

Этой двойственности в учебнике не было бы, если бы автору прямо было дано задание составить учебник для вуза.

Учебник проф. М. С. Строговича, не ставивший себе прямой задачей стать учебником вузовским, однако намечает уже явные контуры такого руководства элементарного типа развернутым руководством является, как известно, курс А. Я. Вышинского и В. С. Ундревича, — к сожалению, пока вышла только 1-я часть). В нем имеются все элементы для построения солидного хотя и элементарного вузовского учебника, причем одновременно может быть разрешена задача использования такого учебника для правовых школ и юридических курсов (если постановку такой двуединой задачи признать целесообразной).

Переходя к самому учебнику, мы должны сделать ряд критических замечаний.

Уже в рецензии на предыдущие издания учебника было указано, что автор уделил совершенно недостаточное место истории уголовного процесса как зарубежного, так и советского. Автор не учел при обработке своего учебника этих замечаний. В частности он не дал надлежащей характеристики процесса буржуазной демократии. Английский процесс совершенно выпал из учебника — по крайней мере в своем историческом аспекте. Учащийся, прочтя учебник, например, не узнает ничего о таком важном документе, как «габеус корпус акт».

Сравнительно-правовой материал представлен в крайне неполном объеме, а между тем желательно включение этого материала по ряду стран как более крупных, так и более второстепенных. Проработав учебник, учащийся не узнает уголовно-процессуального законодательства капиталистических стран, а если узнает, то в случайном и отрывочном виде. Непонятно, почему то, что составляет неотъемлемую часть учебников по уголовному праву, должно отсутствовать в учебнике по уголовному процессу. Учащийся при таких условиях не только не получает надлежащей суммы знаний, но лишен возможности делать ряд противопоставлений, которые будят мысль и помогают яснее понять институты советского уголовного процесса.

Ценность учебника значительно бы поднялась, если бы в нем был надлежаще представлен сравнительно-правовой материал. При обработке учебника для вуза это является совершенно необходимым.

Погоня за элементарностью приводит к тому, что при изложении буржуазных теорий уголовного процесса автор прежде всего не дает полной картины критикуемых им теорий. И получается, что целиком понять его мысль и оценить остроту его критических замечаний (часто плод самостоятельных исследований) может только тот, кто знаком с этими теориями не по его учебнику.

Точно так же непонятно, почему изложение и критика буржуазных уголовно-правовых теорий частью входят в главу: «общие принципы уголовного процесса», частью в главу: «советский уголовный процесс и его задачи» (раздел: «извращения в теории уголовного процесса»). Получается архитектоническая неувязка. Нормативные буржуазные теории и теории процесса, как юридического отношения, попали в первую из названных глав, а теория «формально-процессуальных гарантий», под каковым заглавием фигурирует сводка прежних взглядов проф. Н. Н. Полянского (нужно приветствовать примечание автора о нынешних установках и работах этого ученого) помещена в разделе «извращений в теории уголовного процесса» (в других работах нашего автора взгляды Н. Н. Полянского, как и некоторых других буржуазных процессуалистов, подпадают под рубрику «телеологических теорий»). Однако учащемуся, который не найдет в учебнике изложения основных принципов классического буржуазного уголовного процесса, останется совершенно неясным, что такое «формально-процессуальные гарантии», и критика теорий проф. Полянского может пропасть для него впустую.

Не вводя в учебник ряда материалов, которые хотелось бы в нем видеть, недостаточно полно разрабатывая отдельные проблемы, допуская некоторые архитектонические неувязки, автор торопится иногда внести в учебник ре-

зультат своих исследований, которые еще не «отстоялись»; таковы его положения о роли внутреннего убеждения судьи и отвергнутая в результате дискуссии формула, что «внутреннее убеждение является не критерием (мерилом) оценки доказательств, а результатом этой оценки» (стр. 37).

Особый интерес представляет изложение отдельных проблем у отдельных институтов. Хорошо изложена проблема свидетельских показаний (но совершенно недоработана проблема экспертизы), проблема обжалования приговоров (если не считать крайнюю скудность сравнительно-правового материала особенно в части кассации), прекрасно очерчены задачи советского обвинителя и защитника (тут в зародыше имеется материал для более обширного самостоятельного исследования).

Столь же четко формулированы права и обязанности защиты. Известно, какая путаница по этому вопросу существовала в первые годы революции у некоторых авторов, когда была пущена в оборот мало удачная формула, что защитник — это «говорящий судья». Формула эта была некритически заимствована у А. Ф. Кони, который к тому же выдвинул ее не в отношении защитника, а в отношении прокурора.

Эти времена давно прошли, но дисциплинарная практика ее показывает, что не всегда защитники правильно понимают функции и задачи советской защиты.

Мы считаем, что автор — в рамках предоставленного ему места — удачно очертил задачи и функции советской защиты. Однако в целом эта глава, как и другие страдает неполнотой, мы ничего не узнаем об организации защиты в капиталистических странах и в царской России, ничего не сказано об истории адвокатуры (как впрочем и прокуратуры), о формах и характере ее работы. Несколько слов о положении защиты в фашистских странах этого пробела восполнить не могут и не удовлетворяют читателя.

То, что целый ряд процессуальных институтов не взят в их историческом аспекте, например, институт подследственного ограничения личной свободы (автор даже вскользь не коснулся огромной литературы по этому вопросу)—, приводит к тому, что учащийся не может составить себе надлежащего представления об этих институтах. Благодаря этому автор временами впадает в простой пересказ действующего УПК, что, конечно, нежелательно. Это относится, правда, только к отдельным страницам.

Иногда встречаются и недостаточно ясные формулировки, могущие привести к недоразумениям. Таково, например, следующее место из главы: «Предварительное следствие», раздел: «общие понятия». — «Указанный выше подсобный характер предварительного расследования не исчерпывает всего значения этой стадии уголовного процесса; в некотором отношении предварительное расследование имеет и иное значение. Деятельность органов предварительного расследования, вскрывание ими преступления, выявление, а в случае надобности и изоляция в порядке предварительного заключения социально-опасных лиц, принятие ряда профилактических мер для пресечения развития того или иного вида преступлений само по себе представляет осуществление непосредственной борьбы с преступностью и оказывает определенное, предупредительное воздействие на социально-опасных или неустойчивых лиц, независимо от исхода возбужденного дела в суде» (курсив наш — **А. Б.**). У читателя может сложиться ошибочное впечатление, что следователь, даже видя слабость улик и сомнительность вины подсудимого, превращает подследственное заключение как в самостоятельное наказание: дескать, пусть суд его затем оправдает, хорошо, если он пока посидит. Автор, очевидно, этого не имел в виду, но неточность формулировки может вызвать неправильное понимание, что нежелательно (автор возвращается к этой теме на стр. 74, где он говорит о мерах пресечения, и снова допускает ту же двусмысленность в формулировке).

Этих неточных формулировок (правда, составляющих редкие исключения) не было бы, если бы автор больше насытил свой учебник историческим и сравнительно-правовым материалом. В частности по вопросу о подследственном ограничении личной свободы появились бы интересные параллели (которые можно было бы подкрепить статистическими данными) и стало бы видно, как по сравнению с капиталистическими странами (не говоря уже о странах фашистских) наши судебно-следственные органы скупо пользуются лишением свободы как мерой пресечения.

Наши критические замечания отнюдь не подрывают общей положительной оценки учебника проф. М. С. Строговича. Однако мы полагаем, что учебник нуждается при следующих изданиях (надобность, в которых несомненно представится) в серьезной доработке. Мы предлагаем эту доработку производить по линии превращения учебника в элементарный учебник уголовного процесса для вузов с тем, чтобы этот переработанный учебник мог быть также использован и для правовых школ и юридических курсов. Наличие развернутого курса по уголовному процессу не служит препятствием для издания такого учебника, потому что не устраняет потребности в элементарном руководстве, имеющем самостоятельное значение. Было бы жаль, если бы так успешно начатая (но только начатая) работа не была доведена до конца.

А. Е. Брусиловский

Официальный отдел

Об участии прокуратуры в подготовительных заседаниях

При обсуждении на 55 пленуме Верховного суда Союза ССР доклада Верховного суда СССР о работе подготовительных заседаний судов выяснилось, что районные прокуроры, как правило, в подготовительных заседаниях районных народных судов не участвуют (исключая единичные случаи), участие же краевых (областных) прокуроров в подготовительных заседаниях краевых (областных) судов ограничивается крайне небольшим количеством дел.

Подтверждая к неуклонному исполнению ранее данные указания об обязательном участии в подготовительном заседании прокурора, утвердившего обвинительное заключение, в качестве докладчика, — категорически требую обеспечить, чтобы ни одно дело, по которому предъявленное обвинение влечет за собой по закону лишение свободы, не приходило в судебное рассмотрение народного или краевого (областного) суда без рассмотрения его в подготовительном заседании с обязательным участием в последнем в качестве докладчика прокурора, утвердившего обвинительное заключение.

Одновременно дайте указание о том, что в тех случаях, когда при утверждении обвинительного заключения прокурор изменяет квалификацию вменяемых обвиняемому действий, он обязан соответственно либо полностью пересоставить обвинительное заключение, исключив из него части, не соответствующие новой квалификации обвинения, либо по крайней мере переформулировать резолютивную часть в точном соответствии с признаками применяемой им к делу статьи Уголовного кодекса.

О Ваших распоряжениях в исполнении настоящего циркуляра срочно меня уведомьте.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

29 июня 1936 г.
№ 41/5.

О предании суду следователя Язикова

Произведенным по поручению Главного транспортного прокурора расследованием установлено, что следователь Казанского участка Казанской дороги Язиков Ф. Е.

1) склонил к сожительству секретаря участковой прокуратуры Зайкину, понудил ее (в 1935 г.) сделать аборт, а затем совместно со своей женой подвергали Зайкину гнусной травле; в частности через свою жену послал Зайкиной цинично-хулиганское письмо, оскорбляющее достоинство советской женщины;

2) 6 мая с. г., будучи приглашен на школьный вечер в школу № 6 гор. Казани, напившись пьяным, устроил на вечере скандал, а затем послал на имя Наркома просвещения ТАССР телефонограмму, содержащую ложные и порочащие сведения о всеобщем, якобы, пьянстве учителей на глазах школьников, подписал эту телефонограмму неприсвоенным Язикову званием «Зам. прокурора и следователь транспортной прокуратуры М. К. ж. д.».

Расценивая эти действия Язикова как грубое нарушение дисциплины и как проявление аморальных качеств, совершенно нетерпимых в органах прокуратуры, — приказываю: Ф. Е. Язикова с занимаемой должности снять и предать суду.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

19 июля 1936 г.
№ 420.

О деле Ковровской конторы „Утильсырье“

В связи с выявленной недостачей товаров в Ковровской конторе «Утильсырье» на сумму 1470 руб. 22—23 февраля 1933 г. народным судом 2 участка г. Коврова ИПО были осуждены по закону от 7/VIII 1932 г. к 10 годам лишения свободы зав. этой конторой Дмитриев и кладовщик Мошкин.

26 марта 1933 г. кассколлегия областного суда этот приговор отменила и передала дело на новое рассмотрение со стадии предварительного расследования, причем Дмитриев был из-под стражи освобожден, а Мошкину мера пресечения изменена не была.

Это дело из суда поступило районному прокурору Когтеву. 7 апреля 1933 г. Когтев направил дело для доследования в Ковровское РО б. ОГПУ.

Направив дело в РО ОГПУ, Когтев никакого контроля за дальнейшим ведением следствия не установил, наблюдательного производства не завел и за все время своего пребывания на работе в этом районе судьбой этого дела ни разу не поинтересовался.

В РО ОГПУ дело Мошкина было получено для производства доследования уполномоченным РО Зыковым, который как оказалось впоследствии, никаких следственных действий не произвел, дело положил на шкаф, где оно пролежало без всякого движения в течение 2 лет и 8 мес.

В апреле 1935 г. гр-н Мошкин, находившийся все это время под стражей, подал жалобу на медлительность прохождения его дела.

Вследствие небрежного отношения к жалобе со стороны работников областного суда ИПО и райпрокуратуры Ковровского р-на за что они подверглись дисциплинарному взысканию, и преступно халатного отношения народного судьи Ковровского р-на Моносова и секретаря народного суда Баклуновой к жалобе Мошкина розыски дела Мошкина затянулись на несколько месяцев.

Только в декабре 1935 г. это дело было, наконец, найдено в Ковровском РО НКВД и рассмотрено райпрокурором т. Широких. За недоказанностью факта хищения со стороны Дмитрова и Мошкина и нецелесообразности дальнейшего расследования, 17-го декабря 1935 г. дело производством прекращено и Мошкин из-под стражи освобожден.

Одновременно был передан суду б. уполномоченный РО ОГПУ Зыков, который приговором Военного трибунала осужден к полутора годам лишения свободы.

В общей сложности гр-н Мошкин по вине прокурора Когтева, уполномоченого РО ОГПУ, нарсудьи Моносова и секретаря народного суда Баклуновой неосновательно содержался под стражей в течение 3 лет и 25 дней.

Прокуратурой Иваново-Промышленной области, которой стало известно об этом грубейшем факте нарушения закона из моего письма от 17 февраля 1936 г. и из печати («Известия ЦИК СССР», «Советская юстиция»), не приняла необходимых мер к тому, чтобы надлежащим образом наказать виновных в этом судебно-прокурорских работников. Больше того, несмотря на мое прямое предложение от 17 февраля с. г. о том, чтобы, не ограничиваясь преданием суду Зыкова, привлечь к уголовной ответственности всех виновных в этом деле работников суда и прокуратуры, облпрокуратура ограничилась привлечением к уголовной ответственности судьи Моносова и секретаря Баклуновой, оставив в стороне прокурора Когтева, на которого не наложила даже дисциплинарного взыскания.

Принимая во внимание совершенно исключительный характер волокиты, беззакония, допущенных в отношении гр-на Мошкина и недостаточность мер, принятых в связи с этим делом прокуратурой Иваново-Пром. области, приказываю:

1. Прокурору РСФСР немедленно закончить расследование в отношении прокурора Когтева с преданием его суду одновременно с народным судьей Моносовым и секретарем народного суда Баклуновой.

От прокурорской работы Когтева отстранить.

2. Главному военному прокурору представить мне на подпись протест в Надзорную коллегию Верховного суда Союза на определение Военной коллегии Верховного суда Союза от 1 февраля 1936 г., в силу которого б. уполномоченному Ковровского РО ОГПУ Зыкову лишения свободы совершенно неосновательно заменено условным наказанием.

3. Настоящий приказ разослать всем прокурорам союзных и автономных республик, краев и областей, железно-дорожным, водным и военным прокурорам, прокурорам лагерей.

Копию приказа направить в Бюро жалоб Комиссии советского контроля при СНК СССР, в редакцию «Известий ЦИК СССР» и в редакцию журнала «Советская юстиция».

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

19 июля 1936 г.
№ 421.

О привлечении к ответственности директоров совхозов и МТС

В дополнение к директивам Прокуратуры Союза ССР от 1/VI 1934 г. № 9/27 и от 15/IV 1935 г. № 33/4 о порядке привлечения к уголовной ответственоти директоров совхозов и директоров МТС предлагаю установить, что разрешение на привлечение к уголовной ответственности директоров совхозов в связи с их производственной деятельностью—краевые (областные) или республиканские прокуроры дают только после предварительного согласования с соответствующими управлениями Наркомата совхозов, (за исключением дел по закону от 8/XII 1933 г. и о не выплате зарплаты).

В отношении директоров МТС предварительное согласование вопроса о привлечении их к уголовной ответственности в связи с их производственной деятельностью (за исключением тех же дел) производится с соответствующим Наркомземом республики, края или облзу.

Прокурор Союза ССР **А. ВЫШИНСКИЙ**

Москва, 26 июля 1936 г.
№ 43/9.

Постановления и разъяснения 55-го пленума Верховного суда Союза ССР

28—29 июля 1936 г.

О СОСТОЯНИИ РАБОТЫ СУДОВ ПО ГРАЖДАНСКИМ ДЕЛАМ.

Заслушав доклад Гражданско-судебной коллегии Верховного суда Союза о состоянии работы судов по гражданским делам, пленум Верховного суда СССР констатирует:

1. В свете новой Сталинской Конституции, незыблемо гарантирующей права граждан социалистического государства как политические, так и личные и имущественные, — гражданские дела в судах приобретают еще большее значение:

Разрешая гражданские дела, суды обязаны не только быстро, четко и с величайшим вниманием к живому человеку ограждать права граждан, охраняемые социалистическим законом, но и выполнить огромную воспитательную работу по преодолению пережитков капитализма в сознании людей и укреплению социалистического правосознания.

2. В результате работы последнего года произошло некоторое улучшение в работе судов по гражданским делам. На местах усилилось внимание к гражданским делам. Восстановленные к концу 1935 г. гражданские коллегии начали проводить борьбу с упрощенством, за повышение качества судебной работы и работы по исполнению решений.

Требования кассинстанций к качеству решений 1-й инстанции в особенности после постановления 52 пленума Верховного суда СССР «О строжайшем соблюдении процессуальных

норм в гражданском процессе» повысились, что в связи с другими мерами привело уже к некоторому улучшению работы нарсуда.

3. Однако эти улучшения совершенно недостаточны. Суды далеко еще не сделали всего того, что можно и необходимо сделать. Гражданские коллегии верховных, главных, краевых и областных судов в подавляющем числе судов укомплектованы только наполовину того, что требует объем работы (в Верховном суде УССР например, только 3 члена, в БССР при штате в 7 членов работало до последнего времени только три человека; в Туркмении 1 постоянный работник; в Тадж. Верховном суде также 1; в Западном областном суде вместо 6 по штату работает 3, в Саратовском 3 человека, в Киевском областном суде вместо 6 по штату работает 3 и т. д.).

Наличный малочисленный состав отвлекается еще на другие работы (по уголовным делам, на проведение различных кампаний). В результате состав гражданских коллегий в подавляющем большинстве случаев ограничивает свою работу рассмотрением поступающих дел, не имея возможности вследствие загруженности проводить обследования судебных органов на местах и заниматься обобщением кассационной практики по отдельным вопросам. Квалификация и специальная подготовка членов гражданских коллегий нередко недостаточны.

Качество решений нарсудов по гражданским делам, хотя и несколько улучшилось, но продолжает оставаться на низком уровне, о чем говорит большой процент отмененных и измененных решений (по РСФСР, например, средний процент утверждения решений составлял во вторую половину 1935 г. только 58,2; по УССР в 1935 г. утверждено только 43% решений, по ССР Грузии только 52% решений и т. п.).

«Упрощенство» в работе судов далеко не изжито. Очень плохо обстоит с вручением повесток как по вине народных судей, не всегда придающих этой стороне дела должное значение, так и вследствие плохой работы органов связи, вручающих их зачастую с нарушением установленных правил, и редко возвращающих своевременно в суды. Волокита продолжает оставаться большим злом в судебной работе (недача или задержка ответов на запросы сторон, нередкое отсутствие подготовки дел, что вызывает частые отложения заседаний, несоблюдение сроков рассмотрения дел, нередкие отложения дел без всяких мотивов, задержки в выдаче исполнительных листов, многократные пересмотры решений и т. д.). Нередки неправильные решения из-за незнания судьей законов. Совершенно неудовлетворительно оформление дел (нередко малограмотное составление протоколов и решений, неразборчивость текста, некультурный, неряшливый вид дел и пр.).

Несмотря на постановление 52 пленума Верховного суда СССР и ряд последующих распоряжений Верховного суда, извещение сторон о дне слушания дел в кассационной инстанции повестками в большинстве республик не проводится. В РСФСР жалобщики извещаются о дне слушания при подаче ими кассжалобы, но необеспечен вызов другой стороны.

Очень плохо с исполнением судебных решений, несмотря на принятые меры. Аппарат судисполнителей слаб и мало подготовлен: систематический контроль за работой судебных исполнителей со стороны краевых и областных судов и особенно нарсудов, как правило, еще не налажен.

Пленум Верховного суда Союза постановляет:

1. Просить НКЮ СССР ускорить подготовку и составление Гражданского и Гражданско-процессуального кодексов.

2. Поручить председателю Верховного суда СССР согласовать с НКЮ СССР вопрос о созыве в 4 квартале текущего года совещания судебных работников по гражданским делам с участием председателей гражданских коллегий всех более крупных судов и 15—20 народных судей для обсуждения важнейших вопросов судебной политики и практики по гражданским делам.

3. Учитывая значительный недокомплект гражданских коллегий, — просить НКЮ СССР принять меры к их укомплектованию в ближайшее время до полного состава.

Просить НКЮ СССР провести к 1 января 1937 г. такое расширение штатов гражданских коллегий, которое давало бы им возможность, помимо рассмотрения поступающих дел, повысить качество своих определений, изучать и обобщать судебную практику, производить в установленном порядке углубленное обследование судебных органов на местах .

4. Признать основными методами работы гражданских коллегий:

а) руководство нижестоящими судами и в особенности народным судом путем вынесения квалифицированных, хорошо составленных и обоснованных с правовой и фактической стороны определений;

б) обобщение судебной практики по отдельным вопросам и составление на основе такого обобщения общих оперативных указаний судам по отдельным категориям дел;

в) производство в установленном порядке обследований судебных органов на местах.

5. В целях искоренения «упрощенства» при разрешении гражданских дел и повышения качества работы нарсуда признать необходимым, чтобы ни один случай грубого нарушения судом материального или процессуального закона не оставался без соответствующего воздействия на судью, допустившего такое нарушение (частные определения, товарищеские письма, вызовы для объяснений и т. п. вплоть до привлечения к дисциплинарной ответственности).

6. Для диференцированного изучения нарсудей, обобщения их опыта и поощрения тех из них, которые показывают лучшие образцы работы, считать целесообразным ввести ежеквартальное подведение итогов кассационно-надзорного рассмотрения дел по каждому нарсуду в отдельности.

7. Просить НКЮ СССР предложить НКЮ союзных республик краевым и областным судам обеспечить своевременную отсылку нарсудами кассационных дел и изжить практику нередкого получения дел докладчиками в кассколлегиях накануне или даже в день заседания (например, Московский областной суд, Азово-Черноморский и др.).

8. Просить НКЮ СССР: а) обязать председателей верховных судов республик, не имеющих областного деления, главных судов, краевых и областных судов обеспечить к 1 октября 1936 г. извещение сторон о слушании

дел в кассинстанциях повестками или личными объявлениями под расписку в соответствии с постановлением 53 пленума Верховного суда СССР и его циркулярного письма от 10 марта 1936 г. и б) указать судам РСФСР, где объявление жалобщику о дне рассмотрения кассационной жалобы производится нарсудами, на необходимость обеспечить вручение копии кассационные жалобы и извещения о дне слушания дела другой стороне.

9. Обязать верховные суды, главные, краевые и областные суды составляемые ими обзоры кассационно-надзорной практики по отдельным категориям гражданских дел немедленно посылать в одном экземпляре в Гражданско-судебную коллегию Верховного суда СССР.

10. Указать верховным судам, главным, краевым и областным судам, что производимая ими в настоящее время работа во исполнение постановления Комиссии советского контроля от 22 апреля 1936 г. и циркулярных писем Верховного суда СССР от 7 мая 1936 г. № 23 и 22 мая 1936 г. № 28 (проверка состава судебных исполнителей, их подготовка и переподготовка, обревизование и обследование их работы, привлечение общественности, организация контроля за их работой в особенности со стороны народных судей и пр.) отнюдь не должна носить характера «кампанейщины», а должна послужить началом постоянной систематической работы по улучшению дела исполнения судебных решений и организации постоянного контроля за работой судебных исполнителей.

Просить НКЮ СССР организовать проверку исполнения на местах указанного выше постановления Комиссии советского контроля и циркулярных писем Верховного суда СССР от 7 и 22 мая.

11. Просить НКЮ СССР поставить перед Наркоматом связи СССР вопрос об упорядочении дела вручения судебных повесток и своевременного представления в суд расписок о их надлежащем вручении.

12. Учитывая недостаточное снабжение народных судов законодательными материалами в особенности средне-азиатских и закавказских республик (даже в РСФСР народные суды обычно не имеют Кодекса законов о труде) просить НКЮ снабдить нарсуды необходимыми материалами в возможно короткий срок.

13. Просить НКЮ СССР ввести с 1 января 1937 г. кассационные производства в гражданских коллегиях судов.

14. Просить НКЮ СССР обеспечить все судебные учреждения с 1 января 1937 г. необходимым количеством бумаги, бланков, формуляров, обложек книг и т. п. и установить единообразные правила делопроизводства.

15. Ввиду выделения в некоторых республиках нарсудов по гражданским делам (БССР, УССР УзССР) просит НКЮ СССР изучить опыт с их выделением.

Просить НКЮ СССР восстановить в РСФСР ликвидированные спецкамеры народного суда по железнодорожным и водным делам.

16. Просить НКЮ СССР пересмотреть действующие формы статистического учета по гражданским делам и ввести с 1 января 1937 г. более развернутые статформы, дающие возможность более углубленного анализа движения и характера гражданских дел.

17. Просить редакции журналов «Социалистическая законность и «Советская юстиция» ввести отделы судебной практики по гражданским делам.

О ПРОВЕРКЕ ИСПОЛНЕНИЯ ПОСТАНОВЛЕНИЯ 53 ПЛЕНУМА ВЕРХОВНОГО СУДА СССР О БОРЬБЕ С БЮРОКРАТИЗМОМ И ВОЛОКИТОЙ В СУДЕБНЫХ ОРГАНАХ 29 ИЮЛЯ 1936 ГОДА

Заслушав доклад Уголовно-судебной коллегии Верховного суда СССР о проверке исполнения постановления 53 пленума Верховного суда СССР о борьбе с бюрократизмом и волокитой в судебных органах — 55 пленум Верховного суда СССР отмечает большую работу в судебной системе против разнообразных проявлений бюрократизма и волокиты.

Руководящие судебные органы провели ряд специальных мероприятий общего и организационно-технического характера, правильно связав в основном эти мероприятия, в соответствии с указаниями пленума Верховного суда СССР, — с борьбой за повышение качества судебной работы и улучшение карательной политики судебных органов.

Методом выполнения этих задач являлись: издание директив и циркуляров; переписка с нижестоящими судами; обсуждение указаний пленума и конкретных задач, стоящих перед определенными судами, на кустовых и производственных совещаниях, специальных и широких заседаниях; обследования судов, постановка докладов отдельных судей на заседаниях президиумов, причем количественно проделанная работа в отдельных звеньях судов выражается в значительных цифрах. В качестве особенно ценного мероприятия, проведенного рядом судов, следует указать на развертывание социалистического соревнования между работниками судов и между отдельными судами и вовлечение общественности в работу суда, прежде всего судебного актива.

В большинстве судов установлен и проводится контроль за своевременным исполнением судебными органами директив партии, правительства и постановлений вышестоящих судебных органов.

Ряд практических и организационных мероприятий, проведенных судами для ускорения темпов рассмотрения дел и жалоб, улучшения дела организации приема посетителей, судебного делопроизводства и т. п., дали во многих судах положительные результаты. Так например, в срок до 10 дней рассмотрены в феврале 1936 г. в Меленковском районе Ивановской области 94,1% поступивших дел, в Днепропетровской области (по результатам соревнования) — 92% арестантских дел, всеми судами г. Ленинграда в феврале 1936 г. в срок до 20 дней — все дела о растратах, обмеривании и обвешивании, хулиганстве и хищении соцсобственности, Коллегия горьковского краевого суда во II-й половине 1935 г. в срок до 10-ти дней рассмотрела 82% всех дел. Черниговский Облсуд в I квартале 1936 г. — свыше 80% и т. д.

В результате проведенных судами мероприятий по ликвидации залежей уголовных дел по имеющимся в Верховном суде СССР статсведениям остаток уголовных дел на 1 января 1936 г., на один народный суд в среднем составлял: по РСФСР — 32 дела; по УССР — 31 дело; по БССР — 42 дела; по Армении —

4 дела; остаток дел по народным судам РСФСР — на 1 апреля 1936 г. составлял в среднем по 34 дела на один народный суд.

Ряд достижений отмечается и в сроках рассмотрения судами жалоб в порядке надзора; в 1 полугодии 1936 г. в срок до 5-ти дней рассмотрены — Винницким и Черниговским областными судами — 90% поступивших жалоб, Днепропетровским областным судом — 77% и т. д.

В соответствии с установленным в Верховном суде СССР порядком и сроками рассмотрения дел и жалоб имевшиеся в отдельных коллегиях залежи полностью ликвидированы; в течение 1936 г. в Уголовно-судебной коллегии в срок до 3 дней рассматривается 91,1% всех поступивших жалоб, а остальные—в срок не свыше 5—10 дней, в Транспортной коллегии за II квартал 1936 г.— 95,7% жалоб рассмотрены в 5-дневный срок, в Военной коллегии все поступающие жалобы рассматриваются в 3-дневный срок и т. д.

В большинстве судов установлены часы приема посетителей, причем, как правило, этот прием ведется лишь ответственными лицами.

В соответствии с указаниями, данными Верховным судом СССР по улучшению качества судебной работы на отдельных ее участках рядом судов проведены в жизнь меры, касающиеся работы распорядительных заседаний, своевременного исполнения приговоров, обобщения итогов работы различных судебных инстанций и т. д.

Однако анализ имеющихся в распоряжении Верховного суда СССР данных показывает, что хотя в работе многих судов имеется довольно значительное улучшение на различных участках судебной работы, но коренного перелома в области борьбы с волокитой и бюрократизмом констатировать еще нельзя; поэтому наряду с теми указаниями, которые сделал 53 пленум Верховного суда СССР, необходимо подчеркнуть, что на данном этапе борьбы судебных органов с бюрократизмом и волокитой существенное значение имеют еще следующие недочеты:

а) указанная работа в основном проводилась в порядке кампаний и еще не сделалась повседневной органической работой судебной системы;

б) некоторые суды формально отнеслись к задачам развертывания борьбы с бюрократизмом и волокитой и к инструктированию судебной периферии. Так например, Верховный суд УзбССР вместо доведения постановления 53 пленума до сведения всех без исключения судебных работников и дачи на его основе конкретных практических указаний, вытекающих из местных условий, — ограничился тем, что переписал постановление 53 пленума своими словами, причем частично исказил установки Верховного суда СССР, дал неправильные формулировки и указания. Черниговский областной суд и Верховный суд БССР установили прием посетителей председателями названных судов в течение всего рабочего дня, а областной суд автономной области Нагорного Карабаха предложил судам все дела, связанные с хозяйственно-политическими мероприятиями, рассматривать обязательно в 3-дневный срок и в порядке показательного процесса; некоторые народные суды Татарской АССР (Тельмановский, Шереметьевский), в целях «быстроты» прохождения дел, связанных с весенним севом 1936 г., стали практиковать так называемые «процессы-молнии», с грубейшими нарушениями процессуальных законов: дела рассматривались без утверждения обвинительных заключений, без вручения копий обвинительных заключений обвиняемым и т. п.

Эти факты показывают, что некоторые суды приняли ряд практически невыполнимых мероприятий, бьющих только на внешний эффект и являющихся по существу проявлениями того же самого бюрократизма.

в) Несмотря на тенденцию к сокращению срока рассмотрения дел в ряде судов и несомненное улучшение этой работы в отдельных судах, стойкого успеха еще нет и, как показывает статистика, достижения отдельных судов не сказались на показателях в республиканском разрезе.

г) Не всеми судами поднята на надлежащую высоту борьба за культурное отношение судебных работников к населению и за правильную организацию судебного делопроизводства; между тем, правильная организация этого участка работы во многих случаях является решающим средством для искоренения бюрократизма и волокиты (правила ведения архива, формы описей, оформление дел, ведение судебных протоколов, правила выдачи справок, составление ответов на запросы, порядок назначения дел к слушанию и т. п.).

д) Имеет место невнимательное и небрежное отношение к надзорной работе и рассмотрению жалоб; нередки случаи, когда одна и та же надзорная инстанция, на основании тех же материалов, на протяжении короткого отрезка времени выносит разные решения.

е) Одним из самых существенных недостатков, порождающих волокиту в судах, является отсутствие плановости в работе и невыполнение плана там, где он имеется; недостаточно также изучаются итоги работы распорядительных (подготовительных) заседаний, не всюду удовлетворительно поставлено обобщение кассационной и надзорной практики; недостаточно еще обращается внимания на грамотность изложения приговоров, определений и решений, на четкость и ясность формулировок, на обязательность мотивировок, в том числе, и в случаях отказа второй инстанции по кассационным жалобам, на строгое соблюдение всеми судами процессуальных норм.

Вместе с тем 55 пленум Верховного суда СССР отмечает, что бюрократизм и волокита в судах в известной степени определяются бюрократизмом и волокитой в следственно-прокурорских органах.

Учитывая, что проект новой Конституции Союза ССР делает еще более недопустимыми какие бы то ни было проявления бюрократизма и волокиты, которые мешают осуществлению судами социалистического правосудия, —

— 55 пленум Верховного суда Союза ССР постановляет:

1. Обязать все руководящие судебные органы неуклонно продолжать борьбу с бюрократизмом и волокитой в судебной системе, проводя ее систематически во всей текущей судебной работе и связывая ее с борьбой за повышение качества работы судов.

2. Обязать судебные органы в своей работе по рассмотрению жалоб неуклонно выполнять постановление 3 пленума Комиссии со-

ветского контроля при СНК СССР «О рассмотрении жалоб трудящихся», а именно:

а) установить точную регистрацию всех поступающих жалоб, а также контроль за рассмотрением и прохождением этих жалоб и за исполнением решений, принятых по этим жалобам; привлекать к строгой ответственности работников, виновных в утере жалоб;

б) при получении жалоб точно устанавливать срок их рассмотрения, а в тех случаях, когда жалоба требует длительного расследования, своевременно ставить об этом в известность жалобщика;

в) систематически проверять постановку работы по жалобам во всех звеньях судебной системы.

3. В подтверждение и дополнение к постановлению 53 пленума Верховного суда СССР обратить особое внимание:

а) на правильную постановку контроля исполнения, являющегося одним из основных средств борьбы с бюрократизмом;

б) на широкое развертывание соцсоревнования как между отдельными работниками суда, так и между отдельными судами по линии судебной работы, а именно: сокращения сроков прохождения дел, улучшения работы подготовительных заседаний и борьбы с необоснованным обвинением, поднятия качества судебного следствия, поднятия кассационной работы на должную высоту (ускорение темпов рассмотрения кассационных дел, вынесение мотивированных обоснованных кассационных определений, правильно ориентирующих суды 1 инстанции и пр.), своевременного обращения приговоров к исполнению, а также по линии правильной организации судебного делопроизводства (ведение архива, установление форм описей, оформление дел, ведение судебных протоколов, правила выдачи справок, составление ответов на запросы, порядок назначения дел к слушанию и т. п.);

в) на широкую популяризацию судебных работников, показавших лучшие образцы судебной работы.

О ПРАВЕ КАССАЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ ОТМЕНИТЬ ПРИМЕНЕННУЮ СУДОМ 1 ИНСТАНЦИИ АМНИСТИЮ БЕЗ ПЕРЕДАЧИ ДЕЛА НА НОВОЕ РАССМОТРЕНИЕ

Заслушав представление Прокуратуры Союза ССР об издании разъяснения по вопросу, вправе ли кассационная инстанция отменить примененную судом 1 инстанции амнистию без передачи дела на новое рассмотрение, пленум Верховного Суда Союза ССР постановляет:

Разъяснить, что в тех случаях, когда кассационная инстанция, рассматривая дело в кассационно-ревизионном порядке, устанавливает в приговоре амнистии к осужденному, к которому она не должна быть применена, кассационная инстанция, на основании ст. 26 п. «б» Основ уголовного судопроизводства Союза ССР и союзных республик, а также на основании ст. 416 п. 2 УПК РСФСР и соответствующих статей УПК других союзных республик, должна отменить приговор с передачей дела на новое рассмотрение для определения судом 1 инстанции меры наказания без применения амнистии.

В тех случаях, однако, когда кассационная инстанция признает меру наказания, назначенную в приговоре в окончательном выводе (т. е. с применением амнистии) достаточной для осужденного и без применения амнистии, кассационная инстанция вправе, оставляя приговор в силе и не передавая дела на новое рассмотрение, исключить из приговора применение амнистии и заменить первоначальную меру наказания мерой, назначенной в окончательном выводе приговора.

ВЛЕЧЕТ ЛИ УСЛОВНО-ДОСРОЧНОЕ ОСВОБОЖДЕНИЕ ОТ ЛИШЕНИЯ СВОБОДЫ ДОСРОЧНОЕ СНЯТИЕ ПОРАЖЕНИЯ В ПРАВАХ

Заслушав представление Прокуратуры Союза ССР об издании разъяснения по вопросу о том, остается ли в силе после условно-досрочного освобождения от лишения свободы назначенное в том же приговоре в качестве дополнительной меры поражение в правах, 55 пленум Верхсуда Союза ССР разъясняет, что по прямому смыслу ст. 38 «Основных начал уголовного законодательства СССР и союзных республик» (СЗ СССР 1929 г. № 72, ст. 686) условно-досрочное освобождение от лишения свободы не влечет за собой одновременного освобождения тем самым от назначенных в приговоре дополнительных мер наказания и в том числе также от поражения в правах.

В случае возникновения вопроса о необходимости снятия или сокращения срока поражения в правах, этот вопрос подлежит самостоятельному разрешению судом вне зависимости от вопроса об условно-досрочном освобождении.

О КВАЛИФИКАЦИИ ПРЕСТУПЛЕНИЙ, СОВЕРШЕННЫХ ЗАКЛЮЧЕННЫМИ И СВЯЗАННЫХ С ВЫПОЛНЕНИЕМ ИМИ ПО НАЗНАЧЕНИЮ АДМИНИСТРАЦИИ ТЕХ ИЛИ ИНЫХ ДОЛЖНОСТНЫХ ФУНКЦИЙ

28 июля 1936 г.

Заслушав представление Прокуратуры СССР об изменении постановления 53 пленума Верховного суда СССР от 3/I 1936 г. по вопросу о квалификации преступлений, совершенных заключенными и связанных с выполнением ими по назначению администрации тех или иных должностных функций, 55 пленум Верховного суда СССР, во изменение указанного постановления 53 пленума Верховного суда СССР от 3/I 1936 г. разъясняет:

В отношении заключенных, совершивших при выполнении ими по назначению администрации должностных функций тех или иных мелких преступлений, должны быть применены меры дисциплинарного воздействия, налагаемые в административном порядке (перевод на более тяжелые работы, перевод в другое место лишения свободы с более строгим режимом, заключение в штрафной изолятор и т. д.).

В тех случаях, когда заключенный совершит серьезное преступление, требующее применения мер уголовной репрессии, заключенный привлекается к уголовной ответственности, причем, если это преступление подпадает под признаки статей главы о должностных преступлениях УК союзных республик, оно подлежит квалификации по этим статьям через ст. 16 УК РСФСР и соответствующих статей УК других союзных республик.

Председатель Верховного суда СССР
А. ВИНОКУРОВ.
Секретарь пленума **СМОЛИЦКИЙ.**

СВОДКА ВАЖНЕЙШИХ ПОСТАНОВЛЕНИЙ ПРАВИТЕЛЬСТВА СОЮЗА ССР

За июнь месяц 1936 г.

I. СОВЕТСКОЕ СТРОИТЕЛЬСТВО

1. Госустройство и управление

1. О возложении на Всесоюзную государственную санитарную инспекцию при СНК Союза ССР наблюдения и контроля за оборотом в Союзе ССР опиума и других наркотических средств — пост. СНК СССР от 23/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 246)

2. Об образовании Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР—от 21/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 250).

3. Об отмене некоторых законов в связи с образованием Всесоюзного комитета по высшей школе при СНК Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 26/V 1930 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 251).

4. Положение о Народном комиссариате финансов Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 268).

5. Об отмене Положения о Народном комиссариате финансов Союза ССР от 12 ноября 1923 г. — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 269).

2. Военное и морское дело

6. Об утверждении Положения о прохождении службы начальствующий составом Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 16/X 1935 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 240-а).

7. Положение о прохождении службы начальствующим составом Главного управления государственной безопасности Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 16/X 1935 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 240-а).

8. О дополнительных знаках различия для командного и начальствующего состава Народного комиссариата внутренних дел Союза ССР — пост. СНК СССР от 28/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 242).

II. НАРОДНОЕ ХОЗЯЙСТВО

1. Промышленность

9. О передаче горно-технической инспекции по технике безопасности в соляной промышленности из ведения Народного комиссариата тяжелой промышленности в ведение Народного комиссариата пищевой промышленности — пост. СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 247).

10. О разукрупнении трестов Народного комиссариата тяжелой промышленности по Донбассу — пост. СНК СССР от 3/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 248).

11. О признании утратившими силу некоторых постановлений ЦИК и СНК Союза ССР о проектировании капитального строительства—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 253).

12. О порядке составления проектов и смет по капитальному строительству — пост. СНК СССР от 23/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 258).

13. О порядке внесения на рассмотрение Совета народных комиссаров Союза ССР титульных списков строительства и планов пуска новых предприятий—пост. СНК СССР от 28/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 259).

14. Об отмене постановления ЦИК и СНК Союза ССР от 12 сентября 1924 г. «О промышленных образцах (рисунках и моделях)»—пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 269).

2. Земля и сельское хозяйство

15. О плане сдачи шерсти совхозами в 1936 г. — пост. СНК СССР от 28/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 260).

16. Об утверждении Положения о рыболовецкой колхозной системе Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 28, ст. 263-а).

17. Положение о рыболовецкой колхозной системе Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 27/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 28, ст. 263-б).

3. Транспорт

18. О запасных частях для подвижного состава железнодорожного транспорта — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 26/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 269).

19. О переименовании Самаро-Златоустовской железной дороги в дорогу имени т. В. В. Куйбышева — пост. ЦИК СССР от 23/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 255).

4. Связь

20. Об улучшении низовой почтовой связи — пост. СНК СССР от 23/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 244).

21. Об оплате за пользование радиосвязью гидро-метеорологической службой Народного комиссариата земледелия Союза ССР — пост. СНК СССР от 29/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 249).

III. ФИНАНСЫ

22. Об изменении порядка расчетов и кредитования минеральных удобрений — пост. СНК СССР от 22/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 245).

23. О ликвидации управлений государственных трудовых сберегательных касс и государственного кредита при управлениях железных дорог — пост. СНК СССР от 29/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 28, ст. 206).

24. О назначении основных работников областных и низовых финансовых органов — пост. СНК СССР и ЦК ВКП(б) от 2/VI 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 267).

IV. ТОРГОВЛЯ, ЗАГОТОВКИ И СНАБЖЕНИЕ

25. О расширении сети оптово-сбытовых баз промышленности и улучшении организации оптовой торговли товарами широкого потребления — пост. СТО от 16/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 262).

26. О плане контрактации эфиро-масличных культур на 1936 г. и о мероприятиях по повышению их урожайности — пост. СТО от 28/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 29, ст. 272).

V. ТРУД И СОЦСТРАХОВАНИЕ

27. Об утверждении инструкции Народного комиссариата просвещения РСФСР о повышении заработной платы учителям и другим школьным работникам — пост. СНК СССР от 19/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 28, ст. 265).

VI. АДМИНИСТРАТИВНОЕ ПРАВО

28. Об образовании Житомирского округа в составе Киевской области УССР — пост. ЦИК СССР от 29/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 26, ст. 241).

29. О специальных званиях и знаках различия личного состава Рабоче-крестьянской милиции НКВД Союза ССР — пост. ЦИК и СНК СССР от 26/IV 1936 г. (СЗ 1936 г. № 27, ст. 252).

30. О переименовании Высокопольского района, Днепропетровской области в район имени Фрица Геккерта — пост. ЦИК СССР от 21/V 1936 г. (СЗ 1936 г. № 28, ст. 264).

ИЗДАТЕЛЬ: Государственное издательство «Советское законодательство» Отв. редактор А. Я. ВЫШИНСКИЙ
Адрес издательства: Москва, Красная площадь, зд. ЦИК, пом. 28
Рукопись поступила в издательство 29/VIII—8/IX 1936 г. Сдано в производство 31/VIII—9/IX 1936 г.
Подписано к печати 28/IX 1936 г. 6,5 п. л.; 16,7 авт. листа. В одном бум листе 31000 печ. знаков
Формат бум. 72×110/16 С—04 п.; № 513. Технический редактор И. Барков
Уполном. Главлита Б—27536 Заказ № 1227. Тираж 17 000
15-я типография ОГИЗ треста «Полиграфкнига», Москва, М. Дмитровка, 18

КОНКУРС

НА ЛУЧШИЙ ОЧЕРК-КОРРЕСПОНДЕНЦИЮ

Государственное издательство „Советское законодательство“ совместно с редакцией журнала „Социалистическая законность“ объявляет конкурс на лучший очерк-корреспонденцию.

ТЕМЫ ДЛЯ ОЧЕРКОВ

1) **Как я улучшил качество следственной работы** (методы и практика работы народного следователя).

2) **Группа содействия прокуратуре — активный помощник в борьбе за революционную законность.**

3) **Государственный обвинитель на судебной трибуне** (методы подготовки и практика работы).

4) **Как я работаю с жалобами.**

5) **Как я веду работу по надзору за законностью.**

Очерки должны быть написаны живым популярным языком с приведением конкретных примеров. Рукописи желательно пересылать в 2 экз., напечатанными на пишущей машинке, размером не свыше 8—10 страниц, через два интервала.

Принятые редакцией очерки будут систематически помещаться в журнале и оплачиваться гонораром. По окончании конкурса — 1 января 1937 г. — опубликованные в журнале очерки будут обсуждены конкурсным жюри и лучшие из них премированы.

По каждой теме установлено от двух до трех премий (400—300 и 250 руб.), кроме авторского гонорара.

О составе жюри конкурса будет сообщено дополнительно.

Рукописи следует направлять заказными письмами с отметкой „на конкурс“ по следующему адресу:

Москва, Красная площадь, здание ЦИК СССР, пом. 28, Государственное издательство „Советское законодательство“

ЦЕНА 1 руб.

М 67397

ОБЪЯВЛЕНИЯ О ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц 21 июня 1936 г. под № 657

Районный государственный трест местной промышленности Дзержинского района г. Москвы

находящийся в ведении президиума Дзержинского райсовета г. Москвы
Москва, Лубянский пассаж, помещение 23, тел. К-4-26-97.

54

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 197

Московский государственный транспортный трест

„МОСТОРГТРАНС"

находящийся в ведении Мособлвнуторга
Адрес: Трубецкая 30/6

55

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собран. закон. и распоряжен. правительства СССР 1931 года, статья 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодат.» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 8583, находящаяся в непосредственном подчинении Главного управления жел. и водных буфетов и вагон-ресторанов Наркомвнуторга СССР

„Линейная контора жел. дор. буфетов" Московско-Белорусской ж. д.

Адрес: г. Москва

57

Московским областным финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 года, ст. 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в реестре юридических лиц под № 227

Московский областной кооперативный союз меховой промышленности

„МОСОБМЕХПРОМСОЮЗ"

Адрес: Москва, Кирпичная 4.

58

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрции (Собр. законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., ст. 99 и «Бюлл. фин. и хоз. законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3751

Государственная всесоюзная контора по сбыту автомобилей, тракторов, двигателей и запасных частей к ним

„АВТОТРАКТОРОСБЫТ"

находящийся в ведении Гутаи Наркомтяжпрома СССР
Адрес: Неглинный 23

59

Московским городским финансовым отделом на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 484

База московского отделения союзгалантерейтрикотажторга

находящаяся в ведении Московского отд. Союзтрикотажа
Адрес: Петровка 8

60

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собрание законов и распоряжений правительства СССР 1931 г., статья 99 и «Бюллетень финансового и хозяйственного законодательства» 1931 г. № 12) зарегистрирован в государственном реестре юридических лиц под № 3601

Государственный всесоюзный трест авторемонтных предприятий

„СОЮЗАВТОРЕМОНТ"

находящийся в ведении НКТП СССР реорганизован из В/О „Авторемснаб"
Адрес: Москва, ул. Татищева 3, тел. В-1-75-37

61

Народным комиссариатом финансов СССР на основании положения и правил государственной регистрации (Собр. зак. и распоряж. правительства СССР 1931 года, статья 99 и «Бюллетень финансов. и хозяйствен. законодательства» 1931 года № 12) зарегистрирована в государственном реестре юридических лиц под № 3292

Всесоюзная контора по борьбе с амбарными вредителями „БОАМВЕ"

находящаяся в ведении комитета по заготовкам сельскохозяйственных продуктов при СНК СССР
Адрес: Моросейка 17

62